

А.А.Веселицкий
**совершенно
секретно:**

**ЗАГОВОР
ПРОТИВ
РЕСПУБЛИКИ**

(Итальянский неофашизм)

Вся страна поднялась в едином порыве, чтобы дать отпор проискам реакции. Таков ответ демократических сил на эскалацию фашистского насилия.

В первых рядах участников антифашистских манифестаций и забастовок идут коммунисты.

Представители широких прогрессивных кругов повсеместно создали унитарные антифашистские комитеты. В парламенте демократические партии безоговорочно осудили преступления неофашистов. Общественность потребовала обуздания современных чернорубашечников и запрещения их организаций.

«Реакционные силы нагло бросают вызов итальянской демократии: опасность велика,— заявил Генеральный секретарь Итальянской коммунистической партии Энрико Берлингуэр.—

Но мы принимаем этот вызов...

Мы готовы сражаться на всех фронтах, мобилизуя огромную демократическую энергию нашей страны, которая уже сумела сорвать другие заговоры, мы готовы дать отпор всем угрозам и пойти вперед»

(«XIII съезд Итальянской коммунистической партии (Милан, 13—17 марта 1972 года)». М., 1973, стр. 102—103).

АНТИФАШИСТСКАЯ ДЕМОНСТРАЦИЯ
В РИМЕ.

«Сегодня, в условиях переживаемого страной кризиса, фашизм громко заявляет о себе... Самое важное показать, что неофашизм в своих террористических и провокационных акциях опирается на общничество, поддержку, помощь в государственном аппарате и в политическом руководстве, которое несет ответственность за ориентацию общественной администрации».

«Ринашита» (Рим)

«...Помимо сохранения системы несправедливости и соучастия, которая способствует убийцам и террористам, фашизм не умер, потому что фашизм — это не что иное, как страх, насилие, несправедливость».

«Темпо» (Милан)

«Поскольку полиция, разумеется, не бездействует, поскольку нельзя сказать, что она страдает от недостатка средств, связи и контроля, остается сделать вывод, что печальные и опасные акции опираются на несомненное соучастие, или потворство, или покровительство тех, кто отдает себя на службу подобных акций, или тех, кто их терпит».

«Оссерваторе романо» (Ватикан)

А. А. Веселицкий

**совершенно
секретно:**

ЗАГОВОР
ПРОТИВ
РЕСПУБЛИКИ
(Итальянский нефашизм)

Москва
Издательство
политической литературы
1976

Веселицкий А. А.

В38 Совершенно секретно: заговор против республики. (Итальянский неофашизм). М., Политиздат, 1976.

224 с. с ил. (Запад наших дней).

В конце 60 — начале 70-х годов Италия стала ареной необъяснимых на первый взгляд событий: в стране со столь сильными антифашистскими традициями открыто подняли голову последыши Муссолини. Взрывы бомб в общественных учреждениях и в поездах, избивания активистов левых партий, поджоги зданий демократических организаций... В результате — смутные и тревожа, десятки убитых и раненых в мирное время, более трех десятилетий спустя после того, как в Европе отгремели последние залпы второй мировой войны.

Кто виноват?

Об этом и рассказывает журналист-международник А. А. Веселицкий.

В $\frac{11105-231}{079(02)-76}$ 240—76

32И

ВСТУПЛЕНИЕ

В ТЕ ДНИ, В ДЕКАБРЕ

В этой книге — ни слова выдумки. Тем более мрачной представляется правда...

...Была пятница, 12 декабря 1969 года. До конца операций в крупнейшем в Милане Сельскохозяйственном банке оставалось около получаса, когда в его главный зал вошел мужчина средних лет с небольшой черной сумкой из искусственной кожи, застегнутой на «молнию». Он прошел вдоль кассовых окошек, зачем-то заглянул в мусорную корзину у круглого стола, закурил и быстро направился к дверям.

Спустя несколько минут взрыв страшной силы прогремел над площадью Фонтана, где находится главный вход в банк. Часы на его фронто-не показывали 16 часов 37 минут.

Уже час спустя на стол начальника миланской полиции легло допесение: 16 убитых, 88 раненых. Вслед за этим поступает и другое сообщение: еще одна бомба, не взорвавшаяся лишь из-за мелкой неполадки в часовом механизме, найдена в Коммерческом банке. В начале седьмого вечера — телефонограмма из Рима: между

16.45 и 17.15 три взрыва прозвучали в самом центре столицы. По счастливой случайности там обошлось без жертв: осколками лишь легко ранено несколько прохожих.

Поздно вечером президент республики Джузеппе Сарагат вызывает на совещание министра внутренних дел Рестиво и командующего карабинерами (военной жандармерией) Форленцу, а также ряд руководителей правительственных учреждений. Обсуждается вопрос о введении в стране осадного положения. Однако это предложение отвергается. Между тем полицейские органы уже начали расследование.

В Милане дело поручается судебному следователю Антонио Амати и полицейскому комиссару Луиджи Калабреззи. «Я убежден, — заявляет журналистам Амати, — что инициаторов бойни следует искать среди анархистов». В этом с ним согласен и Калабреззи.

В 7 часов вечера крупный наряд полиции во главе с самим комиссаром начинает обыск в помещении одного из наиболее известных в Милане анархистских кружков. В этот момент к зданию подъезжает на мопеде железнодорожный рабочий Джузеппе Пинелли — один из руководителей кружка. «Мы знаем, что ты ни при чем, — говорит ему Калабреззи. — Негодяй нам известен. Это — Вальпреда».

Так два часа спустя после взрывов впервые называется имя, которому суждено стать символом одного из самых острых политических скандалов послевоенной Италии.

1. Вальпреда

Вальпреда Пьетро. Год рождения — 1938-й. В 1946—1949 годах учился в частной католической школе. Ее строгий режим возненавидел

сразу же. Уже тогда, вспоминает он, всяческие униформы и иерархические лестницы вызывали у него ярость. Потом два года он ученик гравера. В 1951 году становится танцовщиком, и именно балет Пьетро считает своей главной профессией.

Политикой Вальпреда начал увлекаться очень рано, еще в детстве, твердо усвоив от своего деда — социалиста с полувековым стажем — истину: «главные враги народа — это попы, господа и фашисты».

К анархизму, который всегда был характерным, хотя обычно и маловлиятельным, компонентом итальянского рабочего движения, Вальпреда примыкает в 1953 году. Его новые друзья — усталые и разочарованные люди, вся их «политика» сводится к пережевыванию классических идей анархизма да эпизодическому распространению газет и листовок.

Вальпреда же полон энергии. Он жаждет действия, и в этом с ним солидарен другой член группы — Джузеппе Пинелли, уже тогда хорошо известный в кругах миланских анархистов. Лишь несколько лет спустя, в 1965 году, долгие беседы между Вальпредой и Пинелли получают свое логическое развитие: они создадут свою собственную группу, которая установит контакты с зарождавшимися тогда молодежными группами протеста.

Когда весь Запад охватывает волна студенческого «бунта», миланские анархисты, в том числе и Вальпреда с Пинелли, участвуют в первых ассамблеях студентов в высших учебных заведениях. Начинается период, который в многочисленных документах следственных органов получит название «насильственного разрушения».

8 июня 1968 года 300 «бунтарей» занимают с целью протеста здание крупнейшей буржуазной

газеты «Коррьере делла сера». Среди задержанных полицией нет ни Вальпеды, ни Пинелли, но именно в тот день их имена впервые заносятся в досье. Это делает по личному указанию начальника политического отдела миланской полиции Аллегры комиссар Калабреззи.

Два месяца спустя в городе Масса Каррара открывается V всемирный конгресс анархистов. «Мы должны как можно глубже проникнуть в студенческое и рабочее движение», — заявляет с трибуны конгресса тогдашний кумир бунтующей молодежи Кон-Бендит. Эти слова тонут в бурной овации и выкриках восторга. Среди тех, кто особенно шумно выражает свое одобрение, — Пьетро Вальпеда. Присутствующий на конгрессе агент миланской полиции немедленно отмечает это в своих заметках. С того времени в политическом отделе Вальпеда именуется уже не иначе как «весьма опасный бунтовщик», и за ним устанавливается особый надзор. Комиссар Калабреззи помещает его досье в свой сейф, чтобы лично следить за действиями Вальпеды.

В конце ноября 1968 года в истории студенческого движения происходит событие, которое долго остается предметом самых оживленных комментариев прессы: так называемые «марксисты-ленинцы» (промаоистская группа) и анархисты явочным порядком занимают подлежащее сносу здание гостиницы в самом центре Милана и создают там «Дом студентов и трудящихся». На здании, находящемся как раз напротив Сельскохозяйственного банка, появляются красные знамена с профилем Мао и черные флаги анархистов.

Под видом маоистов и анархистов в «Дом» проникают десятки осведомителей полиции. Отныне каждая листовка, написанная Пьетро и его друзьями, заносится в специальную папку, каждый шаг Вальпеды фиксируется. О том, сколь

«важной» считает полиция его личность, свидетельствует хотя бы такой факт: когда в конце января 1969 года Вальпреда во главе группы анархистов отправляется на известный курорт Сан-Ремо для организации протеста против «буржуазного перерождения» фестиваля песни, туда едет сам Калабреззи.

Здесь мы подходим к одной из центральных дат в истории заговора против республики — 25 апреля 1969 года.

В этот день на Миланской ярмарке и в здании Центрального вокзала взрываются бомбы. Машины «скорой помощи» привозят в больницы более 20 раненых. Город бурлит. Уже в 9 часов вечера все камеры предварительного заключения миланской полиции полны анархистов. Одним из первых к следователю вызывается Вальпреда. «Назови нам имена твоих друзей, которые в последнее время говорили о бомбах. Об остальном мы позаботимся сами». Но Вальпреда лишь смеется в ответ.

Иначе ведет себя другой анархист — 25-летний Паоло Браски. Правда, лишь после того, как его «обрабатывает» комиссар Калабреззи. «Во время поездки в Сан-Ремо, — говорит Браски, — я предложил Вальпреде организовать какую-нибудь впечатляющую акцию протеста по типу тех, которые организуют «коммандос». На это он мне заметил, что мы слишком неопытны в подобных делах, что для этого нужны специалисты-подрывники...»

Допросы следуют один за другим, и вот уже на свет появляется новое признание: «Шесть месяцев назад, — уточняет Браски, — я похитил в одном из карьеров значительное количество взрывчатки, которую надежно спрятал, сказав об этом Пьетро. Несколько дней спустя взрывчатка исчезла... Я убежден, что взять ее мог только Вальпреда».

Этого свидетельства, которое, как оказалось впоследствии, никем не проверялось, вполне достаточно для комиссара Калабреззи. Отныне Вальпреда для него не только опасный бунтарь, но и потенциальный террорист.

Правда, и сам полицейский комиссар, вероятно, чувствует всю шаткость подобных обвинений. Вальпреда по-прежнему остается на свободе.

Фальшивка Браски всплывет на поверхность лишь два года спустя, когда руководство карьерами после тщательной проверки заявит, что на их территории кражи взрывчатки обнаружено не было, а тот же Браски напишет: «Я признаю, что лгал тогда. В течение трех дней меня допрашивали, не давая спать, заставляли все время отвечать на вопросы стоя. Агенты менялись один за другим. Лишь на третий день мне дали один бутерброд... Однако главное, что заставило меня подписать заготовленные Калабреззи протоколы, — это жуткие побои. Меня впервые в жизни били так жестоко. Особенно страшно было, когда полицейские гасили свет и толкали меня друг к другу, нанося при этом удары и кулаками, и ногами...»

Но все это выяснится лишь в 1971 году, а пока удовлетворенный Калабреззи заносит в досье Вальпреды зловещую фразу: «Следить днем и ночью».

Этим занимается другой комиссар миланской полиции — Умберто Импрота. Слежку он организует весьма оригинально: не проходит и дня, чтобы Вальпреду не остановил какой-нибудь агент и не предложил ему сотрудничество с полицией.

Так проходит несколько месяцев. 3 сентября 1969 года Вальпреду останавливают на улице и приглашают в машину с гражданским номером. Его везут к Колизею, где уже ждет другая

машина. В ней сам Импрота. «В этом конверте,— говорит он, обращаясь к Вальпреде,— 800 тысяч лир, двухлетний контракт с телевидением и чек на новую машину. Ты получишь все это, как только скажешь, кто из твоих друзей занимается бомбами».

Вальпреда выходит из себя, истерически кричит, но сильный удар Импроты отбрасывает его к стене. Машина комиссара быстро уезжает.

С этого момента тактика полиции по отношению к Вальпреде резко меняется. Отныне за ним следит 26-летний инспектор по особым поручениям Сальваторе Ипполити, уже давно проникший под видом анархиста в кружок имени Бакунина в Риме, в который к тому времени вступил и Вальпреда. И здесь Пьетро — лидер тех молодых бунтарей, которых не устраивает традиционная тактика анархизма: полная изоляция от других левацких и левых групп, никакой работы среди организованных рабочих.

Ипполити следует за Вальпредой по пятам и во всем соглашается со своим «старшим другом». Когда тот решает создать собственную группу, Ипполити первым поддерживает это предложение.

Новый кружок получает название — «22 марта» (именно в этот день в 1968 году начался студенческий бунт во Франции).

С первых же дней существования вся деятельность новой организации через Ипполити становится известной римской полиции. Вальпреда чувствует это, хотя и не догадывается, кто предает его. Он устал и морально, и физически. И поэтому, когда вдруг, после долгого перерыва, ему предлагают работу, Вальпреда не колеблется, хотя новое место и далеко от Рима — на Сардинии.

Однако этим планам не суждено сбыться. В начале декабря 1969 года Вальпреда получает

новестку из миланского суда—его просят явиться для дачи показаний по «одному делу».

В четверг, 11 декабря, в 16 часов 20 минут, за сутки до взрыва на площади Фонтана, Вальпреда покидает Рим. В 7 часов утра на следующий день он на своей машине въезжает в Милан. От езды всю ночь он устал. Его знобит. Он едет к своей тетке, которая живет на окраине города. Таблетка аспирина, душ,— и Вальпреда ложится в постель. В 10 часов утра он входит в кабинет своего адвоката. С ним Пьетро обсуждает ответы на вопросы, которые, вероятно, задаст следователь по каким-либо его старым делам. Беседа длится около двух часов.

В полдень 12 декабря Вальпреда прощается с адвокатом. С этого момента он становится главным обвиняемым по делу о взрыве на площади Фонтана.

Перед нами две версии по поводу времени от 12.00 до 16.37. Версия обвинения: выйдя от адвоката, Вальпреда, заранее заготовивший бомбу замедленного действия, отправился в банк, где и поместил ее в мусорной корзине у главного стола в центре зала. Затем он вернулся к тетке и лег спать. Версия обвиняемого: выйдя от адвоката, он немедленно отправился домой и проспал весь день, лишь из вечернего выпуска новостей узнав о взрывах, которые произошли в Милане и Риме...

2. Пинелли

«Мы знаем, что ты ни при чем,— говорит Каллабреззи, обращаясь к Пинелли.— Негодяй нам известен. Это — Вальпреда. Но кое-что все-таки нужно уточнить». И комиссар приглашает Пинелли, а также другого анархиста — Серджо

Ардау, оказавшегося в тот момент в помещении кружка, в полицию. Ардау садится в машину Калабреззи, а Пинелли едет вслед на своем мопеде...

Джузеппе Пинелли. Год рождения — 1928-й. Бригадир стрелочников на Миланском железнодорожном вокзале. Женат. Двое детей.

Руководитель участка, на котором работал Пинелли, дал ему такую характеристику: «Это — человек, полностью лишенный эгоизма, самый добрый из тех, кого я знал. Услышав мычание коров, иногда перевозимых в товарных вагонах, он нес им в ведрах воду».

С самого детства Пинелли читал все подряд и читал много. С первого дня женитьбы в семье было решено: ни гроша на кино или другие развлечения. Только книги.

В 15-летнем возрасте, в период Сопротивления, Пинелли был связным в партизанском отряде, большинство которого составляли анархисты. Это и сыграло решающую роль в его жизни. Подружившись с бывшим продавцом фруктов, неким Россини, Пинелли впервые услышал о Бакунине и Кропоткине, об итальянских анархистах.

Одним словом, Пинелли воспринял анархию как учение великих мучеников за всеобщее счастье. И в этом романтическом образе не было места бессмысленному насилию. Пинелли часто повторял слова классика итальянского анархизма Эррико Малатесты (1854—1932): «Мы против насилия. Это известно. Главная задача анархии — искоренение насилия, создание общества, основанного на полной свободе каждого индивидуума. Насилие оправдано лишь тогда, когда оно необходимо для защиты самого себя и окружающих. Там, где кончается необходимость, начинается преступление». (Излишне, конечно, говорить, сколь абстрактными и в то

же время даже опасными показали себя эти «теории» при первом же столкновении с действительностью.)

Предельно преданный друзьям, искренний, добрый... Любил все живое — цветы, травы, животных. Хобби — кухня... Несколько сентиментальный образ, но именно так характеризуют Джузеппе Пинелли многочисленные знакомые, соседи, сослуживцы...

В полицейском управлении, куда Пинелли приезжает около восьми вечера, пусто. Однако постепенно огромное помещение наполняется задержанными в разных районах Милана. Допрос следует за допросом. Но Пинелли спокоен. Скрывать ему абсолютно нечего.

В этот день — 12 декабря — он вернулся после ночной смены в 7 часов утра. Позавтракав, тут же лег спать. В 12 его разбудила жена и, сказав, что пришел его приятель, попросила приготовить поест, пока она сходит в магазин. В 14.30 оба друга направились в бар выпить кофе. Затем они распрощались. Пинелли, прогулявшись немного, в три с минутами вернулся в бар и подсел к играющим в карты. Здесь его видели несколько человек, среди которых полицейский на пенсии Марио Стракки. Он подтвердил, что Пинелли покинул бар в 17.30. Отсюда на своем мопеде он отправился в управление железной дороги, где получил зарплату. Затем решил съездить в кружок, где и застал полицию.

В зале ожидания полицейского управления Пинелли и Ардау договариваются, что после допроса встретятся в баре напротив. Однако Ардау арестовывают и переводят в тюрьму. Пинелли же остается в полиции.

Проходит суббота и воскресенье. Мать Пинелли, придя утром в полицию, находит сына в полном здравии. Он спокоен, улыбается, гово-

рит, что все вопросы следователя касаются лишь трех моментов: знакомства с Пьетро Вальпредой; поездки в Рим 8 августа 1969 года, когда в поезде, который покинул Миланский вокзал несколько минут спустя после отъезда Пинелли, взорвалась бомба; алиби на 12 декабря.

15 декабря в 19.00 Пинелли был вновь вызван на допрос в кабинет комиссара Калабреззи — небольшую комнату 3×4 метра с окном, выходящим во двор. Кроме Пинелли в комнате еще пять человек. Допрос продолжается до поздней ночи, и журналисты, дежурящие в полицейском управлении, изнывают от скуки.

Корреспондент газеты «Унита» Альдо Палумбо вышел во двор покурить, а затем, решив, что ничего интересного больше не произойдет, медленно пошел к выходу. В этот момент наверху с шумом распахнулось окно, послышался сдавленный крик, и прямо перед Палумбо на цветочную клумбу упал человек. Была 1 минута первого...

ГЛАВА I

НАЧАЛО

1. Конец диктатора

До конца второй мировой войны оставались еще долгие дни и ночи. Шел лишь июль 1943 года. Но уже был Сталинград, уже до Италии долетели отзвуки великой битвы под Курском, уже на Сицилии высадились англо-американские войска.

Фашистский режим разваливался. И Муссолини чувствовал это: каждый день на его стол ложились десятки донесений полиции и платных осведомителей, свидетельствовавшие об одном: конец близок. «Политическая обстановка в стране в последнее время,— напишет позднее председатель фашистской Конфедерации сельскохозяйственных рабочих Аннио Биньярди,— все более усугублялась ошибками, неумением руководить, отсутствием воли к борьбе и безнравственностью политических деятелей... Атмосфера была настолько накаленной, что каждую минуту можно было ждать восстания масс».

В обстановке всеобщей сумятицы и страха перед надвигающейся бурей главари фашизма решают пожертвовать Муссолини, считая, что

этого будет достаточно для спасения режима в целом. 25 июля на заседании Большого фашистского совета — главного органа диктатуры — большинством голосов проходит резолюция, выражающая недоверие Муссолини. Дуче торопится к королю, надеясь, что тот спасет его.

«Вы уже слышали, ваше величество, о ребяческой выходке?» — обращается он к престарелому монарху.

«Это отнюдь не ребяческая выходка!» — пронзительным голосом воскликнул король, взволнованно расхаживая по салону. «Не пужно, — произнес он, когда Муссолини попытался, как всегда, вручить ему на подпись бумаги. — Я все знаю».

«Ваше величество, — сказал дуче, — результаты голосования Большого совета не имеют никакой силы».

И снова король прервал его... «Я очень сожалею, — произнес он, запинаясь, — но не разделяю вашего оптимизма, дуче. Не думайте, что голосование не свидетельствует о том, как к вам относится вся страна. Сегодня во всей Италии нет человека, которого ненавидели бы так, как вас».

Муссолини с трудом произнес: «Но если ваше величество правы, я должен просить об отставке».

«А я должен сказать, что, безусловно, приму ее», — последовал ответ.

Внезапно, вспоминая позднее король, Муссолини пошатнулся, «как от сильного удара». «Значит, это конец», — прошептал он, опустившись без приглашения на кушетку.

В тот же день, поздно вечером, радио передало сообщение о том, что король принял отставку Муссолини и назначил на его место маршала Бадольо. Но дуче не пришлось увидеть улиц, запруженных народом, приветствовавшим паде-

ние «проклятого Бенито»: арестованный сразу же после аудиенции у короля, он был немедленно отправлен в военную казарму, где его ждала изолированная от внешнего мира комната.

3 сентября 1943 года войска союзников перешли в наступление, форсировали Мессинский пролив и перенесли военные действия на территорию Южной Италии.

В тот же день представители правительства Бадольо и Объединенных Наций подписали так называемые краткие условия перемирия. Приказ о прекращении военных действий, отданный итальянским войскам, был лаконичным и двусмысленным. В нем говорилось: «Итальянские вооруженные силы должны повсеместно прекратить всякие военные действия против англо-американских войск. В то же время им вменяется в обязанность и впредь отражать атаки каких-либо других сторон». Имелись ли в виду под этими «другими» немцы? Документ не давал на этот вопрос ответа. Не было в нем и намека на дальнейшие перспективы.

Правительство в тот момент было полностью дезорганизовано и растерянно. Единственное решение, которое оно взяло на себя смелость принять, касалось короля: он и его семья должны были немедленно покинуть столицу, которая 9—10 сентября была почти полностью занята немцами.

В ночь на 9 сентября король и некоторые министры покинули Рим и направились в Пескару, чтобы укрыться под покровительством союзников. Об отъезде не были предупреждены даже многие члены правительства, армия не получила никаких распоряжений об обороне Рима, никто не подумал даже о том, чтобы усилить охрану Муссолини, который к тому времени был переведен в горы, в район Гран Сассо, где содержался в ранге государственного преступника.

Брошенные на произвол судьбы войска почти не оказывали сопротивления, и в течение двух дней германская армия оккупировала всю Северную и Центральную Италию. Страна, таким образом, оказалась поделенной надвое. Южнее Неаполя сохранялся военно-монархический режим правительства Бадольо. В северной же и центральной части Апеннин было создано марионетное фашистское государство, вошедшее в историю под названием «республики Салó» (по имени небольшого курортного городка в Северной Италии, близ озера Гарда, где разместилась резиденция Муссолини).

Немцы полностью оккупировали Паданскую равнину. Ее сельскохозяйственные и промышленные ресурсы использовались для ведения войны на восточном и западном фронтах. Оккупировав значительную часть Италии, гитлеровцы отдалили южный фронт от границ Германии. Италии, таким образом, отводилась роль своеобразного буфера.

Известно, что многие генералы советовали Гитлеру создать в новом государстве чисто «техническое правительство», однако все эти проекты были отвергнуты. «Дуче,— говорил Гитлер,— своим престижем поможет нам добиться стабильности на Апеннинах».

План начинает претворяться в жизнь, как только Гитлер узнает о заключении перемирия между Бадольо и Объединенными Нациями. В Италию на поиски Муссолини отправляется печально известный капитан СС Скорцени¹,

---

¹ На основании имеющихся в ее распоряжении документов газета «Унита» утверждает, что «героизм», будто бы проявленный Скорцени при спасении Муссолини, лишь один из многих блефов нацистской пропаганды. В действительности план освобождения дуче разработал генерал Штудент и привел в исполнение майор Морс. Скорцени же в самый последний момент

и уже 12 сентября спасенный дуче отправляется на встречу с Гитлером. Отправляется, правда, против своей воли. Он хотел бы укрыться где-нибудь в Италии, занятой германскими войсками, однако приглашение фюрера звучит как приказ.

14 сентября в Растенбурге (Восточная Пруссия) происходит встреча двух диктаторов. Дружелюбная поначалу, она быстро превращается в сердитое нравоучение Гитлера проштрафившемуся союзнику. Тогда же поднимается вопрос и о создании нового фашистского государства. Монолог фюрера продолжается и на другой день, а к вечеру Муссолини, уже «убежденный» в необходимости такого шага, диктует своим приближенным, укrywшимся также в Германии, пять приказов, к которым к ночи прибавляется еще один.

Приказ № 1. «Всем верным членам фашистской партии. Сегодня, 15 сентября 1943 года, я вновь беру на себя верховное руководство Италией».

Приказ № 2. «Временно назначаю Алессандро Паволлини секретарем Национал-фашистской партии, которая отныне будет именоваться Республиканско-фашистской».

Приказ № 3. «Военным, политическим, административным и иным властям, а также всем, кто был освобожден от своих обязанностей капитулянтским правительством, немедленно вернуться на свои рабочие места».

Приказ № 4. «Немедленно восстановить все организации партии с тем, чтобы: а) оказывать эффективное и дружеское содействие германской армии, которая сражается на итальянской территории против нашего общего врага; б) предоставить народу немедленное

буквально упрямил пилота одного из планеров взять его с собой. Главная его «заслуга» состоит в том, что он оказался расторопнее Морса и сумел сфотографироваться рядом с Муссолини. Если учесть к тому же, что Скорцени входил в личную охрану Гитлера, то нетрудно понять, почему именно его фюрер решил объявить «героем».

и эффективное моральное и материальное содействие; в) рассмотреть вопрос о поведении членов партии перед лицом государственного переворота, приведшего к капитуляции и бесчестию, карая должным образом трусов и предателей».

Приказ № 5. «Восстановить все подразделения и специальные части Добровольной милиции по охране безопасности государства».

Приказ № 6. «В дополнение к ранее изданным приказам назначаю генерала Ренато Риччи главнокомандующим Добровольной милицией».

Приказ № 5 был подтвержден и приказом фашистского маршала Грациани о «реорганизации вооруженных сил», которые должны стать «национальными», «далекими от какой бы то ни было политики» и «единными».

В действительности же у «республики Салó» так и не было своей армии. Вместо этого, как грибы после дождя, расплодились различные полицейские подразделения и отдельные воинские формирования, которые вели ожесточенную борьбу за власть. Очень скоро они получили в народе общее название «карательные бригады».

Из доклада командования войсками СС в Италии, адресованного Гитлеру, явствует, что «республика» располагала четырьмя дивизиями (30—35 тысяч человек), «Национальной республиканской гвардией» (72 тысячи человек), «черными бригадами» (22 тысячи человек), отдельной флотилией торпедных катеров (4800 человек) и отдельным легионом «Мути» (1050 человек).

В докладе, однако, не уточнялось, что помимо этого существовали специальные полицейские отряды. Один из таких отрядов, к примеру, был создан «Национальной гвардией» и назывался «вспомогательной полицией министерства внутренних дел Республики», которая почти полностью копировала методы деятельности эссовцев.

Создание действительно эффективных вооруженных сил на территории «республики Салó», впрочем, не входило в планы и германского командования. Для Гитлера было вполне достаточно мощной и преданной делу фашизма полиции. Среди всех формирований «социальной республики» особым покровительством фюрера пользовалась флотилия торпедных катеров (сокращенно — X-МАС)¹ во главе с Боргезе.

Имя этого человека еще не раз появится на страницах нашей книги, а потому остановимся на его биографии.

Потомок древнего аристократического рода князь Юнио Валерио Боргезе уже в юношеские годы примкнул к фашизму. Честолюбивый, решительный, он быстро сделал карьеру: в возрасте 36 лет его назначают командиром 10-й флотилии торпедных катеров. Боргезе отличился в боях против английских военных кораблей и подводных лодок, за что удостоился «честь» быть принятым самим Муссолини и получить из его рук высшую награду Италии — золотую медаль «За воинскую доблесть».

25 июля застаёт Боргезе врасплох. Бегство короля он воспринимает как одно из самых тяжких предательств.

Еще большим ударом был для него день 8 сентября. Узнав совершенно случайно из сообщения лондонского радио о том, что война в союзе с немцами закончилась, что подписаны «краткие условия перемирия», Боргезе торопится к своему начальнику адмиралу Аймоне

---

¹ МАС (мотоскафи антисилури) — катера противоторпедной защиты. В книге Ц. Кия «Итальянские светотени» (М., 1975 г., стр. 393—394) дается следующая расшифровка этого сокращения: «*memento andere semper*» («постоянно помни о мужестве»). Этот девиз был широко распространен у фашистов в период «черного двадцатилетия».

Д'Аоста за инструкциями. Но тот еще ничего не слышал о перемирии. Лишь после долгих и безуспешных попыток им удастся связаться с командованием итальянского флота, но в ответ они слышат: «Ждите указаний, пока ничего не ясно».

Утром 9 сентября Аймоне Д'Аоста получает приказ отправиться на флагманском корабле в распоряжение короля. В отношении других руководителей флота — ни слова. Растерянность и страх тех дней сам Боргезе вспоминает так: «Адмиралы немедленно переделались в штатское. С чемоданчиками в руках они прибежали ко мне, прося катер для их защиты и сопровождения в надежное место».

После нескольких часов колебаний и раздумий Боргезе делает свой выбор: он решает продолжать войну в союзе с немцами и терпеливо ожидает подхода их войск. Сохраняя нейтралитет, 10-я флотилия остается на месте. Этот факт не ускользает от нового начальника гарнизона, немецкого капитана I ранга Берлингауза. Получив соответствующие инструкции от Гитлера, он просит Боргезе принять его.

Проинформировав князя о создании Итальянской социальной республики и сообщив, что фюрер очень ценит его, Берлингауз предлагает Боргезе войти в состав вооруженных сил Салó.

5 октября 1943 года Боргезе рапортует Муссолини о прибытии в его распоряжение. Что двигало им в эти дни?

«Войну, — говорит Боргезе, — следовало выиграть как с военной, так и с политической точки зрения, дабы избежать и американского, и советского господства. Я счел необходимым сражаться в Салó, так как всегда считал: войну можно проиграть, но при этом необходимо сохранить собственное достоинство и честь. Тогда поражение не отражается на морали и судьбах

парода. Предательство же, на которое пошел король, нанесло такой удар национальному чувству итальянцев, что смыть этот позор было просто необходимо. Я не думаю, что подобные мысли характеризуют меня как фашиста. Ведь такими же категориями мыслит каждый честный человек».

Уже в этих рассуждениях Боргезе мы видим зачатки той демагогии и фальшивой риторики, к которой он не раз еще прибегнет, вербуя сторонников для заговоров против республиканского строя...

Но вернемся к событиям осени 1943 года.

17 сентября вновь созданная фашистская партия освобождает офицеров от клятвы королю. В тот же день Паволлини прибывает в Рим для формирования правительства новой «республики», а Муссолини по радио клеймит позором монархию и обращается к итальянцам с призывом поддерживать новое государство.

Демагогический характер его заявления раскрывается полностью уже на первой ассамблее «новой» партии в Вероне, открывшейся 14 ноября. В области внутренней политики предполагается (но не провозглашается!) отмена монархии; признается право масс на контроль за деятельностью административных органов (косвенное признание того, что в течение всего «двадцатилетия» главари фашизма грабили где только и как только могли); объявляется о введении некоей «смешанной» избирательной системы.

В области внешней политики целью «республики» объявляется борьба за целостность итальянской территории (и это говорится в тот момент, когда Германия беспрепятственно аннексирует целые области и провинции страны), а также создание «европейского сообщества», разумеется, без СССР и Англии.

Наиболее полной расшифровке подвергается термин «социальная республика». Именно в этой области Муссолини был намерен предпринять наиболее серьезные шаги для упрочения своего положения в массах.

«Республика» провозглашает право частной собственности при условии, что она «не наносит вреда физическому и моральному состоянию личности» (весьма красноречивый образчик фашистской демагогии), предусматривает создание на предприятиях неких «советов управления», а также самые «революционные» начинания: признает право на жилье, обещает повышение заработной платы.

«Наша Республика,— заключает Муссолини,— будет единой в политическом отношении, она не будет централизованным государством, ее программа позволит решить социальную проблему по крайней мере в том, что касается места, функции, ответственности за труд в действительно современном обществе национального характера».

Если отбросить демагогическую мишуру, на которую дуче всегда был падок, то «новое» государство, по Муссолини, можно представить (разумеется, весьма схематично) следующим образом: мирное сожитительство рабочих и хозяев; никаких партий, никакой классовой борьбы. А достичь этого, утверждают теоретики Муссолини, можно лишь путем установления гармоничного сотрудничества между различными корпорациями (объединениями по отраслям: корпорация металлистов, корпорация швейников и т. д.). Нетрудно понять, сколь антидемократична подобная система. Ведь она предполагает объединение в одной организации на межклассовой основе и предпринимателей, и трудящихся, в результате чего рабочие организации неизбежно подпадают под полное подчинение

хозяев и государства, оказываются изолированными в массах, оторванными от других отрядов демократического движения.

Однако даже эта смехотворная по своей сути программа «революционных преобразований» вызвала серьезное неудовольствие немцев, и 14 февраля 1944 года Риббентроп направляет послу Германии при Салó Рану весьма сердитую телеграмму: «Фюрер считает,— подчеркивает, в частности, Риббентроп,— что социально-экономические мероприятия дуче абсолютно не интересуют нас. Игра в поворот «влево» вряд ли будет способствовать решению проблем, поскольку такой поворот произошел уже в самих массах, причем в таких масштабах, что, не будь наших войск, вся Социальная республика немедленно рухнула бы».

В данном случае Риббентроп отнюдь не был неправ, что со всей очевидностью показали организованные Муссолини выборы в «советы управления».

Министр труда в «республике Салó» Аугусто Спинелли направил Муссолини 1 марта 1945 года доклад, в котором писал: «В то время как я находился в Турине, так называемый Комитет освобождения распространил листовку, содержащую призыв воздерживаться от голосования. Я немедленно принял меры путем выпуска двух листовок: одной — официальной и второй — инспирированной — от имени антифашистов, будто бы согласных с социализацией. Из донесения, полученного сегодня от префекта, я узнал, что в выборах приняло участие от 30 до 40 процентов служащих, в то время как число голосовавших рабочих не превышает и десяти процентов. И в том и в другом случае более половины бюллетеней оказались незаполненными, остальные полны или ругательств.

или малопрстойных рисунков». «Массы не желают получать от нас ничего,— с горечью резюмировал Муссолини.

В результате полного провала плана «социализации», усугублявшегося тем, что вся власть была практически сосредоточена в руках германского командования (повсеместно была создана немецкая военная администрация по руководству производством; действия префектов новоявленной «республики» неизменно контролировались специальными политическими представителями фюрера), для Муссолини и его «государства» остается лишь одно поле деятельности — борьба с партизанским движением, которое нарастает изо дня в день.

Первую крупную акцию карательные бригады проводят уже в самом начале существования «республики»: в ночь с 14 на 15 ноября. Во время заседания в Вероне «учредительной ассамблеи» туда прибывает сообщение о том, что в Ферраре убит секретарь местной федерации фашистской партии Гизеллини (лишь в 1948 году выяснится, что он был убит своими же «коллегами», обвинившими его в «мягкотелости»). Смерть Гизеллини используется как повод для «массового урока». Политическая база для этого весьма подходяща: еще в конце октября газета миланских фашистов «Фашио» писала: «Тот, кто призывает к забвению обид, милосердию и всеобщим объятиям, наносит оскорбление отечеству и совершает второе предательство фашизма... Время чернил миновало, настал час крови! К стенке!»...

К стенке были поставлены 84 человека — известнейшие в Ферраре антифашисты...

С этого времени в фашистском лексиконе появилось даже новое слово — «ферраризировать», а «ферраризация» всей Италии была объявлена долгом каждого истинного фашиста. С особым

рвением проводили ее «бойцы» 10-й флотилии во главе с Боргезе.

Однако ни карательные экспедиции полицейских подразделений Салó, ни жесточайшие репрессии со стороны германского командования не смогли нейтрализовать движение Сопротивления, чьей главной и направляющей силой с самого начала выступили коммунисты. Не смогли остановить его рост и препятствия, чинимые англо-американскими союзниками, видящими в укреплении антифашистского единства серьезную опасность для реализации своих планов в отношении послевоенной Италии. Лишь с июня 1944 года по март 1945 года партизаны осуществили около 6,5 тысячи военных операций. Они убили более 16 тысяч и тяжело ранили более 10 тысяч немецких и итальянских фашистов, организовали более 5 тысяч диверсионных актов.

В одном из подпольных бюллетеней партизанского движения, распространяемых на территории, занятой фашистами, подчеркивалось: «Сегодня итальянский народ борется не на жизнь, а на смерть, без колебаний и сострадания к врагу. Это — не стихийная борьба, не борьба за нелепые и недостойные идеалы империи, которые воплощает в себе фашистский режим. Это — борьба за ясное и честное человеческое сознание, за свободную, обеспеченную гражданскими правами жизнь, которая основывалась бы на свободе и равенстве и которая возродила бы животворную и обновляющую энергию масс».

Наступил апрель 1945 года. Фашистский режим в Северной Италии агонизировал. 4 апреля Муссолини издает декрет о всеобщей мобилизации и сообщает о переносе своей резиденции в Милан. Но там собираются лишь полностью деморализованные группы фашистов.

18 апреля Муссолини со своими министрами прибыл в Милан. Его личный врач, немецкий офицер, вспоминал: «Милан в те дни казался вулканом, извержение которого может начаться с минуты на минуту. Нас встречали замкнутые и упрямые лица людей. От традиционной итальянской любезности не осталось и следа. Мы предпочитали снимать военный мундир, выходя из гостиницы по личным делам».

В эти последние дни Муссолини все чаще обращался к причинам своего поражения. И, так же как Гитлер, усматривал главную из них в том, что народ-де оказался недостойн диктатора. «Итальянская раса — раса овец, — говорил дуче. — Итальянцам нужна палка, палка и еще раз палка. Они никогда не будут в достаточной степени ворами, убийцами и мучителями, что столь необходимо для поддержания власти». В этих словах весь Муссолини — фашистский диктатор и до мозга костей циничная личность.

В отчаянных попытках спасти свою жизнь дуче решается на секретные от немцев переговоры с англо-американским командованием и даже с антифашистами из Комитета национального освобождения. В этом ему оказывает содействие крайне реакционный миланский архиепископ кардинал Шустер. С ним мы еще встретимся позднее и увидим, что этот «служитель церкви» до конца остался верен своим пронацистским, реакционнейшим взглядам. Через его посредство союзникам передается следующий документ, разработанный Муссолини:

«Правительство Итальянской социальной республики предлагает Верховному командованию союзников подписать предварительное соглашение следующего содержания:

1. Вооруженные силы Итальянской социальной республики под командованием маршала Грациани и все другие военные соединения республики обязуются применить максимум усилий для поддержания поряд-

ка в стране до тех пор, пока в силу не вступят прямые соглашения между сторонами.

2. Всякое неконтролируемое и экстремистское движение (партизанские банды, коммунистические формирования, митинги, забастовки) будут подавляться силами ИСР и союзников. Церковь с настоящего момента обязуется вести широкую пропаганду в пользу примирения.

3. Командование союзников обязуется воспрепятствовать деятельности партизанских формирований и разоружить их до разоружения вооруженных сил ИСР.

4. Главным условием для переговоров и подписания соглашения является обязательство союзнического командования немедленно прекратить аресты, процессы и любые иные формы преследования в отношении верных сторонников ИСР, будь то фашисты или простые солдаты и чиновники различных министерств. Уже сейчас хотелось бы знать, какие намерения имеют союзники в отношении руководителей Республики...»

Даже беглый анализ этого документа показывает, сколь далек был Муссолини от реалистического взгляда на вещи и сколь, мягко говоря, преувеличивал он значимость своей личности и силу ИСР. Дни итальянского фашизма были сочтены.

10 апреля 1945 года Итальянская коммунистическая партия разослала всем своим партизанским формированиям и организациям историческую «Директиву № 16 о восстании», которая начиналась словами: «Час решительного штурма пробил!..»

Апрельское национальное восстание было проведено без участия англо-американских союзников. В некоторые города союзные войска вступали на четвертый-пятый день после их освобождения партизанами, и лишь 29 апреля, оккупировав уже свободную Северную Италию, они приняли капитуляцию германского командования...

Но вернемся к Муссолини и проследим последние часы жизни фашистского диктатора, лихорадочно искавшего пути спасения.

Поняв, что медлить больше нельзя, дуче под охраной немцев в ночь с 26 на 27 апреля покидает Милан в надежде пробиться к швейцарской границе. В маленьком городке Донго, на северном берегу озера Комо, в 6.30 утра колонну останавливают партизаны. Преимущество в силе явно на стороне немцев: 165 солдат из зенитных частей «люфтваффе» и 40 эсэсовцев, составляющих личную охрану дуче, получившую приказ Гитлера ни на секунду не выпускать Муссолини из поля зрения.

Лишь с помощью хитрости и ловких маневров партизанам, предполагавшим, что в колонне может находиться Муссолини, удается заставить командира зенитчиков Фальмайера пойти на переговоры.

Окончательный вариант условий, предъявленных немцам, предусматривал, что колонна будет пропущена, но без оружия и без находящихся в ней итальянских фашистов. Сдать оружие немецкий командир отказался; что же касается второго условия, то, посоветовавшись с начальником охраны Муссолини лейтенантом Бирцером, он согласился, чтобы партизаны осмотрели грузовики.

Бирцер предпринимает последнюю попытку выполнить приказ фюрера. На дуче надевают немецкую солдатскую шинель, на голову натягивают каску и укрывают на дне кузова одного из грузовиков. Здесь его и находят партизаны. Когда Муссолини с поднятыми руками выходит под дулом пистолета из машины, уже никто не приходит ему на помощь. Произошло это в 4 часа дня — более 9 часов ушло на переговоры.

К тому времени в Донго приезжают специально посланные руководством Комитета национального освобождения Северной Италии (КНОСИ) коммунисты Вальтер Аудизио и Альдо Лампреди. Их задача — разыскать Муссоли-

ни и привести в исполнение уже подписанный представителями пяти партий приказ об уничтожении фашистских главарей.

Ни Аудизио, ни Лампреди не знали, что в точности ждет их в Донго. Где находятся арестованные фашисты? Сколько их? И, главное, куда увезли Муссолини?

«Я находился в штабе главного командования, когда меня вызвали по телефону из Комо,— вспоминает Луиджи Лонго.— Это был «Валерио» (подпольная кличка Аудизио), он хотел доложить обстановку. Даже по телефону было слышно, что в комнате, откуда он говорит, стоит адский шум, много людей стараются перекричать друг друга.

Дело в том, что члены КНО Комо испытывали не столько гордость, сколько ужас от того, что Муссолини был арестован в их провинции. Они делали все возможное, чтобы оттянуть его выдачу. «Валерио» просил указаний. Ответ был простым: «Либо вы его поставите к стенке, либо поставят к стенке вас». В свое время это называлось «исключить возможность превратных толкований».

Время не терпит. По имеющимся у партизан сведениям, на поиски и спасение Муссолини брошен специальный отряд американской армии: союзники очень заинтересованы в том, чтобы добыть дуче, которого они намерены использовать как крупный козырь на послевоенных переговорах...

Рассказывает Альдо Лампреди

«После совещания с командованием 52-й гарибальдийской бригады в муниципалитете Донго мы въехали в Бонцаниго, куда до этого был переведен Муссолини с Кларой Петацчи (любовница дуче). На главной и единственной площади этого городка мы остановились. Аудизио выстрелил в воздух из автомата, чтобы прове-

рять, как он работает. Затем по лестнице мы поднялись на второй этаж дома, где под охраной двух партизан находился Муссолини. Более всего меня поразила вид дуче, столь не похожий на те образы энергичного и сильного человека, каким его представляла фашистская пропаганда.

Увидев новых людей, Муссолини пришел в волнение и спросил: «Что случилось?»... Наклонившись к нему, я сказал: «Кто бы мог подумать, что ты, столько лет преследовавший коммунистов, будешь держать свой последний ответ именно перед ними!» Муссолини ничего не ответил...»

В 16 часов 10 минут 28 апреля 1945 года на дороге, проходящей в нескольких метрах от дома, где содержался Муссолини, прозвучали выстрелы...

Час спустя были расстреляны еще 16 главарей фашизма...

В послевоенные годы западная пропаганда неоднократно возвращалась к этим событиям, утверждая, что расстрел Муссолини был-де неоправданным актом, что партизаны проявили будто бы чрезмерную жестокость. Между тем ответ на все эти утверждения был дан уже тогда, в 45-м.

«Расстрел Муссолини и его приспешников,— говорилось в документе КНОСИ, опубликованном 29 апреля,— является необходимым завершением исторического этапа, в результате которого наша страна находится сейчас в бедственном положении, как моральном, так и материальном. Он завершает вооруженное восстание, являющее собой предпосылку возрождения и преобразования нашей родины. Народ Италии не смог бы начать нормальную жизнь, которой он в течение двадцати лет был лишен по воле фашизма, если бы КНОСИ своевременно не проявил твердую решимость самому вынести приговор, уже давно подготовленный историей. Лишь путем этого решительного уничтожения

позорного и полного преступлений прошлого народ Италии смог получить уверенность в твердой решимости КНОСИ идти по пути демократического обновления страны. Лишь таким путем создаются условия для искоренения остатков фашизма при самом строгом соблюдении законности».

Этот документ был согласован всеми силами, входящими в КНОСИ. И лишь позднее, когда политический климат в стране изменится, некоторые деятели буржуазных партий попытаются «забыть» о своих подписях, поставленных под приказом о расстреле Муссолини в 1945 году.

2. Обыкновенный центризм

Движение Сопротивления ярчайшей страницей вошло в историю современной Италии. Совместная антифашистская борьба самых различных политических сил: коммунистов, социалистов, католиков — стала той основой, на которой было создано здание республики, принята весьма прогрессивная для капиталистического государства конституция.

В первые послевоенные правительства, сформированные на антифашистской основе, входили наряду с Христианско-демократической партией (ХДП), получившей наибольшее число голосов на выборах в Учредительное собрание в 1946 году, коммунисты и социалисты.

Однако этот период продолжался недолго. Международная реакция, обеспокоенная бурным ростом рабочего и демократического движения во всем мире, переходит в наступление. Начинается новая война — «холодная».

Ее климат к началу 1947 года распространяется и на Италию. Главным организатором сдвига вправо здесь выступает Христианско-де-

мократическая партия, вокруг которой группируются все силы монополистического капитала. Правда, операция эта идет не так быстро, как хотелось бы заокеанским «ультра». И объясняется это тем, что в ХДП, наряду с представителями различных буржуазных слоев населения, много рабочих, крестьян, мелких ремесленников, столкнувших с антифашистских позиций, утвердившихся в период Сопротивления, оказывается далеко не легким делом. В этих условиях руководящая группа партии во главе с довольно искусным политиком Альчиде Де Гаспери вынуждена постоянно лавировать, зашифровывать истинный смысл своих маневров в псевдodemократических заявлениях и лозунгах.

3 января 1947 года Де Гаспери отправляется с частным визитом в Соединенные Штаты Америки, якобы для чтения лекций в американских высших учебных заведениях. Однако, и это становится ясно очень скоро, главная цель этой поездки — политические консультации с высшими руководителями США. Во время этого визита итальянский премьер-министр получает принципиальное согласие на американский заем Италии в размере 100 миллионов долларов. Кроме того, ему обещают 50 миллионов долларов в погашение расходов на содержание войск США на Апеннинах. Во время беседы неоднократно поднимается вопрос и о выходе итальянской промышленности на американский рынок. Правда, при этом американские «друзья» неизменно подчеркивают: «Любая помощь находится в прямой зависимости от того, насколько устойчивым и прочным будет демократический режим в Италии».

Истинный смысл этих заявлений, конечно, не ускользает от Де Гаспери. И ему, и его ближайшему окружению ясно: речь идет об изгна-

нии левых сил из правительства, об утверждении твердой власти ХДП. Вернувшись в Италию, Де Гаспери немедленно начинает действовать в этом направлении.

Для резкого поворота вправо в стране к этому времени создаются — опять же не без помощи США — довольно благоприятные объективные условия: в январе 1947 года правое крыло социалистической партии во главе с Джузеппе Сарагатом осуществляет раскол и создает новую организацию¹. Это значительно ослабляет рабочее движение, меняет в пользу ХДП расстановку сил на уровне парламента.

Экономическая обстановка в Италии тем временем продолжает катастрофически ухудшаться. Нарастает инфляция. Невиданных размеров достигает спекуляция на черном рынке. Дефицит платежного баланса исчисляется сотнями миллиардов лир.

Внутри правительственной коалиции разгорается острейшая дискуссия вокруг путей выхода из кризиса. В то время как левые силы предлагают основные усилия направить на расширение государственного вмешательства в экономику, с тем чтобы сократить безработицу и повысить жизненный уровень трудящихся, Де Гаспери и его союзники делают ставку на замораживание заработной платы, на сокращение общественных расходов, кредитов мелким и средним предприятиям.

Страна бурлит. Доведенные до отчаяния, массы все чаще устраивают забастовки, организу-

---

¹ Связь раскола в ИСП с давлением со стороны определенных кругов США становится особенно очевидной, когда в печать просачивается письмо американского профсоюзного босса Антонини, адресованное Сарагату. В нем со всей откровенностью и цинизмом говорится: «Так хотите вы или нет эти благословенные доллары?»

ют бурные многотысячные демонстрации, нередко выливающиеся в прямые столкновения с полицией. Все это Де Гаспери также использует как предлог для решительного наступления на левые силы. «Вместо того чтобы осознать и разделить с нами всю меру ответственности на правительственном уровне, — обвиняет он коммунистов и социалистов, — вы сами выступаете зачинщиками социальных конфликтов».

13 мая 1947 года Де Гаспери открывает новый правительственный кризис, который заканчивается 31 мая созданием первого центристского кабинета.

К этому же периоду резкого поворота вправо, осуществленного верхушкой ХДП, относится и появление в стране первых неофашистских организаций.

Немногие знали тогда, что еще 21 марта 1945 года, за месяц до полного краха своего режима, Муссолини получил от особого отдела министерства внутренних дел план послевоенного возрождения фашизма, что к этому времени все ценности «республики Салó» уже были переправлены за границу — в Испанию, Португалию, Австрию, Швейцарию, Аргентину.

Реализация плана начинается сразу же после освобождения Италии. Уже в первые месяцы 1946 года возникают полуполинные и подпольные группы и организации, чьи цели и программы с полной откровенностью повторяют основные пункты традиционного фашизма. Это так называемые «Группы революционного действия» (ФАР), «Подпольная антикоммунистическая армия» (ЭКА), «Антибольшевистский фронт Италии» (ФАИ), «Черный легион». Все они объединяются под вывеской легального еженедельника «Ривольта идеале» («Идейный протест»), со страниц которого на обывателя льются слезы по ушедшим временам.

Неофашистские группы быстро растут. Уже в конце 1946 года на одной из тихих римских улиц в конторе коммерсанта Артуро Микелини собираются для обсуждения совместной платформы все те, кто сумел избежать расстрела от руки партизан.

Среди них мы видим и Джорджо Альмиранте — бывшего ответственного секретаря фашистского журнала «В защиту расы», бывшего главного редактора ежедневной пронацистской газеты «Тибр». Во времена «республики Салó» Альмиранте продвинулся еще дальше: журналист, усердно восхвалявший Гитлера, столь же «ярко» проявил себя на посту начальника секретариата так называемого министерства народной культуры, которое в соответствии с логикой, известной лишь Муссолини, как раз и занималось организацией массовых расправ над партизанами.

Столь «достойная» биография позволила Альмиранте занять в 1946 году пост политического секретаря в новой партии, которая получила название Итальянского социального движения (ИСД). И если это название еще могло кого-либо ввести в заблуждение, то программа новой организации не оставляла места для сомнений в ее истинном — фашистском — характере: «Нашей задачей, — указывалось в этом документе, — является создание в стране обстановки такого антикоммунистического психоза, при котором все партии будут вынуждены поддержать фашизм в качестве наиболее динамичного из всех антикоммунистических движений. Когда придет наш момент, фашизм станет ударным отрядом антикоммунистических сил, и большинство итальянцев, даже не разделяющих наши идеи, поддержит нас из ненависти к коммунистам... На этом этапе фашизм поставит своей задачей полное завоевание государства».

Демократические силы страны сразу же поняли опасность Итальянского социального движения для республиканского строя.

Однако энергичные меры на уровне парламента, предпринятые левыми партиями в целях запрещения ИСД и предания суду ее руководителей, а также мощные выступления протеста, прокатившиеся по всей Италии, привели лишь к принятию весьма общего закона, запрещающего воссоздание фашистской партии. Основные его положения были настолько мягкими по сравнению с первыми декретами о фашистских преступниках, что при обсуждении закона в парламенте один из депутатов-коммунистов заявил: «Если за такое тяжкое преступление предусматриваются столь незначительные наказания, граждане со всем основанием могут думать, что в Итальянской республике куда более опасно украсть курицу с чужого огорода, чем вновь организовать фашистскую партию».

Но даже этот «закон Шельбы» (по имени министра внутренних дел) так и остался на бумаге.

Следуя своей антикоммунистической логике, Де Гаспери повел дело так, что очень скоро был забыт и «план оздоровления государства от фашистских элементов», выдвинутый левыми силами. Правительство отказалось обнародовать архивы секретной фашистской полиции. Под лозунгом «преемственности государственной власти» на своих постах остались многие военные, крупные чиновники полиции, судебных органов, которые еще недавно подчинялись лично дуче и его ближайшему окружению.

Следующим шагом стало освобождение фашистских преступников.

В 1948 году на свободу выходит князь Боргезе. Спасенный союзниками от расстрела партизанами, он три года проводит в главной рим-

ской тюрьме. И несмотря на то что на его личном счету 800 уничтоженных партизан (цифра, конечно, значительно занижена, так как в расчет принимались лишь убийства, совершенные при свидетелях), суд находит возможным приговорить его всего к 12 годам тюремного заключения, девять из которых условно. Подоспевшая вовремя амнистия 1948 года сводит на нет даже этот мизерный срок, и уже в 1951 году Боргезе избирается почетным председателем ИСД.

Столь же счастливой оказалась судьба и другого фашистского преступника — командующего вооруженными силами «республики Салó» маршала Грациани. Военный трибунал приговорил его к 19 годам тюремного заключения, но двери тюрьмы открылись перед ним уже в 1950 году.

Показательно, что для оправдания этой политики была создана и солидная юридическая база. Кассационный суд, одна из высших инстанций итальянского правосудия, прямо заявил, что «природа республики Салó отнюдь не противоречила интересам итальянской нации, поскольку ее главной целью, согласно официальным заявлениям, было укрепление национальных чувств».

Подобные взгляды на период фашистской диктатуры поддержала и церковь. Журнал иезуитского ордена, этой влиятельнейшей католической организации Италии, «Чивильта каттолика» («Католическая цивилизация»), писал в 1950 году: «Оценивать лишь в черном свете все двадцатилетие фашизма могли лишь некоторые весьма недостойные итальянцы, которые усугубляли унижение, вынесенное нами в результате поражения в войне, новым и еще более гнусным унижением, оскорблением чувства Родины».

Особенно показательны для понимания атмосферы этого периода события 1948 года, в первую очередь парламентские выборы, состоявшиеся 18 апреля. Наиболее консервативные круги Италии, реакционная церковь, США с их эффективным инструментом давления на другие страны — ЦРУ — все эти силы объединились в «крестовом походе» против демократического движения.

Главный лозунг христианских демократов в ходе избирательной кампании был сформулирован предельно ясно: «Рим — да! Москва — нет!» Чтобы ни у кого не осталось и тени сомнения в подлинном смысле этого противопоставления, на улицах и площадях Италии расклеиваются миллионы плакатов, ежедневно разбрасываются листовки. На одних — русские казаки на конях и с саблями на фоне Колизея. На других — плачущие дети, которых коммунисты вырывают из рук матерей; изможденные лица итальянских пленных за несколькими рядами колючей проволоки, над которой одно лишь слово — Россия...

Одновременно с этим усиленно распространяются слухи о будто бы «подготовленном коммунистами и одобренном Москвой» плане вооруженного восстания — плане «К». Эти измышления производят впечатление на обывателя. Газета «Рисорджименто либерале», отражая широко распространившиеся в мелкобуржуазных кругах настроения, пишет 6 февраля 1948 года: «Когорты и легионы так называемых партизан-коммунистов наводнили Сицилию, Апулию и множество других мест... Единственное, чего мы требуем от «генерала» Луиджи Лонго и от его приспешников, — это, чтобы он следовал примеру других итальянцев и не рядился в тогу преторианца эпохи поздней Римской империи... Либо коммунисты распускают свои военные отряды,

либо никто не сможет запретить нам возродить наши...»

Центральным пунктом своей пропаганды ХДП делает американскую помощь Италии. Во всех буржуазных изданиях появляются аршинные заголовки: «Бескорыстная помощь США спасает нас от голода».

Бескорыстная ли? Сам Де Гаспери высказывается по этому поводу с достаточной ясностью. «Американцы, — говорит он 17 февраля, — подсчитывают, во сколько может им обойтись новая война и сколько может им стоить осуществление плана оказания помощи в Европе. На осуществление плана потребуется только несколько десятков миллионов долларов, тогда как война обошлась бы в сотни миллионов долларов. В этом корыстный расчет Америки, но этот расчет совпадает с нашими интересами...» А далее следует полностью исключаящее всякую возможность недомолвок уточнение: «Я не хотел бы дожить до того дня, когда в состав правительства вошли бы те, кто скомпрометировал себя, выступая против Америки; я не хотел бы дожить до этого дня, ибо боюсь, что итальянский народ, ожидая на берегу корабли, груженные углем и пшеницей, мог бы увидеть, как они изменяют курс и уплывают к другим берегам».

Не менее массивное наступление на левые силы разворачивает и церковь папы Пия XII, ежедневно фабрикующая в этих целях все новые и новые «чудеса»: во время служб святые на иконах при одном упоминании о коммунистах начинают сердито «двигать» глазами, а мадонны даже «рыдать». На дверях богоугодных заведений, в скверах и парках верующих встречают крупные плакаты с надписью: «В избирательной кабине тебя никто не видит, за исключением Господа». Миланский кардинал

Шустер грозит с амвона отлучением всем, кто посмеет отдать свой голос левым партиям.

В этой обстановке главную победу на выборах одержал страх: страх быть проклятым церковью, страх лишиться горсти американской муки, страх оказаться под властью «кровожадных русских казаков». Христианские демократы получили 48,7 процента голосов, что давало им абсолютное большинство мест в парламенте, а следовательно, и право на формирование правительства.

Реакция во всем западном мире трубит победу: «Поражение коммунистов,— заявляет Черчилль,— это историческое событие. Я счастлив, что Италия возобновляет свои связи с Великобританией и США. У меня такое ощущение, что мы вновь встречаемся со старым другом после досадной размолвки».

Столь же откровенно выражает свое удовлетворение и губернатор штата Нью-Йорк Томас Дьюи: «Наши молитвы и наши надежды услышаны Всевышним,— телеграфирует он Де Гаспери.— И это блестяще подтверждается убедительной победой свободы над коммунистическим тоталитаризмом...»

И все же в этом хоре всеобщей радости по поводу «спасения» Италии нет-нет да и появляются трезвые оценки. Так, английская газета «Дейли мейл», достаточно «благомыслящая» и далекая от левых настроений, писала 22 апреля 1948 года: «Христианские демократы победили, но коммунистическое движение не потерпело поражения... Миллионы итальянских избирателей под невероятно сильным давлением из-за границы были вынуждены голосовать за Христианско-демократическую партию. Это давление заставило сторонников всех правых политических течений сплотиться вокруг Христианско-демократической партии в коалицию, кото-

рая представляет собой не что иное, как бесформенный хаос партий. В ней можно обнаружить все что угодно: доктринерский социализм, клерикализм и даже самый настоящий фашизм. Все это держится вместе только из-за страха перед коммунизмом. Между тем в рядах Фронта (который объединял коммунистов и социалистов и мыслился тогда не только как избирательная коалиция, но и как постоянная организация демократических сил.— *А. В.*) сплочено около трети итальянцев. Коммунисты могут с полным правом сказать, что они сумели дать решительный отпор и устоять в борьбе с сильнейшей направленной против них коалицией».

Последующее пятилетие полностью подтвердило правомочность такой оценки, несмотря на то что именно в этот период антикоммунистическая истерия достигает высших точек накала. Преступлением против государства объявляется всякая политическая деятельность, подрывающая власть ХДП: расклеивание плакатов демократических организаций и распространение листовок, использование громкоговорителей в целях пропаганды, забастовки, митинги и даже собрания левой оппозиции в закрытых помещениях.

Особо громкую «славу» спискали себе в эти годы новые полицейские формирования «Челере» («Быстрые»), специально созданные для массированного подавления любых проявлений недовольства, вооруженные тяжелыми дубинками, гранатами со слезоточивым газом, порой даже автоматами.

Ободренный результатами апрельских выборов, Де Гаспери замышляет очередной маневр, призванный раз и навсегда покончить с левой оппозицией в парламенте. На свет появляется проект нового избирательного закона, идущего

вразрез с самой сутью соответствующих положений конституции: пропорциональная система выборов, отражающая реальное влияние в стране той или иной политической силы, заменяется на такую, при которой партия или блок партий, собравшие на выборах 50 процентов голосов плюс один голос, имели право на получение в парламенте $\frac{2}{3}$ всех мандатов.

Вокруг проекта, вскоре получившего в массах название «мошеннического», развернулась острейшая политическая борьба, носившая характер открытого фронтального столкновения между двумя противоположными лагерями: силами реакции, с одной стороны, и силами, выступающими за демократию, за неукоснительное соблюдение антифашистской конституции, — с другой. Обстановка была настолько накаленной, что некоторые исследователи того периода характеризуют ее как период близкий к «открытой гражданской войне», важнейшим фронтом которой стали массовые организации трудящихся, в первую очередь профсоюзы.

«Мы прекрасно отдавали себе отчет в том, что контроль над рабочими профсоюзами имеет решающее значение. Вот почему мы предприняли ряд попыток проникнуть в эти организации путем секретных финансовых субсидий. Там же, где это не удавалось, мы создавали свои собственные параллельные организации. Я не вижу в этом ничего аморального или бесчестного, как утверждали некоторые». Эти слова принадлежат одному из высших в прошлом руководителей ЦРУ — Томасу Брейдену. В пространном интервью, опубликованном 7 мая 1967 года в газете «Лос-Анджелес таймс», Брейден прямо признает, что основным полем этой деятельности в конце 40 — начале 50-х годов были Франция и Италия, «где наблюдалось опасное усиление коммунистических настроений».

Это заявление служит еще одним доказательством того, насколько «независимым» был курс Де Гаспери от США и насколько «демократичным» путем создавались в 1948—1950 годах новые профсоюзы, призванные стать противником Всеобщей итальянской конфедерации труда (ВИКТ), в которой остались после раскола массы коммунистов, социалистов и левых католиков.

Правда, маневр этот удался реакции лишь частично: ВИКТ и в последующем сохранила свое влияние среди широких масс трудящихся различной политической ориентации. Так, в политической забастовке протеста против «мошеннического» закона, объявленной ВИКТ 30 марта 1953 года, приняли участие более 90 процентов рабочих и служащих.

Несмотря на необычайно массовый и острый характер движения трудящихся против изменения избирательного закона, христианско-демократическое большинство в парламенте добилось принятия своего проекта о введении новой системы выборов.

Однако радость консервативных кругов по поводу столь крупного успеха оказалась преждевременной. Уже первые после введения нового закона парламентские выборы, состоявшиеся 7 июня 1953 года, полностью перечеркнули надежды ХДП на монопольную власть в стране. Христианские демократы потеряли по сравнению с 1948 годом 1,8 миллиона голосов, или 14,7 процента. Не лучше обстояли дела и у их возможных союзников: либералов, социал-демократов, республиканцев, за которых проголосовало менее десятой части избирателей. Таким образом, даже в блоке с этими партиями ХДП не получала нужных 50 процентов голосов плюс один голос, в результате чего применение «мошеннического» закона оказалось невозможным и места в парламенте были распределены по

старой системе. Мечта реакции осуществить переворот «легальным» путем так и осталась не более чем мечтой. (Вскоре и сам закон был отменен.)

Другим важнейшим результатом выборов было значительное усиление позиций левых сил. Коммунисты и социалисты собрали в целом на 1,7 миллиона голосов больше, чем в 1948 году. Это был мощный удар по центризму Де Гаспери. Именно 7 июня стало началом конца его политической карьеры.

На такое развитие событий первыми отреагировали Соединенные Штаты. 4 февраля 1954 года в посольство США в Риме приглашается генеральный директор концерна ФИАТ Витторио Валлетта. Тема беседы — ситуация в Италии после выборов 7 июня. Беседа продолжается с 11 до 13.30.

Американский посол госпожа Клер Бус Люс произносит пространную речь, главный смысл которой заключается в том, что результаты выборов вызвали глубокую тревогу США за дальнейшее развитие обстановки на Апеннинах. «Несмотря на огромную финансовую помощь Соединенных Штатов (более миллиарда долларов в виде военных и продовольственных поставок), — говорит посол, — коммунисты в стране не только не разбиты, но даже продвигаются вперед. Вероятно, наша помощь бесполезна и следовало бы обсудить вопрос о ее целесообразности в будущем».

Валлетта, разумеется, прекрасно понял намек и торопится с «разъяснениями»: «Нам очень жаль, что у американских друзей создалось столь неблагоприятное впечатление об итальянских делах. Но не ускользает ли от них тот факт, что руководство Де Гаспери отнюдь не сидело сложа руки. Его антикоммунистическая деятельность неизменно опиралась, с одной сто-

роны, конечно, на помощь США, но с другой — на каждодневную и кропотливую работу против ИКП. Именно это позволило изгнать коммунистов и социалистов из правительства».

Однако для американского посла подобные оправдания малоубедительны. «Разумеется, — говорит она, — все сказанное здесь хорошо известно в Соединенных Штатах. Там с удовлетворением отмечают здоровую обстановку на заводах ФИАТ, а также на ряде других крупных предприятий. Однако вам следует иметь в виду, что целый ряд деятелей конгресса высказывает глубокое удивление и озабоченность тем, что в составе внутренних комиссий на крупных предприятиях и поныне много членов ВИКТ, в то время как число представителей других профсоюзов отнюдь не возрастает».

И здесь посол США произносит слова, в которых, как в фокусе, видна вся глубина и мощь американского давления на правящие группы Италии:

«Нам кажется, что настало время воздвигнуть мощнейший заслон на пути коммунистов. Следует добиться того, чтобы само слово «коммунист» было бы равнозначно ругательству, а принадлежность к этой партии стала препятствием для получения работы».

Естественно, наша помощь будет предоставляться лишь тем предприятиям, где ВИКТ не имеет большинства среди рабочих».

Несколько месяцев спустя, в апреле 1954 года, Валлетта летит в США с личным письмом Де Гаспери к американским руководителям. «Утверждение о том, что итальянский народ вот-вот окажется в объятиях коммунистов, совершенно неверно, — пишет лидер ХДП. — Правда, после 7 июня наступил период некоторого замешательства, однако это характерно не только для Италии. Мы не просим о снисходитель-

ности. Мы хотим лишь объективности и спокойного анализа наших дел».

Это письмо показательное с двух точек зрения. Во-первых, из него со всей очевидностью следует, что Де Гаспери и в будущем надеялся на поддержку США. Во-вторых, и это, пожалуй, самое важное, лидер ХДП продемонстрировал полное непонимание сути перемен, происшедших к 1953 году в настроениях итальянских масс. То, что он считал лишь «некоторым замешательством», было на самом деле началом глубинного сдвига влево, который христианским демократам так и не удалось больше остановить.

Наглядное тому свидетельство — события 1960 года.

25 марта 1960 года на смену очередному центристскому кабинету приходит правительство во главе с христианским демократом Тамброни. Оно носит так называемый «деловой» характер, то есть призвано решать лишь практические государственные дела, не имея права на какие бы то ни было политические решения.

Чем это вызвано?

В конце 50 — начале 60-х годов в рядах крупной буржуазии все более утверждается мнение о необходимости коренного изменения политики ХДП. Главная ставка при этом делается на социалистическую партию, которая к этому времени претерпела значительную эволюцию вправо: разорвав сотрудничество с коммунистами, руководство ИСП взяло курс на сближение с правыми социал-демократами, неоднократно заявляя при этом и о возможности более прочных связей с ХДП.

Привлечение социалистов к руководству Италией, рассуждали наиболее динамичные лидеры Христианско-демократической партии, которые после смерти Де Гаспери в 1954 году группируются вокруг А. Фаицани, значительно

расширит опору правительства в массах, даст возможность провести «сверху» некоторые реформы. А это, в свою очередь, снизит социальную напряженность в стране, укрепит доверие к правящим кругам и — как следствие — подорвет позиции компартии. Этот курс, главное острие которого со всей очевидностью было обращено опять-таки против ИКП, получил название «левоцентристского» (центристская партия — ХДП плюс левая ИСП при возможном участии и других более мелких партнеров: республиканцев и социал-демократов). Он был одобрен в обширных сферах монополистического капитала, видевшего в стабилизации обстановки одно из главных условий подъема производства.

К началу 60-х годов вопрос о создании «левоцентристской» коалиции практически созрел. Речь идет лишь о конкретных сроках. И на период их согласования христианские демократы решают воздержаться от серьезных инициатив.

Этот маневр ХДП встречает резкую оппозицию коммунистов в парламенте. И вот тут-то Тамброни якобы во имя спасения будущего «левого центра» идет на чреватый серьезнейшими последствиями шаг: чтобы получить вотум доверия, он принимает — в первый и последний раз в истории послевоенной Италии — поддержку неофашистов, которые тогда имели 24 парламентских мандата.

Этот «вексель» Тамброни, как демократическая пресса очень метко назвала соглашение нового премьер-министра с политическим секретарем ИСД Микелини¹, подлежал, разумеется, как и все векселя, оплате, и неофашисты не замедлили потребовать ее.

На начало июля они намечают свой очередной съезд. Причем провести его намерены в

¹ Занимал этот пост в 1954—1969 годах.

Генуе — городе прочных антифашистских традиций, награжденном за активное участие в Сопротивлении «Золотой медалью», что равнозначно званию Героя Италии. Более того, председательствовать на съезде должен Карло Эмануэле Базиле, бывший во времена «республики Салó» префектом как раз в Генуе и «прославившийся» жестокими расправами над партизанами.

Политический смысл подобной провокации очевиден. Проведение съезда ИСД в Генуе означало бы полную политическую амнистию остаткам Салó, позволило бы неофашистам сделать официальную заявку на участие в руководстве страной. «Мы, — вспоминает бывший посол Муссолини в Германии Филиппо Анфузо, — шли к Генуе с самыми благими намерениями. Если бы съезд состоялся, мы уточнили бы нашу программу, показали бы всем наш демократический облик, предложили бы гарантии...»

Разрешение на проведение съезда надлежало дать главе правительства, и Тамброни дал его.

Разумеется, не существует каких-либо серьезных доказательств, что весь «июль» был запланирован заранее. Однако и решение Тамброни, и последующий ход событий неопровержимо доказывают, что реакция постоянно была наготове и использовала любой благоприятный момент для перехода в наступление. Этим объясняется и тот факт, что христианско-демократическое руководство отнюдь не остановило Тамброни в самом начале его авантюры. По всему видно, что, повернись события по-иному, ХДП не колеблясь похоронила бы «левоцентристский» эксперимент...

В ответ на решение правительства 30 июня на улицы выходит вся демократическая Генуя. Более 100 тысяч человек проносят по городу

знамена Сопротивления, плакаты с лозунгом «Нет фашизму!». Звучат партизанские песни. Для участия во всеобщей забастовке останавливаются заводы и учреждения, замирает жизнь в порту.

В тот момент, когда манифестация уже заканчивается, на центральной площади города появляются бронированные джипы полиции. Вооруженные до зубов полицейские набрасываются на людей: в ход идут дубинки, гранаты со слезоточивым газом, железные палки.

Сотни раненых, несколько десятков человек арестовано. Люди защищаются чем могут и как умеют, на площади остается несколько горящих полицейских автомобилей.

На другой день волна забастовок и демонстраций прокатывается по многим городам Италии. Префект Генуи, посоветовавшись с Римом, предлагает Микелини провести съезд в близлежащем городке Нерви, но разъяренный секретарь ИСД бросается к телефону, вызывая Тамброни. «Но, дорогой Артуро...» — оправдывается тот. «Какой я вам Артуро, — кричит Микелини. — Называйте меня, как положено: депутат Микелини. Мы не потерпим дискриминации. Мы отменим съезд, но не ждите больше нашей поддержки».

...Ночью 2 июля под мощным прикрытием полиции делегаты несостоявшегося съезда ИСД покидают Геную.

Напряженность в стране, мощное «нет» масс не отрезвляют Тамброни. «Мое правительство приложит все силы для искоренения беспорядков в стране», — заявляет он, отвечая на запрос депутатов левой оппозиции о событиях в Генуе. И надо сказать, на сей раз, — пожалуй, впервые — слова премьер-министра отнюдь не расходятся с делами: под лозунгом «спасения социального мира» полиция стреляет в Ликате

(Сицилия) и Риме, Реджо-Эмилии и Катании, в Палермо, Неаполе, Милане.

Гибнут десятки людей.

Пальмиро Тольятти заявляет в те дни: «Сегодня наши сердца полны горечи и скорби. Мы считаем, что необходимо сойти с пути повторяющихся конфликтов, стычек, массовых убийств. Мы считаем, что необходима разрядка напряженности. Но первым условием ее является освобождение страны от постыдного союза правительства с фашизмом и от позорного правительства, которое опирается на этот союз»¹.

Лишь 19 июля, убедившись в полной бесплодности своих попыток подавить антифашистские выступления трудящихся и оказавшись в изоляции даже внутри своей партии, Тамброни подает в отставку.

21 июля сотни тысяч римлян выходят на новую демонстрацию, приветствуя падение профашистского правительства. Кошмар кончился, серьезнейшая опасность для республиканского строя устранена, хотя и стоило это многих слез и страданий: в который уже раз...

Мощный удар, нанесенный массами правым кругам внутри ХДП, ускорил рождение «левого центра». Однако силы реакции, особенно в военных кругах, отнюдь не оставили своих надежд на уничтожение республиканского строя. К этому же их подталкивали и США, с первых же дней освобождения страны установившие теснейший контакт с армейской верхушкой и руководством секретных служб.

Так, еще в 1947 году при прямом участии США вместо фашистской секретной службы был создан разведывательный отдел генерального штаба сухопутных войск. «Курировал» его

¹ Пальмиро Тольятти. Избранные статьи и речи, т. II (Декабрь 1956 года — 1964 год), М., 1965, стр. 411—412.

американский дипломат Кармел Оффи, уроженец области Абруццо в Италии.

США согласились на полное восстановление итальянской контрразведки только осенью 1949 года, то есть пять месяцев спустя после того, как был создан Североатлантический блок. Лишь существование Италии в рамках НАТО, по мнению ЦРУ, могло обеспечить ее абсолютную верность западному миру. Кроме того, США добились и других гарантий, оговоренных в специальном протоколе к Североатлантическому договору, в соответствии с которым службы ЦРУ получали возможность контроля над «Службой информации вооруженных сил» (СИФАР).

Одним из основных положений протокола было обязательство двух сторон регулярно обмениваться информацией по всем представляющим взаимный интерес вопросам. США, правда, весьма свободно толковали этот раздел документа. Так, они дали недвусмысленно понять, что в круг «вопросов, представляющих взаимный интерес», они включают и внутреннее положение в Италии, особенно позиции левых партий и демократических организаций.

Не менее важным с точки зрения влияния извне на решения итальянской контрразведки был и параграф, в котором оговаривалось, что назначение на высшие руководящие посты в армиях и секретных службах стран, входящих в НАТО, осуществляется лишь после одобрения кандидатур командованием Североатлантического блока.

Наращение левых тенденций в Италии вызывает тревогу в правящих кругах США. Они решают привести в действие свою самую послушную пешку — СИФАР, которым руководил в то время генерал Джованни Де Лоренцо, один из наиболее доверенных «людей» Оффи.

По личному указанию Де Лоренцо «Служба информации вооруженных сил» заводит досье на многие тысячи офицеров и унтер-офицеров, в которые включаются данные об их политической ориентации, взглядах, симпатиях. Сюда же подшиваются тщательно проверенные сведения о родственниках военнослужащих.

Но этим дело не ограничивается. СИФАР расширяет и политический шпионаж. Для этого вводятся картотеки, в основе которых лежит специальная схема, разработанная в НАТО. Согласно этой схеме, все коммунисты, социалисты, левые христианские демократы являются «неблагонадежными». В то же время фашисты, либералы, монархисты и им подобные, за исключением тех, кто подозревается в принадлежности к чисто уголовным бандам, считаются «благонадежными».

Всего было заведено 34 тысячи досье. Причем составители их проявили максимум «мастерства». Сначала на каждого человека заводилась краткая биографическая справка, затем она постепенно обростала сведениями о том, что происходило в его повседневной жизни. В досье регистрировались все контакты лиц, ставших объектами политического шпионажа, с указанием дня встречи. О содержании бесед докладывали осведомители, телефонные разговоры подслушивались и записывались.

В 1963 году генерал Де Лоренцо покидает СИФАР (правда, лишь после того, как его пост занимает другой «человек» Оффи — генерал Эджидио Виджани), с тем чтобы возглавить корпус карабинеров.

К лету 1964 года обстановка в стране вновь резко обострилась в связи с искусственно затянутым правящими кругами правительственным кризисом. Именно этот момент реакция сочла наиболее благоприятным для осуществления

переворота силами военно-полицейского репрессивного аппарата. Его план уже за несколько месяцев до этого был не только подготовлен во всех деталях, но даже согласован с тогдашним президентом республики Сеньи и рядом других высокопоставленных деятелей ХДП. Согласно этому плану, по приказу из центра следовало арестовать (в качестве лишь первого шага!) около 1800 демократических деятелей. Списки этих лиц с указанием концентрационных лагерей, куда их надлежало отправить, уже были разосланы по всей стране. Командование карабинеров при содействии отдельных командующих округами, заранее подготовившее концлагеря, позаботилось также и о выделении транспортных средств для проведения этой операции. Что же касается подавления демократических сил, то уже был отдан приказ по корпусу карабинеров о переводе его на чрезвычайное положение...

Переворот не состоялся. И одной из главных причин этого, как заявила специальная парламентская комиссия, расследовавшая в 1969—1970 годах обстоятельства заговора, стала бдительность масс, их готовность дать решительный отпор инициаторам сдвига вправо. К этому их призывали коммунисты, другие левые силы, своевременно уловившие нарастание политической напряженности в стране в середине 1964 года.

Сказалось, безусловно, и то, что в Соединенных Штатах Америки к этому времени произошли существенные перемены. Ставший президентом в 1961 году Джон Кеннеди решил окончательно и открыто поддержать вступление социалистов в правительство Италии. Эта линия была подтверждена новым руководством США и после гибели Кеннеди.

Не способствовали перевороту и глубокие сдвиги, наметившиеся в Италии, в первую очередь в Ватикане, постоянно служившем опорой для христианских демократов. После смерти папы Пия XII в 1958 году на престол святого Петра был избран кардинал Ронкалли, выходец из простой крестьянской семьи. Новый папа Иоанн XXIII взял курс на постепенный отход церкви от прямого вмешательства в государственные дела, выступил с рядом важных энциклик, где не только допускались, но и считались полезными различные формы сотрудничества католиков с левыми партиями.

ТАКТИКА ПРОНИКНОВЕНИЯ И СТРАТЕГИЯ БОМБ

1. Лекции греческих «черных полковников»

Вся история Итальянского социального движения в первое послевоенное двадцатилетие — это длинная цепь попыток войти в сферу руководства страной. Наиболее серьезная из них относится к 1960 году, о событиях которого мы уже говорили. Эта тактика так называемой «конституционной легальности», которую проводит политический секретарь ИСД Микеллини, встречает острое сопротивление внутри самой партии, приводит к ее расколам.

Еще на V съезде ИСД (1956 год) сторонники активного использования бомб во главе с Альмиранте заявляют о необходимости «сохранить свое лицо — лицо фашистов, борцов за идеалы Итальянской социальной республики». Руководитель «умеренных» Микеллини делает ставку на гибкую линию в отношении церкви, НАТО (против этой организации ИСД боролась долгое время, не желая «союза со вчерашними победителями») и ХДП.

Политические разногласия между двумя течениями становятся столь острыми, что съезд

ИСД превращается в ожесточенную драку: в зале заседаний в ход пускаются стулья, трещат рукава пиджаков и рубашек, слышатся хлопки разбиваемых ламп. Скандируя «Поменьше фраков, побольше дубинок», съезд покидает большая группа «твердолобых» во главе с 30-летним Пино Раути.

В то время о Раути известно немного. По образованию — филолог. В неонацистских кругах зарекомендовал себя как человек умный. Однако итальянская разведка, проводя позднее расследование роли Раути в деле таинственной закупки оружия, принадлежащего НАТО, для Португалии, определяет его в одном из докладов как «человека весьма скромных профессиональных и интеллектуальных способностей». В возрасте 17 лет Раути добровольно записывается в батальоны «М» Национальной гвардии «республики Салó». Союзники берут его в плен и отправляют в один из лагерей Северной Африки. Сразу же после войны, возвратившись в Италию, Раути создает подпольную организацию «Черный легион». За эту деятельность его арестовывают и осуждают на 13 месяцев тюремного заключения.

Выйдя из тюрьмы, он спешит в ИСД, куда приводит и своих «легионеров», идеологически примыкающих к позициям Альмиранте. Группа Раути становится основой, на которой уже год спустя после выхода из ИСД создается организация «Новый порядок», программа которой полностью копирует человеконенавистнические теории нацистов из «Нее орднунг». Лозунги «Нового порядка» полностью взяты из идейного арсенала эсэсовцев. Их эмблема — обоюдоострая секира — та же, что изображали на своих знаменах французские коллаборационисты во времена вишистского режима. «Мы взяли на вооружение, — заявляет Раути, — основ-

ные концепции фашизма... Мы выступаем против парламентской демократии как по принципиальным, так и по идеологическим соображениям. Мы не верим в равенство людей, не верим во всеобщие выборы».

Встав во главе организации, Раути устанавливает тесные связи с руководителем другой неофашистской группы, отколовшейся от ИСД, Стефано Делле Кьяйе. Этому 23-летнему фашисту также не по душе «мягкотелые» позиции Микелини. В созданном им «Национальном авангарде» (НА), призванном, по словам самого Делле Кьяйе, «подхватить знамя гитлеровского нацизма», вводится приветствие эсэсовцев; эмблемой организации является свастика. Для всех членов НА обязательно чтение и конспектирование трактатов о расе фашистского идеолога Эволи и книги «Майн кампф» Гитлера.

В лозунгах НА, обращенных к публике, весьма четко прослеживаются стиль и традиции пропаганды «республики Салó»: откровенная демагогия, игра в красивые слова. «Мы, — говорится в одной из листовок организации, — группа избранных героев, чья жизнь исполнена высокого смысла, что позволяет нам возвыситься до вершин божественного».

И намного яснее та же мысль — во внутреннем секретном циркуляре: «Национальный авангард должен быть группой элиты, хорошо подготовленной физически, преданной идее, готовой на все».

Резкая критика позиций руководства ИСД, с которой публично выступают «Новый порядок» и «Национальный авангард», делают их прибежищем для многих бывших и неофашистов, жаждущих деятельности. И поначалу кажется, что новые организации существуют действительно самостоятельно от Итальянского со-

циального движения. Они издают свои газеты, открывают свои собственные секции, распространяют листовки, в которых руководители ИСД не называются иначе как «продажными антифашистами».

Весь смысл «раскола» ИСД выясняется гораздо позднее, когда становится очевидным, что и Раути, и Делле Кьяйе ни на день не прекращали своих контактов с Микелини и в особенности с Альмиранте, которым новые организации нужны для реализации двойной цели.

С одной стороны, это позволяет держать вне официальной партии наиболее махровых фашистов, которые могли бы скомпрометировать усилия ИСД, направленные на легальный приход к власти. С другой стороны, «социальное движение» через своих ставленников получило таким образом в полное распоряжение подчиненные строгой дисциплине группы «коммандос», необходимые для поддержки политики неофашизма извне: путем различного рода провокаций против демократических организаций и активистов левых партий.

Как мы увидим, в последующие годы эта тактика создания полуплегалных «резервов» ИСД была лишь развита и усовершенствована Альмиранте. Суть же ее неизменно оставалась прежней.

В «Новом порядке» и «Национальном авангарде» нуждается, однако, не только ИСД. Уже в начале 1960 года с ними через посредство одного из депутатов-неофашистов устанавливаются связи определенные круги министерства внутренних дел Италии и контрразведки. Этим службам также нужны люди, «готовые на все», и Раути с Делле Кьяйе охотно идут на такое сотрудничество.

В целом обстановка в Италии в начале 60-х годов складывается явно не в пользу итальян-

ского социального движения. Тактика Микелини терпит провал за провалом. Уменьшаются и пожертвования ИСД со стороны крупных финансовых и промышленных магнатов. В результате повсеместно закрываются секции Итальянского социального движения, уменьшается тираж его изданий, а некоторые вообще прекращают свое существование.

На первый взгляд могло показаться, и некоторые буржуазные исследователи не замедлили с энтузиазмом отметить это, что неофашистская партия идет к своему концу. Многочисленные факты, большинство которых стало известно лишь в последние годы, свидетельствуют, что подобный взгляд на вещи был глубоко ошибочным. Официальная ИСД действительно переживала кризис. Однако этого ни в коей мере сказать нельзя о ее подпольных и полуподпольных «резервах», таких, как «Новый порядок» и «Национальный авангард», чей бурный рост приходится как раз на середину 60-х годов.

Собрав под свои знамена многих бывших активистов ИСД, полностью разочаровавшихся в Микелини, Раути ставит перед ними задачу — объявление открытой войны всей системе. Во имя чего? Вскоре это становится ясным. За разработку стратегического плана, направленного на создание «молодого антимарксистского, национального и социального государства», принимается сам Раути и его ближайший сотрудник — тоже журналист — Гуидо Джаннеттини. В области теоретической «новое» государство не блещет оригинальностью, почти полностью повторяя основные положения Веронской хартии, ставшей основой создания «республики Салó». Иное дело — пути борьбы за такое государство. Здесь Раути и Джаннеттини действительно идут дальше своего учителя, создавая программу так называемой «революционной войны». Ос-

новные ее контуры они излагают уже в 1965 году.

Именно в этот период Раути устанавливает связи с французскими оасовцами¹ и людьми из политической полиции Португалии (ПИДЕ). Тогда-то он и попадает в поле зрения итальянской контрразведки. Одновременно Раути становится сотрудником крайне правой римской газеты «Темпо» и завязывает дружеские отношения с наиболее консервативными кругами офицерства вооруженных сил. Одна из его книжонок, написанная в защиту реакционных взглядов тогдашнего начальника генерального штаба вооруженных сил генерала Алойи и озаглавленная «Руки красных в вооруженных силах», рассылается по почте сотням итальянских офицеров. Книга выходит под псевдонимом Флавио Мессалы и отмечена откровенной ненавистью к демократии, которую Раути называет не иначе как «раковая болезнь духа». Автор в то же время проявляет глубокое знание многих деталей механизма административных служб армии, в которые посвящаются только высшие представители главных штабов. И это уже само по себе достаточно веское доказательство того, что Раути «свой человек» в определенных военных кругах.

3—5 мая 1965 года в одном из тихих салонов фешенебельной римской гостиницы «Парко дей Принчипи» проходит «научная конференция», инициатором которой выступает никому не известный «Институт исторических и военных исследований». Конференция организуется в большом секрете. Печать о ней ничего не пишет, и лишь несколько месяцев спустя одно из правых издательств публикует материалы под общим названием «Революционная война». Эта

¹ Члены «Организации секретной армии», действовавшей во Франции в начале 60-х годов.

книга также не рекламируется. Среди докладчиков на конференции фигурирует Пино Раути («Тактика коммунистического проникновения в Италию»), а также другие, не менее известные фашисты. Речь идет о самом цвете итальянской реакции, которая в данном случае пользуется отеческим покровительством военной иерархии. С интересом следят за работой конференции и уже упоминавшиеся генералы Джованни Де Лоренцо и Джузеппе Алойя.

В докладе, представленном конференции директором института, сообщалось: «Среди нас находятся 20 студентов высших учебных заведений, которых наш институт после специального отбора пригласил принять участие в работе данной конференции в качестве отдельной группы. Они продолжают изучение тем, которые будут нами рассмотрены». Среди этих студентов мы видим и Стефано Делле Кьяйе, уже тогда имевшего большой вес в правых молодежных организациях.

Пино Раути берет слово на второй день конференции — 4 мая. Чтение его доклада сегодня показывает, сколь мрачен план реакционного переворота, который к тому времени созрел в голове бывшего «бойца» «Национальной гвардии» Муссолини. Заявив о «глобальности коммунистической угрозы государству», Раути подчеркнул: «Отсюда то почти отравляющее сознание чувство безоружности, которое, несомненно, испытывают определенные руководящие политические классы современной Италии перед лицом обстановки, характеризующейся разнузданными действиями коммунистов. Создается, таким образом, впечатление, что юридические, политические и конституционные органы государства не в состоянии противостоять этой коммунистической эскалации, направленной на завоевание власти. Каков же путь борьбы с этой зло-

вещей опасностью?» Раути утверждает: «Необходимо делать ставку на общественное мнение, не прибегая при этом к партийным схемам и не ссылаясь на политические группировки. Следует отказаться от рассмотрения политической борьбы лишь в рамках партийных схем прошлого столетия. Необходимо наладить поиск новых методов влияния на массы и внедрения в них определенных доктрин. Именно в этом я вижу задачу данной конференции. Мы сделаем полезнейшее дело, если нам удастся внушить итальянцам, что коммунистическая идеология в Италии — это не просто партия, которая завоевывает или пытается завоевать власть в рамках выборной системы. Это — опаснейшая болезнь, которая угрожает поразить нашу итальянскую и всю европейскую, западную цивилизацию. Если все большее число итальянцев будет настороженно относиться к разработанным коммунистами методам завоевания власти в нынешних условиях, значительно отличающихся от тех, что были прежде, мы сделаем важный шаг вперед. *Задачей других военных и общеполитических органов будет извлечение из всего этого конкретных выводов с тем, чтобы за началом подпольной войны и революционной войны последовала всесторонняя разработка контрреволюционной тактики и тактики защиты нации*» (курсив наш. — А. В.).

Рассуждения Раути в общем-то довольно понятны. Он, выдвигая в качестве аксиомы то, что коммунисты попытаются захватить государственную власть путем вооруженного насилия, разрабатывает свою тактику, цель которой довести «красное» насилие до такого момента, когда появится необходимость прямого вмешательства армий. Во всей этой теоретической раскладке ясно прослеживаются контуры реакционного заговора.

Заметим, что в данном случае Раути черпает материал опять же из вполне определенных источников: ему, несомненно, известно, что лишь за 10 месяцев до этого, в июле 1964 года, военный переворот в Италии вот-вот должен был стать реальностью. Однако об этом общественность страны узнает гораздо позже — лишь в 1966 году.

В докладе Раути для придания плану переворота завершенности не хватает единственного элемента — метода, при помощи которого обстановка может быть доведена до такой степени остроты, когда военное вмешательство будет полностью оправдано в глазах общественности.

А метод этот между тем уже успешно разрабатывается и даже проверяется на практике в соседней Греции. К началу 1965 года план переворота во всех деталях уже подготовлен начальником греческой военной полиции Георгиосом Ладасом, действующим с полного его согласия и при всесторонней поддержке ряда высших чинов армии и разведывательных служб. Главным создателем «методов обострения обстановки» здесь выступает крупный офицер разведки (КИП) Костас Плеврис. В этих целях он организует массированное проникновение своих агентов в различные левые и левацкие организации. Задача, которая при этом ставится, весьма проста: подрывать эти организации изнутри, подталкивать их к различного рода провокациям.

Результатом практического осуществления этой тактики стала в августе 1965 года так называемая «ночь огней» в Афинах, когда руками членов молодежных ультралевых групп фашисты организовали поджог ряда общественных и частных зданий греческой столицы. Организаторы поджогов были немедленно арестованы. Полиция и суд во всеуслышание загово-

рили о коммунистическом заговоре. Истинные же организаторы поджогов продолжали действовать, оставаясь в тени. Кроме того, в конце марта 1967 года Костас Плеврис лично организовал три провокации, осуществленные одновременно в Афинах. В ходе одной из них зарядом тротила было разрушено здание, в котором помещалась редакция ежедневной газеты «Элевтерос космос», выступавшей за продолжение политики Папандреу¹.

К этому времени относится весьма показательный циркуляр, направленный руководителям жандармских служб Греции. Подписан он самим Георгиосом Ладасом. Циркуляр гласит: «2 марта 1967 года. Секретно. Наше руководство, стремясь избежать каких-либо неприятных и вредных недоразумений, желает получать информацию о всех лицах, арестованных полицией в связи с действиями, связанными с политикой (агитаторы, участники манифестаций, саботажники, организаторы провокаций и так далее). Фамилии вышеназванных лиц должны немедленно сообщаться данному руководству. Для быстрой передачи информации в случае необходимости разрешается использовать телефон, с тем чтобы фамилии арестованных мы имели бы до их допроса органами полиции. Просим сообщить о получении данной инструкции».

Истинный смысл этого циркуляра Ладаса не вызывает сомнений: военная полиция и секретные службы армии (а также, разумеется, и

---

¹ Папандреу, Георгиос (1888—1968) — видный политический деятель Греции, руководитель буржуазной партии Союз центра. В 1963—1965 годах — премьер-министр Греции. В программе правительства Папандреу содержались обещания ряда демократических реформ. Был вынужден уйти в отставку в результате маневров правых сил. После прихода «черных полковников» к власти некоторое время находился под арестом.

ЦРУ, чья причастность к перевороту сегодня очевидна) опасаются, как бы кто-нибудь из проникших в левые организации агентов не попал под арест, возможно даже будучи пойманным с поличным, или как бы один из оплачиваемых провокаторов не выболтал что-либо еще не подкупленному следователю. В этих случаях Ладас не желает идти на риск: он хочет заранее знать фамилии арестованных, с тем чтобы вовремя вызволить своих людей, которые имели несчастье или глупость попасть в руки полиции.

Полковники действуют столь успешно, что уже 21 апреля 1967 года, когда эхо мартовских провокаций еще не улеглось, фашистский переворот на многие годы превращает Грецию в тюрьму. Костас Плеврис благодаря своему опыту получает назначение на пост руководителя сектора КИП, занимающегося «связями с Западной Европой», в частности контролем над деятельностью греческих студентов, которых в Италии объединяет ЭЗЕЗИ — Лига греческих студентов.

Одним из первых и, как мы увидим, далеко идущих мероприятий Плевриса является реорганизация ЭЗЕЗИ.

В этих целях уже 22 июня 1967 года в Риме собирается ее первый съезд. ЭЗЕЗИ, первоначально подчинявшаяся министерству социального обеспечения, по личному приказу Пападопулоса (первого агента ЦРУ, которому удалось занять пост первого министра, как пишет о нем демократическая пресса) переходит под прямой контроль греческой разведки. Соответственно меняются и функции лиги. Если прежде это была ассоциация культурного характера, что-то вроде обычного иностранного землячества, то ныне перед ЭЗЕЗИ ставятся серьезные задачи. «1. Координация национальных (читай: фашистских. — А. В.) действий греческих студен-

**ГЛАВНЫЙ ОПЕРАЦИОННЫЙ ЗАЛ
СЕЛЬСКОХОЗЯЙСТВЕННОГО БАНКА
В МИЛАНЕ. 12 ДЕКАБРЯ 1969 ГОДА,
16 ЧАСОВ 37 МИНУТ.**

**16 человек убитых, 88 раненых—
эта кровавая провокация была задумана
давно. Она лишь одно из звеньев
длинной цепи преступлений,
спланированных неофашистами.**

„ОНИ СТРЕЛЯЛИ В БОЙЦОВ „Х-МАС“.

Пытаясь подавить движение Сопротивления, руководители фашистской „республики Сало“ развернули по всей Северной Италии кампанию репрессий и террора. Особой жестокостью отличались головорезы из дивизии „Мути“ и из пресловутых подразделений „Х-МАС“, которыми командовал „черный князь“ Боргезе.

ПАРТИЗАНЫ В ГОРАХ.

С самого начала возникновения вооруженного движения Сопротивления в Италии его инициатором и вдохновителем была Итальянская коммунистическая партия. Коммунисты явились организующей силой многотысячной партизанской армии, личным примером они вдохновляли патриотов на борьбу против гитлеровских оккупантов и их прислужников — итальянских фашистов. Именно коммунисты вынесли на себе основную тяжесть борьбы с фашизмом в Италии.

L'ARRESTO DI MUSSOLINI

Anche Scorza, Cavallero, Interlandi, Clerici
e altri gerarchi arrestati. Gayda fuggito.
Starace fermato alla frontiera.

ITALIANI!

**GRIDATE NELLE PIAZZE: PACE E LIBERTÀ!
CHIEDETE UN GOVERNO DEMOCRATICO!
CHIEDETE LIBERTÀ DI STAMPA, DI
RIUNIONE, DI ORGANIZZAZIONE!
UNITEVI SOTTO LA GUIDA DEL
FRONTE NAZIONALE D'AZIONE!**

La cacciata di Mussolini dal governo deve essere una nuova svolta nella storia del nostro Paese.

Le stesse popolazioni che oggi occupano le piazze di Italia, che clamorosamente gridano di giustizia dopo vent'anni di schiavitù e di morte, dopo gli anni terribili della guerra, della cacciata, delle stragi, dopo la stagione spaventosa della restaurazione in cui il Paese ha corso il rischio di

perdersi in cui la parola alleanza doveva significare esattamente.

Chi vive a contatto con le masse conosce gli slanci delle classi lavoratrici e dei ceti medi, del governo e delle democrazie, dei soldati e degli ufficiali, per far risorgere le aspirazioni della Nazione alla pace e alla libertà prima, subito prima, del 25 luglio 1943.

Chi vive a contatto delle masse sa che il loro

genio, i partiti, le organizzazioni, le istituzioni del popolo italiano debbono voler la loro o per se stessi oggi e non domani. La forza, che le folle rivendicano nell'interesse della Nazione e per la salvezza di tutti figli d'Italia, ancor oggi ripugna al fuoco di inutili battaglie, deve essere rapidamente incanalata nell'onore e nella dignità di un popolo, che ha ereditato nel suo governo di tradizione il più terribile omicidio.

**„МУССОЛИНИ АРЕСТОВАНИ!“ —
СООБЩАЕТ ГАЗЕТА ИТАЛЬЯНСКИХ
КОММУНИСТОВ „УНИТА“ („ЕДИНСТВО“).**
В условиях подполья, жесточайших фашистских репрессий печать компартии не прекратила своего существования. Именно со страниц газет коммунистов прозвучал призыв к всеобщему национальному восстанию в апреле 1945 года. Ныне газету „Унита“ читают в Италии в среднем 1363 тысячи человек ежедневно. По тиражу она уступает только двум крупнейшим газетам монополистической прессы.

„НЕОДУЧЕ“ ИТАЛЬЯНСКИХ ФАШИ- СТОВ—ДЖОРДЖО АЛЬМИРАНТЕ.

„Называть его убийцей—не преступление“—такое решение вынесли судебные органы, рассмотрев жалобу Альмиранте на газету „Унита“, которая в одном из своих номеров приводила доказательства причастности главаря современных чернорубашечников к массовым расправам над партизанами во времена „республики Салó“.

В телеграмме от 9 мая 1944 года, направленной всем полицейским управлениям, указывалось: «Все лица, принадлежащие к вооруженным бандам (так именовались партизанские формирования.—А. В.), могут сдать любым военным или полицейским органам — как итальянским, так и германским. После 24 часов 25 мая все, кто не выполнит этот приказ, будут считаться преступниками и подлежат расстрелу.

Подпись: Джорджо Альмиранте»

**„ВЫ СВОБОДНЫ“, —
ГОВОРЯТ АДВОКАТЫ
ФАШИСТСКОМУ ПРЕСТУПНИКУ
МАРШАЛУ ГРАЦИАНИ.**

В 1948—1953 годах на свободу вышли многие приспешники Муссолини, отделавшись в большинстве случаев чисто символическим наказанием. Но как раз в этот же период за участие в политических манифестациях и забастовках было арестовано почти 150 тысяч человек. Из них 61 243 человека были осуждены в общей сложности на 20 426 лет тюремного заключения, а 18—на пожизненную каторгу (высшая мера наказания в республиканской Италии). В столкновениях с полицией 5104 человека было ранено и 75 убито.

ГЕНУЯ. ИЮЛЬ 1960 ГОДА. ПОЛИЦИЯ
НА ПЛОЩАДИ ДИ ФЕРРАРИС.

Итальянская реакция, стремясь отбросить назад демократическое движение, предпринимает попытку повторить „поджог рейхстага“, возложив всю вину за обострение обстановки на коммунистов. Однако расчеты эти не оправдались: компартия решительно и умело разоблачила ответственность полиции за происшедшее кровопролитие, возбуждав судебные дела против лиц, несущих прямую ответственность за убийства.

ВОЕННЫЙ ЛАГЕРЬ НЕОФАШИСТОВ В ОБЛАСТИ АБРУЦЦО — ОДИН ИЗ МНОГИХ ЦЕНТРОВ ПО ПОДГОТОВКЕ СОВРЕМЕННЫХ ТЕРРОРИСТОВ.

Корреспондент журнала „Эуропео“,
побывавший в другом лагере, разумеется
„не известном“ полиции, рассказывал:

«Школа-лагерь — на побережье Пескары
в Монтесильвано. Большая гостиница, бассейн,
конференц-зал, охрана у дверей, строго соблюдаемое
расписание, 500 юнцов и девиц, смотрящих в будущее
глазами прошлого, глазами режима, погребенного
войной, которую он сам развязал.

Вот отрывки из моих «бесед за круглым столом».

...Наш корабль спущен на воду. Наша судьба
определена.

Придя к власти, мы ликвидируем раковую опухоль
коммунизма, мы, фашисты, похороним его. Мы устали
от нынешней свободы. Нас обвиняют в тоске по
прошлому. На самом деле винить во всем нужно
антифашистов и участников движения Сопротивления.
Мы горды тем, что станем фашистами завтрашнего дня».

ЮЖНОИТАЛЬЯНСКИЙ ГОРОД РЕДЖО-ДИ-КАЛАБРИА ОХВАЧЕН „БУНТОМ“, СПРОВОЦИРОВАННЫМ И НАПРАВЛЕННЫМ КРАЙНЕ ПРАВЫМИ СИЛАМИ. Используя взрывчатую обстановку, существующую в южноитальянских городах, нефашисты спровоцировали затяжной и кровавый „бунт“. Улицы перегорожены баррикадами, горит здание полицейского управления...

ПЬЕТРО ВАЛЬПРЕДА.

„Во всем виноваты анархисты и главный среди них—Пьетро Вальпреда“,— заявил комиссар Калабреззи уже несколько минут спустя после чудовищной провокации в Милане.

Улики, свидетельства «очевидцев»... Улики, как выяснилось, были, мягко говоря, созданы полицией. «Очевидцы»...— их уже нет в живых. Вальпреда провел в тюрьме 3 года 14 дней и был освобожден — но только условно! — лишь когда в версию о виновности анархистов уже не верил ни один здравомыслящий итальянец.

ОЧЕРЕДНАЯ ПРОВОКАЦИЯ.

**Финал одного из митингов
левоэкстремистских групп, в которые
неофашисты организовали
массированное проникновение.**

Молодой безработный из Сицилии Томмазо М. показывал:
«Мне сказали, что нужно пойти на митинг,
организованный маоистами. В коробке, которую мне
дали, были бутылки с зажигательной смесью...»

После столкновений с полицией, организованных мною
и еще несколькими членами группы, я попал в боль-
ницу. Несколько дней спустя меня навесил один из чле-
нов фашистской партии и вручил 50 тысяч лир. При этом
он сказал: «Ни слова о том, кто послал тебя на митинг».

МИЛАН. УЛИЦА БЕЛЛОТТИ, 6 ЧАСОВ ВЕЧЕРА 12 АПРЕЛЯ 1973 ГОДА.

Кульминацией переворота должна была стать неофашистская манифестация в Милане.

На складах неофашистской партии уже лежали десятки тысяч листовок, извещавших о свержении республиканского строя. Но и на этот раз „стратегия напряженности“ потерпела провал.

И СНОВА—„ЧЕРНЫЕ СЛЕДЫ“.

„Я анархист-индивидуалист“,—
заявил полиции организатор
этой новой кровавой бойни Бертоли.

„Анархист“ имел в прошлом
несколько судимостей за уголовные
преступления, его не раз видели
в компании неофашистов.

Есть в его досье и такая запись:
„В 1954—1960 годах — платный
осведомитель контрразведки“.

**„НЕТ—ФАШИЗМУ!“ —
ГОВОРIT ТРУДОВАЯ ИТАЛИЯ.**

Антифашистский митинг в Риме
30 ноября 1971 года.

„Пусть никто не заблуждается
относительно возможности
возрождения фашизма в нашей стране,—
указывал председатель ИКП
Луиджи Лонго.—Тот, кто стал бы
разрабатывать такие авантюристи-
ческие проекты, должен знать,

что наша партия сможет сражаться и победить на любой почве, на которой нам будет навязана эта борьба, призывая к единству и к борьбе все народные и демократические силы, как мы сумели это сделать в самые острые и трудные моменты. Фашизм в Италии не должен возродиться и не возродится“ („XIII съезд ИКП“, стр. 85).

ПОБЕДА!

На парламентских выборах 1963 года коммунисты получили 7 763 228 голосов (25,3%) — на миллион голосов больше, чем на аналогичных выборах в 1958 году. Это число возросло до 8 557 404 (26,9%) голосов в 1968 г. и до 9 069 774 (27,2%) голосов в 1972 году. Сегодня Итальянская коммунистическая партия — это, вместе с молодежной федерацией, почти 2 миллиона человек. На парламентских выборах, состоявшихся в июне 1976 года, за коммунистов отдали свои голоса уже 34,4% всех избирателей.

тов в Италии. 2. Контроль за состоянием их морального духа. 3. Защита и распространение высших идеалов греко-христианской цивилизации, имеющих универсальный характер. 4. Решительная борьба против всех врагов Священной Греции, понимаемой как Дух, как Нация, как Тоталитарное государство. 5. Пропагандистская деятельность в пользу национального режима».

Несмотря на откровенно провокационный характер этих уставных требований ЭЗЕЗИ, явно несовместимых со статусом организации на территории иностранного государства, итальянские власти дают согласие на официальную регистрацию лиги, которая в течение года открывает свои филиалы в 18 крупнейших городах Италии.

В руководящие органы ЭЗЕЗИ кроме студентов, известных своими фашистскими взглядами, назначается и несколько десятков опытных офицеров КИП, которые для прикрытия записываются в качестве вольнослушателей в различные итальянские университеты. На лекциях их, правда, не видно, да это и понятно: «работа» в ЭЗЕЗИ требует полной отдачи сил. «Студенты» ведут досье на греческих антифашистов, фотографируют участников антиимпериалистических манифестаций, собирают сведения о деятельности греческих граждан, находящихся по тем или иным причинам за границей. В этом им помогают и определенные службы Италии. Так, в июле 1969 года итальянский еженедельник «АВС» сообщил, что руководители ЭЗЕЗИ в Неаполе имеют доступ к политическим архивам местной полиции. (Это сообщение так и не было опровергнуто официальными властями.)

В обязанность каждого нового студента, приезжающего из Греции, вменяется регистрация в ЭЗЕЗИ. На первоначальном этапе ему оказы-

вают практическую помощь: подыскивают жилье, дают советы, где и как экономно питаться. Попутно выясняют и его политическое лицо. Если студент показывает себя активным сторонником хунты, его немедленно записывают в ЭЗЕЗИ. В противном случае его пытаются воспитать в «национальном» духе. Часто бывают и неудачи. Тогда имя студента сообщается одному из заместителей греческого консула, ведающего вопросами «благонадежности» греческих граждан за границей. Тот в свою очередь информирует Афины. С этого момента студента обрабатывают уже секретные службы: ему не продлевают визу, отменяют предоставляемую для окончания образования отсрочку от военной службы. Денежные переводы, идущие на его имя, под различными предлогами задерживаются. Одновременно оказывается давление и на родителей, вплоть до того, что те оказываются вынужденными отзывать своих детей на родину. Все попытки итальянских студентов-демократов выяснить судьбу своих бывших соратников оказываются безрезультатными: люди исчезают...

Активно действует ЭЗЕЗИ и в политической области. Начав с греческих студентов, она постепенно распространяет свою деятельность и на активистов левых партий и организаций самой Италии, переправляя в КИП сведения о их характере, привычках, работе. В Афинах путь секретных докладов, однако, не заканчивается. Оттуда они направляются в отдел «Д» Центрального разведывательного управления США, ведающий левыми организациями Европы.

Именно ЭЗЕЗИ и становится тем мостом, через который Раути, а также руководители других нефашистских групп, возникших к тому времени, устанавливают сразу же после переворота в Греции контакты с КИП. Связи эти, ра-

зумеется, тщательнейшим образом скрываются. «Что касается моих поездок в Грецию, — заявит позднее Пино Раути, — то они всегда осуществлялись по распоряжению газеты «Темпо», в которой я работаю. После этих поездок на страницах газеты неизменно появлялись соответствующие статьи. Такие поездки имели место непосредственно после государственного переворота в Греции, в декабре того же 1967 года по случаю кризиса, начавшегося в связи с попыткой контрпереворота, предпринятой королем Константином, а также в сентябре 1968 года в связи с заданием редакции написать репортаж об общественно-политической обстановке в стране...

В связи с этими поездками я имел возможность беседовать с господином Костасом Плеврисом, который был мне представлен как наиболее видный руководитель единственной политической организации, имеющей возможность вести легальную деятельность в Греции. Эта организация носит название «4 августа»¹. В ходе встреч я задавал вопросы, ставящие своей целью сбор сведений об обстановке в стране, необходимых мне для написания статей...

...Рано утром 16 апреля 1968 года с римской площади Республики по направлению к городу Бриндизи отъехали три автобуса. Среди 111 пассажиров были итальянские студенты (51 человек), греки, посещающие итальянские университеты (59 человек), а также атташе по вопросам культуры посольства Греции в Италии Пуланцас. Автобусы прибыли в Бриндизи после обеда и остановились на пристани. Пассажиры тут же погрузились на теплоход «Эгнация», принадлежащий греческой морской компании

¹ 4 августа 1936 года к власти в Греции пришел реакционный генерал Метаксас.

«Элмес». В тот же вечер «Эгнациа» подняла якоря и на рассвете следующего дня прибыла в порт Игуменица, в области Эпир. Вновь посадка в автобусы, несколько остановок для обеда и осмотра туристических достопримечательностей Эпира. Вечером 17 апреля все 111 человек прибыли в Афины. Пуланцас отправился по своим делам, а остальные участники поездки были размещены в одном из колледжей, предоставленном в распоряжение гостей студенческой федерацией Афин.

Официально поездка была организована ЭЗЕЗИ по случаю православной пасхи. Прямое участие в ней приняло и греческое правительство, которое оплатило компании «Элмес» стоимость билетов и организовало пребывание группы в Греции.

Лишь два года спустя следственные органы обратили внимание на тот факт, что все итальянцы, принявшие участие в поездке, были членами неофашистских групп. В их списке фигурировали «Новый порядок», «Национальный авангард», «Новый караван», «Университетский фронт национальных действий» (ФУАН) и «Цивилизованная Европа». В то же время, как выяснилось позднее, все 59 молодых греков были тщательно отобраны среди тех, кто активно работал в ЭЗЕЗИ и доказал тем самым верность режиму «черных полковников».

Итальянской группой руководил Джулио Мачератини (32 года, адвокат, правая рука Раути в «Новом порядке»). О целях этой поездки он впоследствии заявил следующее: «Весной 1968 года мне, как представителю группы «Новый порядок», сообщили о возможности совершить бесплатную поездку в Грецию... «Новому порядку» было предложено 25 мест... Мы посетили в Греции места, представляющие туристический интерес. Однажды после обеда мы имели встре-

чу в университете с группой греческих студентов, в ходе которой состоялся обмен общими фразами и тостами. В связи с незнанием языка мы даже не поняли смысла этой встречи.

21 апреля, в день пасхи (а также первой годовщины переворота.— *А. В.*), разделившись на несколько групп, мы отправились в казармы, где был устроен обед. Мне вспоминается, что в той казарме, куда я поехал вместе с несколькими другими членами группы «Новый порядок», в конце обеда появился министр внутренних дел полковник Паттакос. Поговорив несколько минут с офицерами, он подошел к нашей группе и сказал несколько слов о том, что греки — друзья итальянского народа. После этого он удалился.

За день до нашего отъезда в одном из ресторанов был организован прощальный обед, на котором выступил какой-то греческий чиновник (имени его я не знаю). Я поговорил с ним несколько минут на английском языке».

На тот же вопрос о целях поездки другой ее участник — студент Римского университета Уго Кашелла ответил: «Я отправился в Грецию в апреле 1968 года. Мы имели встречу с группой греческих студентов, на которой речь шла, как я предполагаю, об организационной структуре университетов в этой стране. Точнее сказать не могу, поскольку многого не понял, не зная греческого языка... В ходе одной из официальных церемоний выступил также полковник Паттакос, который произнес речь. Смысла речи я не понял...»

И еще одно свидетельство. Фабио Мари из группы «Новый караван» заявил: «Мы отправились в одну из казарм, где выступил полковник Паттакос, который произнес речь на греческом языке. Я думаю, что она посила общий характер...»

Даже без специального анализа этих показаний одна деталь сразу же бросается в глаза: все они похожи друг на друга как две капли воды. И еще одно: подобных свидетелей трудно не назвать по крайней мере лжецами. В самом деле, второй по важности человек греческого режима — министр Паттакос бросает свои дела и едет к ним, чтобы произнести речь, а они не понимают ее смысла. Они встречаются с представителями студенческих ассоциаций Греции лишь для обмена тостами. Их допускают в казармы, секретные и недоступные для любого греческого гражданина, лишь для того, чтобы угостить обедом. «Никакой политики, мы были только туристами», — заявляет Мачератини в один голос со своими дружками.

Итак, зададим наш вопрос вновь: какие цели преследовала эта поездка?

В том, что касается 59 греческих студентов, которые возвратятся в Италию опять-таки вместе с итальянскими неофашистами, ответ нам дает один из циркуляров КИП, датированный 14 марта 1969 года и адресованный посольствам Греции в странах Западной Европы:

«Секретно. Руководителям служб общественной безопасности Парижа, Бонна, Лондона, Вены и Рима... Содержание: меры против элементов, ведущих антинациональную деятельность в Западной Европе.

Наша служба имеет достоверные данные о том, что среди греческих рабочих и студентов, проживающих в странах Западной Европы, готовится широкая антинациональная акция, цель которой приуменьшить значение национальной революции 21 апреля и престиж Национального правительства. В связи с этим приказываем:

1. Принять меры для того, чтобы помешать там, где это еще не сделано, любым попыткам действий, которые могли бы вызвать чрезвычайно серьезные трудности внутреннего и международного характера для нашего Национального правительства.

2. Привести в исполнение приказ АИ-5181 от 12 июля 1968 года против наиболее активных деятелей различных антинациональных организаций. В отношении наиболее опасных из них используйте план «Посейдон».

3. Ускорьте исполнение приказа ЕИ-6211 от 5 сентября 1968 года, в котором речь идет о проникновении наших агентов в антинациональные организации с тем, чтобы вызвать их развал, а также об обучении здоровых в национальном отношении элементов, подобранных в наших организациях, с тем, чтобы поручить им исполнение мер, указанных в параграфе 2».

Таким образом, цель пасхальной поездки 59 греческих студентов очевидна: они должны были получить из первых рук инструкции и средства для того, чтобы стать первоклассными агентами-provokаторами. Их задача — проникать в демократические организации своих соотечественников в Италии, добывать информацию и переправлять ее в КИП, вести деятельность, направленную на подрыв этих организаций. Что касается наиболее ценных агентов, то циркуляр предусматривает их превращение в «коммандос» для выполнения плана «Посейдон», то есть для физического уничтожения наиболее видных и опасных для греческого режима политических противников.

Именно в соответствии с этим циркуляром действовали греческие фашисты, организовавшие взрыв бомбы в Генуе, возле сцены, с которой актриса Мелина Меркури должна была выступить на митинге протеста против режима «черных полковников». Именно выполняя приказ АИ-5181, «активисты» ЭЗЕЗИ при поддержке сотни бандитов из ИСД организовали осенью 1969 года в Пизе избиение участников антифашистской манифестации солидарности с греческим народом.

Главной и единственной целью поездки было несомненно изучение методов, при помощи которых греческая хунта осуществила переворот.

Что это действительно так, доказали последовавшие за пасхальной поездкой события.

Лекции, прослушанные в ее ходе, по возвращении неофашистов в Рим начинают превращаться практикой. Бандиты, доказавшие свою верность фашизму, вдруг превращаются в анархистов, членов каких-то «марксистско-ленинских» групп, выдвигающих тезисы «стихийности», превозносящих маоизм. Некоторые из них даже предпринимают попытки вступить в римские и миланские организации Итальянской компартии. Однако с коммунистами эта игра не достигает цели.

Проникнув почти во все левацкие организации, неофашисты начинают превращать манифестации студенческого движения и других внепарламентских левых групп в акции вандализма. Взрываются первые бомбы.

На этом кровавом пути десятки имен. Мы остановимся лишь на одном.

Из материалов следственного отдела римской прокуратуры

Мерлино Марио. Студент. Год рождения — 1944-й.

В 1962—1968 годах — активист организаций «Национальный авангард», «Молодая Италия» и «Новый порядок» — все крайне правого толка. Обращает на себя внимание тот факт, что лето проводит только в ФРГ — в городах Мюнхене и Франкфурте-на-Майне. Имеются сведения, что в 1965—1966 годах провел там безвыездно шесть месяцев. По возвращении в Италию рассказывал своим друзьям, что учился на специальных курсах в подпольном лагере, организованном неонацистской организацией «Европейская нация».

Отмечены тесные связи Мерлино со Стефано Делле Кьяйе, Пино Раути и депутатом парла-

мента от ИСД Джулио Карадонной. Участвовал в туристической поездке в Грецию в апреле 1968 года.

К этой краткой справке на Мерлино в досье римской прокуратуры приложены 10 докладов полицейских агентов. Датированы они между февралем 1968 года (до пасхальной поездки к «полковникам» — три месяца) и октябрем 1969 года (до взрывов на площади Фонтана — два месяца).

Доклад первый. 28 февраля 1968 года. «Вчера утром между 11.30 и 12.30 на площади Святых Апостолов состоялась разрешенная властями манифестация студентов, входящих в «Университетский фронт национальных действий». По окончании ее студенты образовали колонну и пытались пройти по улицам города. Поскольку подобные действия не были предусмотрены официальным разрешением, отряды полиции преградили демонстрантам путь... В связи с нежеланием участников манифестации подчиниться требованию органов охраны порядка были приняты и другие меры... Среди руководителей колонны нами были замечены следующие лица: Марио Мерлино...»

Доклад второй. 18 марта 1968 года. «17 марта Итальянское социальное движение провело заключительный предвыборный митинг на площади Колизея. По окончании митинга, когда его участники стали покидать место сбора, около 800 молодых людей, как по команде, выстроились в колонну и с криками «Да здравствует фашизм, да здравствует дуче!» направились к центру города — площади Венеции.

...Среди задержанных за сопротивление полиции, пытавшейся помешать проведению несанкционированной демонстрации, в наше управление был доставлен и Марио Мерлино.

Он показал, что действительно являлся в течение нескольких лет членом ИСД, но затем отошел от этой партии. Он отрицал свою причастность к фактам сопротивления полиции, объясняя, что находился на площади Венеции случайно...

Отпущен за недостаточностью улик».

И еще на один доклад полиции мы сошлемся. Он датирован 1 июня 1968 года, и в нем впервые содержатся слова о том, что Марио

Мерлино был задержан за сопротивление полиции вместе с другими *левоэкстремистскими* элементами.

Таким образом, нет нужды останавливаться особо на дополнительных доказательствах «плодотворности» лекций, прослушанных Мерлино в Греции. Достаточно лишь сопоставить три даты: 18 марта — он еще фашист, 21 апреля — поездка в Афины, 1 июня — он уже вместе с другими «туристами» участвует в стычках с вчерашними коллегами, выступая от имени левоэкстремистских групп.

От полиции, правда, ускользает один важный элемент. Боевое крещение в рядах левацких групп Мерлино получает не 1 июня, а 31 мая, когда группа «революционеров» устраивает манифестацию у посольства Франции. Благодаря Мерлино и его друзьям акция солидарности с французскими студентами (идет бурный май 1968 года) быстро перерастает в провокацию: возникают баррикады, летят бутылки с зажигательной смесью. В результате в полицию попадают 53 члена левоэкстремистской группы. Мерлино среди них нет.

Уже 1 июня вся правая печать поднимает шум против «красного насилия». Многие газеты публикуют фотографии уличных схваток, на первом плане которых сразу же бросается в глаза Мерлино. Лишь после того, как левые партии обращают внимание прокурора на это обстоятельство, полиция задерживает Мерлино. Но уже несколько часов спустя он опять на свободе. Лишь 11 апреля 1969 года его впервые арестовывают и... опять освобождают — «условно».

Наконец, последний доклад полиции перед бойней в Милане. 9 октября 1969 года. В этот день группа вооруженных молодых людей, называющих себя анархистами, напала на поме-

щение неофашистской секции. Бутылку с зажигательной смесью бросал Мерлино. Цель акции очевидна: организовать новую волну антикоммунистического психоза.

Мерлино остается на свободе.

На одну любопытную деталь хотелось бы сразу же обратить внимание: из этого досье явствует, что полиция прекрасно знает Марио Мерлино. И тем не менее пройдет еще несколько лет, прежде чем он будет вызван на первый официальный допрос. Почему?

Вывод напрашивается сам собой: будучи фашистским провокатором, Марио Мерлино является в то же время платным осведомителем полиции. И прямых доказательств тому немало.

Так, в мае 1969 года, сразу же после провокации, организованной у римского Дворца правосудия, Мерлино встречается на дому с 20-летним Ди Кола, одним из членов левозкстремистского «Союза итальянских коммунистов». «Ты должен оказать мне огромную услугу,— говорит он.— Мне кажется, что за мной следят и вот-вот придут с обыском. Не мог бы ты припрятать кое-что?» Получив согласие, Мерлино вручает Ди Коле несколько метров бикфордова шнура и десяток детонаторов.

Уже два дня спустя квартиру этого последнего тщательно обыскивает полиция. Обыск не дает результатов по одной простой причине: в «Союзе» догадывались об истинном лице Мерлино и приняли меры предосторожности.

Накануне Дня республики (2 июня) Мерлино примыкает к другой левацкой группе. Когда на ее собрании заходит речь о массовом распространении листовок в день праздника, он предлагает организовать эту акцию, «забыв на время идеологические разногласия», совместно с молодежной организацией компартии — Итальянской федерацией коммунистической молодежи

(ИФКМ). Соглашение достигается. Встреча назначена на 8 часов утра 2 июня у помещения одной из секций ИФКМ. Уже в 7 утра на условленном месте появляется и полиция. Конфисковав листовки, она задерживает всех проходящих в секцию и отпускает их только по окончании официальной демонстрации, посвященной Дню республики.

Мерлино среди задержанных, разумеется, нет.

В сентябре 1969 года Мерлино оказывается на подозрении почти во всех левозэкстремистских организациях, действующих в Риме. Во всех, кроме одной — анархистского кружка имени Бакунина.

Читатель, конечно, помнит, что как раз к этому времени среди «бакунинцев» оказался и Пьетро Вальпреда. После раскола Мерлино следует за ним и в другой кружок — «22 марта». Таким образом, среди анархистов полиция имеет уже двух своих агентов: Сальваторе Ипполити и Марио Мерлино.

У последнего, однако, задача сбора сведений о деятельности членов группы носит второстепенный характер. Главное для него — организация провокаций.

Из показаний свидетелей по делу о взрыве на площади Фонтана, которые по неизвестным причинам не «попали» в официальное досье расследования

Показание 1. «Поначалу Мерлино вел себя несколько скованно, хотя и старался быть сердечным со всеми. Называя себя анархистом, он тем не менее почти никогда не участвовал в наших дискуссиях. Я даже подозревал, что он почти ничего не знает из истории анархизма...»

Показание 2. «Однажды Мерлино отвел меня в сторону и предложил участвовать в ночной «экспедиции» на ФИАТ, показав при этом уже заготовленные бутылки с зажигательной смесью. Главное, что ему было нужно, это моя машина. (Логика провокации очевидна: ведь по номеру полиция немедленно установила бы владельца, а буржуазные газеты тут же подняли бы

новый шум о «красном терроризме». — А. В.). Когда я отказался, Мерлино не стал настаивать. Сказал только: «И это анархист!»

Показание 3. «Мерлино сообщил мне, что собирается создать курсы по изучению методов изготовления бомб. Он сказал также, что, находясь еще в фашистской организации, научился этому от Делле Кьяйе и теперь в состоянии сам читать лекции. Кроме того, он добавил, что у него есть непроявленная пленка, на которой хорошо показаны многие технические приемы».

Показание 4. «Как-то Мерлино пригласил меня и еще двух членов нашего кружка к себе домой, чтобы обсудить, по его словам, «очень секретные вещи». У него на квартире мы встретили некоего Роберто, назвавшегося другом Мерлино. Мерлино предложил нам создать террористическую группу, сообщив, что один из его хороших знакомых может помочь с необходимым материалом. Роберто также сказал, что он в состоянии достать взрывчатку и все остальное».

2. «Римский Бомбардир»

Аналогичную деятельность в других левацких группах ведут и остальные участники поездки к «полковникам». Их провокации координирует руководитель «Национального авангарда» Делле Кьяйе, который в свою очередь держит в курсе всех дел Пино Раути. Впрочем, как выясняется позднее, не только его одного.

«Согласно сведениям, собранным нами в фашистских кругах и направленным вместе с соответствующими именами следователю для проверки их подлинности, — пишет еженедельник «Панорама» 6 апреля 1971 года, — в 1969 году в двух римских конспиративных квартирах Делле Кьяйе имеет частые встречи с чиновником среднего ранга министерства внутренних дел, а также с американским дипломатом, который в настоящее время переведен в другое место, и, вероятно, с одним из представителей нашей контрразведки».

Из этого ясно, почему Делле Кьяйе исчезает буквально за несколько часов до того, как был выдан ордер на его арест, почему ему длительное время удастся скрываться. Любопытно, что журналистам удастся найти его следы, договориться с ним об интервью, а для полиции он остается недостижимым.

Но ордер на арест имеет гораздо более позднюю дату.

Именно Делле Кьяйе, известный в неофашистских кругах под кличкой «Римский Бомбардир», реализует на практике новые методы деятельности по греческому образцу.

«Туристу» Серафино Ди Луйе поручается контроль за группой неофашистских элементов, создавших свою организацию на юридическом факультете Римского университета. Данной задаче Делле Кьяйе уделяет первостепенное внимание: эта ячейка «Национального авангарда» уже давно считается неблагонадежной, все чаще и чаще ее члены отказываются выполнять приказы своих официальных руководителей.

Ди Луйя энергично принимается за дело и очень быстро очищает организацию от «бунтовщиков». Из оставшихся же неофашистов, подтвердивших свою верность Делле Кьяйе, создается «Нацимаоистская (так!) группа борьбы народа». На собраниях студенческого движения ее члены неизменно выступают с лозунгом «Гитлер и Мао — едины в борьбе!». Активно действует «Группа борьбы народа» и во время массовых манифестаций, неоднократно вызывая острые столкновения демонстрантов с полицией. После взрывов 12 декабря 1969 года группа самораспускается (не потому ли, что считает свою задачу выполненной?) и вновь вливается в «Национальный авангард».

Другие участники поездки в Афины — Доменико Пилотти («Новый порядок») и Альфредо

Сестили («Национальный авангард») вступают в промаоистскую «компартию Италии (марксистско-ленинскую)». Они, так же как и Мерлино, неоднократно пытаются склонить членов «партии» к организации вооруженных провокаций. Вместе с несколькими другими маоистами Сестили попадает под арест за «незаконное хранение оружия и серию вооруженных провокаций». Его показания столь красноречивы, что мы приведем из них несколько обширных цитат:

«Я познакомился с Делле Кьяйе в 1965 году, когда, будучи школьником, посещал один из кружков «Национального авангарда». Мне вспоминается, что однажды утром, в воскресенье, Делле Кьяйе прочел лекцию, посвященную нацизму... Спустя некоторое время и я записался в «Национальный авангард».

Позднее, в 1968 году, в том же кружке я познакомился с Марио Мерлино, который, как и Делле Кьяйе, выступал за изменение существующих институтов путем революции. Мне сообщили, что добыть необходимое для этого оружие и взрывчатку можно, только проникнув в «компартию Италии (марксистско-ленинскую)». Я сказал, что вступлю в эту организацию. Как только представился удобный случай, я сделал это.

В мою задачу входил сбор информации внутри группы и передача ее Мерлино. Это происходило в период студенческих волнений в мае — июне 1968 года. Мерлино в свою очередь передавал информацию людям, пользующимся доверием Делле Кьяйе. Их имена хранились в строгой тайне. С января 1969 года я не имел более контактов с Мерлино. До того момента он придерживался крайне правых взглядов, хотя и стремился представить их в ином свете.

Накануне рождества 1969 года, в воскресенье 21 декабря, если я не ошибаюсь, ко мне пришли Палотта Роберто (не тот ли это «друг» Мерлино, о котором уже упоминалось выше? — А. В.) и еще один студент также из группы Делле Кьяйе. Они сообщили мне, что в связи со взрывами в Милане «один из наших рискует попасть под арест». Я понял, что речь шла о Марио Мерлино. Они спросили меня фамилии членов «марксистско-ленинской» группы, которые в августе 1968 года совершили поездку в Албанию. Я ответил, что не помню этих фамилий».

Позднее Сестили уточняет:

«В тот период Делле Кьяйе через нас контролировал различные мелкие организации. Он периодически собирал своих друзей за городом, а также в нескольких римских квартирах.

Я не знаю, был ли кто-нибудь выше Делле Кьяйе. Во всяком случае, он ни разу не называл никаких других имен и сам лично давал указания.

О деятельности, которую вел лично Делле Кьяйе, могу сообщить, что однажды, находясь со мной в машине, он показал мне детонатор, а также мешочек с взрывчаткой и разъяснил, как делаются взрывные устройства.

В тот же период я узнал от Мерлино, что взрывы у школьных зданий и у машин полиции были организованы членами его группы.

В конце 1968 года Мерлино неоднократно встречался со мной и часто говорил о том, что сам умеет делать взрывные устройства. Однажды он запланировал взрыв в здании ВИКТ на проспекте Италии. В связи с подготовкой плана он наметил встречу с несколькими членами своей группы в общественном туалете железнодорожного вокзала Термини. Реализовать план должны были два члена студенческого движения. В последний момент, однако, Мерлино, неизвестно из каких соображений, отказался от этой идеи».

Говоря о методах проникновения в левозэкстремистские организации, используемых Делле Кьяйе, Сестили добавляет:

«Помню, что в конце августа — начале сентября 1968 года я по приказу Делле Кьяйе и Марио Мерлино отправился на конгресс анархистов в город Масса Каррара. (Напомним, что именно после этого конгресса в миланской полиции Вальпреду не называют иначе как «весьма опасный бунтовщик». — А. В.)

В соответствии с приказом в мою задачу входил сбор информации о ходе конгресса, а также установление контакта с делегатами.

Проведя в Карраре сутки, я прибыл в Рим и вручил доклад Делле Кьяйе.

Считаю своим долгом уточнить, что в период, когда я посещал «марксистско-ленинскую» группу, Делле Кьяйе дал мне задание достать ключи от помещения для изготовления дубликата...

Дубликат ключа был изготовлен и доставлен Делле Кьяйе».

Стефано Делле Кьяйе, допрошенный в связи с показаниями Сестили, абсолютно все отрицал. Более того, стремясь представить Альфредо Сестили лжецом, он предъявил его заявление, адресованное прокурору, в котором все обвинения, касающиеся деятельности Делле Кьяйе в конце 1968 года, а также в связи со взрывами в Риме, отсутствуют.

Следователь требует у Сестили объяснений по поводу заявления, и тот сообщает:

«21 декабря 1968 года около 11 часов вечера в мою квартиру пришли два члена группы Делле Кьяйе. Один из них, как мне помнится, руководил финансовой деятельностью организации. Эти двое сказали, что Стефано желает встретиться со мной на площади Болоньи. Я поехал туда и нашел Делле Кьяйе в компании человек двадцати членов его группы. Он сказал мне, что хочет поговорить, и мы на машине отправились в ресторан, находящийся в районе военной казармы. Мы заняли один из залов, и Делле Кьяйе в присутствии своих друзей сказал, что я должен написать заявление, отрицающее все мои предыдущие показания. Он сам рассказал мне в общих словах, что я должен писать. Однако он потребовал, чтобы его мысли я изложил сам — своим стилем и своим почерком. Испугавшись, я выполнил требование Делле Кьяйе.

Опасаясь возможной мести, я прошу полицию обеспечить мою защиту».

Эта последняя часть показаний Альфредо Сестили указывает на прямую связь Делле Кьяйе с серией провокаций, организованных в Риме между 19 и 26 ноября 1968 года.

Ночью 19 ноября взрыв мощной силы разрушил ворота одного из входов в лицей Маминани и превратил в мелкие осколки стекла близлежащих жилых зданий. Двадцать минут спустя бомба разорвалась у забора коммерческого техникума. При этом были разбиты стекла окон и повреждена стена.

На следующий вечер взрыв раздался у ворот одной из начальных школ, нанеся значительный ущерб зданию и находившейся неподалеку

машине. Вечером 21 ноября объектом провокаций стали несколько бензоколонок, которые были начисто разрушены.

Эти взрывы, кроме всего прочего, ставили своей целью подорвать забастовку владельцев бензоколонок, которая на протяжении нескольких дней проводилась по всей Римской провинции.

26 ноября, наконец, бомба взорвалась под машиной, находившейся перед зданием Высшей школы полиции. Вторая бомба, помещенная под другую машину, стоявшую неподалеку, не взорвалась лишь по чистой случайности: зачал был поставлен неправильно.

«Наше внимание,— пишет заместитель прокурора Делла Пьянура, занимавшийся расследованием этих взрывов,— остановилось, в частности, на деятельности тех лиц, которые, являясь членами крайне правых политических организаций, ведут, особенно по вечерам, тайную деятельность. Был организован ряд обысков на дому этих лиц с целью поиска оружия и взрывчатки. В квартире Делле Кьяйе была найдена пуля девятого калибра от военного пистолета. Кроме того, в квартире одного из членов «Национального авангарда», Мартинелли Аугусто, была найдена книга под названием «Партизанская война и борьба с ней», написанная полковником Аристом. Книга была издана Высшей школой полиции в 1962 году и имеет гриф «Для внутреннего пользования».

В ходе расследования подозрения в отношении деятельности группы Делле Кьяйе были признаны обоснованными».

Прокурор передает в суд дело фашистов из «Национального авангарда», обвиняя их в следующем: «Мартинелли Аугусто — в том, что он достал публикацию министерства внутренних дел, содержащую сведения, распространение

которых запрещается. Стефано Делле Кьяйе — в том, что он хранил в Риме в апреле 1968 года около 500 граммов взрывчатки, запал и детонатор.

Делле Кьяйе и Палотта (все тот же Роберто — «друг» Мерлино.— *А. В.*) — в том, что они, действуя вместе, организовали в Риме в ноябре 1968 года серию акций, являющихся составной частью одного и того же преступного плана».

Трудно не назвать этот обвинительный акт весьма запоздалым, если учесть, что уже начиная с октября 1967 года политический отдел римской полиции следил за Делле Кьяйе. Более того, он имел сведения о том, что тот находится в центре подпольной торговли оружием и взрывчаткой.

В самом деле, 21 октября 1967 года комиссар полиции Провенца, заведующий политическим отделом римского управления, в своем докладе, направленном в прокуратуру республики, сообщал о конфискации письма, полученного Делле Кьяйе и подписанного Паоло Пекорьелло.

27-летний Пекорьелло является с 1965 года активистом «Национального авангарда». 14 ноября 1968 года он вместе с другим фашистом устраивает поджог принадлежащего компартии книжного магазина «Ринашита» в Реджо-Эмилии. Обоих присуждают к четырем месяцам тюремного заключения «условно» (!). В 1969 году он же организует в Реджо-Эмилии секцию «Группы национального действия», созданной руководителем фашистского журнала «Боргезе» Марио Тедески.

В четверг, 11 декабря 1969 года, за день до трагического взрыва в Милане, Пекорьелло выезжает на своей машине из Реджо-Эмилии и возвращается туда лишь 13 декабря. Директору пансионата он говорит, что ездил в Рим к родственникам.

Письмо, отправленное Пекорьелло Делле Кьяйе, написано на бланке Центра по туризму итальянской молодежи при президиуме Совета министров, филиал Каstellамаре Ди Стабия, где Пекорьелло работает в качестве эконома. Письмо датировано 27 июля 1967 года. В нем, в частности, говорится: «Пишу тебе это письмо с тем, чтобы получить твой совет по поводу линии моего поведения с несколькими очень серьезными и опытными людьми, с которыми я познакомился в этих краях. Кроме всего прочего, они могли бы поставить нам по низкой цене полезные для нас предметы».

Отвечая на вопросы одного из полицейских чиновников, Пекорьелло, по словам того же Провенцы, разъяснил, что речь шла о возможности приобрести по умеренным ценам кое-какое оружие с борта иностранных торговых судов. По поводу содержания этого письма политический отдел допросил также и Стефано Делле Кьяйе, который для протокола заявил: «В связи с заданными мне вопросами уточняю, что я и другие мои друзья из Рима, желая вновь вернуться в Итальянское социальное движение, решили создать кемпинг для организации встреч людей, симпатизирующих ИСД, целью которых является выработка единой платформы политической борьбы. Вследствие этого я поручил нескольким членам ИСД приобретение необходимого для кемпинга инвентаря».

...Полиция, конечно, поверила Делле Кьяйе.

3. «Красный цитатник» фашистов из Падуи

В 1968 году резко меняет тактику и другая неофашистская группа, тесно связанная с Раути. Она действует в Падуе, и руководят ею Франко Фреда и Джованни Вентура.

Франко Фреде в это время 36 лет. Фреда — яркий фанатик-расист, никогда не скрывавший своего восхищения Гиммлером и войсками СС. Он родился в Падуе, однако постоянно живет в Ферраре у Клаудио Орси, племянника Итало Бальбо, одного из высших руководителей фашистского государства при Муссолини. Орси создал в 1950 году крайне правую организацию «Молодая Европа», аналогичную одноименному движению во Франции, где оно примыкало к ОАС. Фреда в свою очередь создал группу «АР». Одно время Фреда руководил студенческой организацией ИСД — ФУАН в Падуе. Позднее, однако, он вышел из неофашистской партии, объявив ее «слишком демократичной», и примкнул к Пино Раути. По профессии юрист, он становится официальным адвокатом «Нового порядка» и широко использует судебную трибуну для проповедей своих теорий об «избранной расе».

В 1962 году падуанское отделение организации крупных землевладельцев «Конфагрикультура» принимает его на работу. Поначалу аграрии, чья реакционность не подлежит сомнению, весьма довольны новым сотрудником. Он твердо стоит на страже их интересов: сколачивает бандитские группы для расправ над бастующими батраками, фабрикует угрожающие письма по адресу наиболее активных, при случае и сам хватается за дубинку для большей эффективности «убеждения». В 1965 году Фреда на несколько дней даже оказывается на скамье подсудимых, но лишь за «незаконное ношение оружия»: во время демонстрации батраков в городке Баньоли он открыто угрожал ее участникам пистолетом.

Летом 1968 года (когда поездка в Грецию, организованная Раути и Делле Кьяйе, только что закончилась) Фреда буквально меняет «ко-

жу»: вместо модного у чернорубашечников бобрика отпускает длинные волосы на манер хиппи, которые дополняет потертый пиджак. Меняются и его взгляды. Отныне он проповедует идеи Кон-Бендита, перемешанные с установками Мао.

28-летний Джованни Вентура — сын торговца сыром, который в свое время состоял в добровольной фашистской милиции, и учительницы, на протяжении всего «черного двадцатилетия» руководившей лагерем молодежной организации Муссолини, а затем верной и весьма влиятельной избирательницы ХДП.

В семье, таким образом, Вентура с самого детства воспитывался в атмосфере ностальгии по фашистскому режиму. Отсюда логично и его вступление в ИСД. Правда, в 1965 году он выходит из «социального движения» в связи с «идеологическими разногласиями».

Будучи офицером запаса, Вентура в 1966 году при содействии Фреды и Раути направляет по адресам 2 тысяч итальянских офицеров письмо, размноженное на ротаторе. Подписано оно некой «Группой защиты государства». В письме содержится призыв восстать против «демократического перерождения» (!) и силой взять власть (полный список 2 тысяч адресов найдет в сейфе, принадлежащем матери Вентуры, и конфискует следователь).

Группа Вентуры является копией «Ячеек защиты государства», созданных в том же году бароном Энрико де Боккардом, который состоял в «черных бригадах» «республики Сало», а позже стал сотрудником фашистского журнала «Спеккьо». Он был одним из докладчиков на фашистской конференции в гостинице «Парко дей Принчипи» в 1965 году.

Тот факт, что уже в 1965 году Вентура, Фреда и Раути начали действовать совместно, до-

казывается и другими обстоятельствами. Так, Вентура является издателем неонацистского журнала «Реакция», подзаголовок которого уточняет, что речь идет об издании «Национал-революционной группы реакции». Лозунг журнала гласит: «За мир, вдохновляющийся высшими принципами Авторитета, Чести, Иерархии и Верности». Обложка или выкрашена в черный цвет, или обрамлена траурной полосой. В этом издании время от времени печатаются материалы Раути.

В 1968 году Джованни Вентура открывает в городе Тревизо книжный магазин. Здесь же помещается и контора его издательства «Галилео». Он, как и Фреда, преображается: с энтузиазмом поддерживает ультралевые организации, ищет связи с ними. Именно с этого момента он начинает подавать в суд за оскорбление на всех, кто называет его фашистом.

15 апреля 1969 года в кабинете профессора Опокера, ректора Падуанского университета, раздался мощный взрыв. Помещение было разрушено, огонь перекинулся на книги, и лишь своевременное вмешательство пожарников смогло предотвратить уничтожение других помещений ректората.

Выбор места для провокации не был случайным. Именно здесь, за этим огромным письменным столом, другой ректор, известный латинист Кончетто Маркези, в октябре 1943 года написал призыв, в котором указывал своим студентам путь в горы для участия в Сопротивлении, для борьбы за национальное достоинство, против позора оккупации Италии немецкими захватчиками и приспешниками Муссолини.

Студенты Падуи откликнулись на этот призыв. И сегодня университет этого города бережно хранит свои антифашистские традиции.

Именно поэтому кабинет ректора — нечто большее, чем просто кабинет. Поместив здесь бомбу, провокатор стремился нанести глубокое оскорбление демократическим чувствам студентов, вызвать протест всех жителей города. И как раз на волне этого протеста, принявшего действительно широкие масштабы, преподаватель университета Марко Балдзарини, выступая два дня спустя на собрании преподавателей, предложил резолюцию, в которой заклеил левозкстремистские группы как инспирированных провокации.

Вскоре выясняется, что именно Фреда поместил бомбу в кабинете ректора Опокера. Балдзарини, разумеется, знал об этом: не случайно он, почувствовав, что Фреду начинают подозревать, немедленно скрылся.

Покушение на ректора представляет собой последнее звено в длинной цепи провокаций, которые были совершены в Падуе.

Главный прокурор города Альдо Файс, проанализировав все материалы, приходит к выводу, что наиболее вероятным организатором взрывов является Фреда. В связи с этим начальник политического отдела падуанской полиции Саверио Молино получает указание организовать прослушивание телефонных разговоров Фреды.

15—19 апреля на пленку была записана серия переговоров Фреды с единомышленниками, уже один список которых наводил на размышления. Однако Молино, прослушав записи и сообщив Файсу: «Ничего интересного», передал пленку в архив.

Одновременно с прослушиванием прокурор Файс рекомендовал усилить политический отдел, занимающийся расследованием, еще одной группой, что и было сделано. К следствию был подключен комиссар Паскуале Джулиано.

Используя сеть своих осведомителей в кругах преступного мира, в мутной водичке которого многие скрывают членские билеты ИСД, Джулиано сразу же нападает на следы неофашистов. Позднее в одной из своих докладных записок он напишет: «В конце мая — начале июня 1969 года один из наших осведомителей как-то вечером назначил мне встречу, в ходе которой представил своего друга, некоего Франческо Томмазони. Томмазони, сообщив, что он имеет сведения, касающиеся состава террористической группы, заявил о своем согласии сотрудничать с полицией в качестве платного осведомителя. В частности, он утверждал, что организаторами взрывов как в Падуе, так и в Риме была группа, которой руководил адвокат Фреда из Падуи и владелец книжного издательства в Тревизо Вентура, а также сторож одной из школ по фамилии Поццан. Примыкал к организации и некий Роверони, который, однако, решил выйти из нее в связи с тем, что считал действия своих друзей неразумными... Роверони в беседе со мной подтвердил все сказанное Томмазони и уточнил, что организация располагала ядом, при помощи которого намеревалась отравить важный водоем».

Узнав эти факты, Джулиано предпринимает все, что в его силах. По обвинению в организации серии террористических акций, среди которых взрыв бомбы в кабинете ректора Падуанского университета, он подвергает аресту нескольких членов ИСД. Все они из группы Фреды: Массимилиано Факкини (муниципальный советник от ИСД), Густаво Боккини (внук влиятельнейшего в период фашизма руководителя полиции), Джанкарло Патрезе и другие неофашисты.

Однако в этот момент в ход пускаются мощные связи, которые семья Боккини сохранила в

высших сферах министерства внутренних дел. И — как ни странно — начинается расследование деятельности самого комиссара Джулиано. 24 июля 1969 года его смещают с должности, обвиняя в организации ловушки для членов ИСД.

Согласно обвинению, комиссар «сфабриковал» улики против друзей Фреды. В этих целях он дал якобы указание изготовить фальшивую бомбу, которую его осведомитель Джулиано Пеццато должен был вручить затем фашисту Джанкарло Патрезе в квартире Факкини. Джулиано же, утверждалось далее, ожидал Патрезе на улице и, когда тот вышел, арестовал его, найдя при нем эту бомбу.

Арест Патрезе действительно произошел так, как об этом говорится в обвинении, предъявленном Джулиано. Подтвердить же, что Пеццато здесь ни при чем, что в тот день Факкини встречался только с Патрезе, мог лишь один человек — портье дома № 15 на площади Инсурреционе Альберто Мураро.

Но в 7 часов утра 12 сентября 1969 года, то есть за два дня до того, как он должен был предстать перед судом для дачи показаний в пользу Джулиано, Мураро падает на мостовую с высоты третьего этажа. На протяжении 23 лет по утрам в этот час он обычно занимался уборкой лестницы. Его находят изуродованным на дне лестничной клетки. Несчастный случай, утверждает полиция...

15 сентября в библиотеке Падуанского университета обнаруживается большая книга, внутри которой в специально сделанном углублении находится взрывное устройство, идентичное тому, что взорвалось 15 апреля. К счастью, на этот раз провокация срывается. Но поскольку Факкини и его друзья находятся в тюрьме, они, естественно, не могли установить бомбу.

Более того, становится очевидным, что не они являются руководителями провокационной организации.

В конце октября в Падуе появляется подпольно изданная книжечка в красной обложке. Ее заголовок взят из китайского цитатника: «Справедливость — руль: куда его повернешь, туда и движется». Книга, подписанная неким «Революционным народным фронтом», содержит резкие и бессвязные обвинения против «буржуазной власти» и ее органов, прежде всего судов и полиции.

Объектами нападок становятся прокурор Падуи Файс и комиссар Джулиано. А ведь именно они засадили в тюрьму фашистскую группу Факкини. Однако нападки являются лишь частью более тонкого маневра. Этот так называемый «Революционный народный фронт» уточняет свою политическую программу: насилия, взрывы с целью «свержения буржуазной власти».

Это «произведение», вдохновленное «красным цитатником» и ставящее своей целью свалить вину за террористические акции на левацкие группы, было написано Франко Фредой и отпечатано в издательстве Джованни Вентуры.

Все эти факты: смещение Джулиано, таинственная смерть Мураро, появление «красного цитатника» — трудно объяснимы, если не иметь в виду тот факт, что комиссар Джулиано был вынужден прекратить свои расследования как раз в тот момент, когда он, даже не подозревая этого, напал на путь, ведущий в самое сердце реакционного заговора против республики, осуществление которого должно было начаться 12 декабря взрывами в Милане и Риме.

Вступив на этот путь, Джулиано был вынужден тут же распрощаться со своим местом.

Никакой другой следователь в Италии никогда не подвергался столь быстрому и жестокому наказанию.

4. Свидетельствует греческая разведка

Теперь нам придется вновь вернуться к апрелю 1969 года, когда комиссар Молино получил приказ организовать прослушивание телефонных разговоров Фреды. В них, как известно, он не нашел ничего интересного. А между тем как раз в эти дни неофашисты Падуи готовятся к какому-то «очень важному совещанию», на которое должен приехать и некий римский представитель. Утром 18 апреля Фреда обзванивает с десятков своих «коллег» и, подтвердив приезд гостя, просит всех обязательно быть на вокзале для встречи.

Между 11 и 12 часами вечера в зале ожидания первого класса падуанского железнодорожного вокзала собираются Джованни и Анджело Вентура, Марко Балдзарини, Франко Поццан, Ивано Тониоло и еще несколько человек, чьи имена неизвестны. Когда гость из Рима появляется в зале, встречающие с удивлением замечают, что он не один. Рядом с ним — мужчина в больших черных очках, с фотоаппаратом через плечо.

Фреда представляет гостям присутствующих, а затем группа делится надвое: Джованни Вентура, Фреда и приехавшие садятся в машину Тониоло и едут к нему на квартиру для «беседы». Остальные отправляются по домам.

Столь помпезная встреча задумана Фредой с одной лишь целью: показать, что он тоже «кое-кто», что и у него есть — на манер крупных боссов — своя свита. Тем самым он дает по-

нять, что в предстоящем разговоре отнюдь не намерен играть лишь роль исполнителя.

В Падуе в ту ночь вносятся последние коррективы в уже разработанный и отчасти проверенный на практике план реакционного переворота.

«Важные римские гости», которыми, как выяснится позднее, были Пино Раути и Гуидо Джаннеттини, уточняют цели, реализации которых необходимо добиваться при осуществлении тактики проникновения в левацкие организации. Первая состоит в том, чтобы предоставить полиции или исполнительным органам государственной власти возможность строгого контроля изнутри над деятельностью различных левацких организаций (именно эту задачу выполняет Мерлино в кружке «22 марта»).

Вторая цель заключается в использовании этих групп для организации прямых столкновений с полицией. Это необходимо для оправдания выдвинутого правящими кругами и весьма удобного также для неофашистов тезиса о так называемых «противоположных экстремизмах». (Разумеется, утверждают создатели этого тезиса — консервативные лидеры ХДП и правые социал-демократы, правая опасность существует. Однако в интересах охраны порядка в стране не следует забывать и о левой опасности — в первую очередь об анархистах и им подобных, которые, так же как и фашисты, делают ставку на вооруженные провокации.)

Третья цель носит наиболее деликатный характер, поскольку ее достижение зависит от постепенной реализации двух первых целей. Речь идет о том, чтобы втянуть левацкие организации в далеко идущие политические провокации, создать в стране обстановку всеобщего хаоса.

Эту цель предельно откровенно сформулировал в одной из своих статей в неофашистском

журнале «Итальяно» заместитель политического секретаря ИСД Ромуальди. Он пишет: «Как только экстремисты будут схвачены, власти должны немедленно ввести в стране чрезвычайное положение: передать гражданскую власть армии, ввести законы военного времени, запретить все политические партии, арестовать их руководителей, поставить вне закона все связанные с ними культурные организации, установить жесткую цензуру в печати».

Зловещий план, как мы уже видели, пачинает немедленно претворяться в жизнь: взрывы в Милане, Риме, Падуе, в десятках других городов следуют один за другим. И почти во всех случаях неофашистам удается свалить вину на левацкие организации. Вспомним хотя бы провокации 25 апреля в Милане, десять взрывов 8—9 августа в поездах, курсирующих по внутренним линиям.

Обстановка настолько накаляется, что уже в мае 1969 года один из ответственных сотрудников министерства иностранных дел Греции — Коттакис пишет своему послу в Рим:

«Имею честь направить Вам для сугубо личного пользования текст донесения, полученного главой нашего правительства от одного из агентов, действующих в Италии. Вы, несомненно, отметите, что обстановка в Италии представляет для нас большой интерес. События, происходящие в этой стране, доказывают, что *ситуация становится все более благоприятной для национальной революции. Президент считает, что усилия, уже давно предпринимаемые нашим правительством в Италии, начинают давать свои плоды. Президент просил меня выразить Вам свою признательность за проведенную работу и рекомендовать и впредь использовать возможности, которые, как явствует из донесения, в настоящее время открываются. Кроме*

того, президент настоятельно рекомендует в дальнейшем сократить до минимума Ваши контакты с автором данного донесения с тем, чтобы исключить всякую возможность раскрытия связей наших итальянских друзей с греческими официальными лицами... Афины, 15 мая 1969 года» (курсив наш.— А. В.).

Донесение, о котором идет речь, столь наглядно раскрывает весь механизм готовящегося в теснейшем сотрудничестве с КИП переворота, что мы приведем его здесь почти полностью.

«Посольство Королевства Греции в Риме.

Сов. секретно!

Вскрыть лично Послу.

ДОКЛАД № 7

Глава I.

Встречи и беседы с синьором «П»¹

I

а) После возвращения из Афин синьор «П» немедленно установил контакты и начал зондаж. Он представил руководящим деятелям детальный доклад о своей поездке в Афины, об установленных там контактах, о соглашениях, которых он достиг с Вами. Его информация сопровождалась обсуждением поставленных проблем. После этого каждый из сотрудников синьора «П» получил четкие задания.

б) Позднее синьор «П» встретился с представителями вооруженных сил, в беседах с которыми детально проанализировал позиции национального правительства в отношении итальянской проблемы. После этих контактов синьор «П» принял меня и сообщил о результатах проделанной работы.

в) В начале беседы он сообщил о том, что остался очень доволен организованной нами поездкой в Грецию. Мне кажется, что поездка произвела на него огромное впечатление, под воздействием которого он остается до настоящего времени. Особенно его поразила «сила и зрелость личности греческого президента», как

¹ Ныне доказано, что речь идет о Пино Раути.

он сам выразился. Он попросил меня передать благодарность всем руководителям, с которыми он встречался, и особенно Вам, за оказанный ему безупречный прием. (Напомним, что на допросах Раути всячески отрицал свои политические контакты в Греции: «Я был только журналистом», — скажет он. — *А. В.*)

г) Затем, обсудив с ним направления нашей последующей деятельности, мы перешли к уточнению частных задач. Мы договорились также о методах установления и поддержания контактов между ним и мной, а также о каналах этой связи. На основании полученных мной инструкций я договорился с ним о том, что впредь мы не будем поддерживать никаких связей с дипломатическими работниками в Италии. Что касается меня, то я буду передавать свои сообщения по подсказанному мне каналу, используя дипломатический путь лишь для весьма срочных сообщений, а также в случае, когда использование нового канала будет невозможно.

д) Что касается встреч синьора «П» с представителями армии и карабинеров, то он сообщил, что большая часть Ваших советов была принята. Единственное сомнение остается относительно назначения твердой даты и выработки детальных планов, необходимых для проведения акции в соответствии с Вашим советом. Это объясняется тем, что, как утверждают итальянцы, с одной стороны, их организация еще только начинает развиваться, а с другой стороны, левоцентристское правительство Италии разрабатывает ряд мер, направленных на усиление своих позиций. Неизвестно, дадут ли эти меры положительные для правительства результаты. Однако наши друзья считают, что, прежде чем формулировать четкие планы и устанавливать даты, необходимо провести тщательный анализ и этих мер, и возможных результатов, к которым они приведут.

е) Следует особо отметить, что одна из мер итальянского правительства предусматривает создание мобильных военных подразделений, которые специализировались бы на разгоне народных демонстраций в городах. Наши друзья считают, что итальянское правительство стремится доказать этими мерами свою готовность действовать самым решительным образом в борьбе против определенных элементов в общественной жизни страны. Наши друзья уверены, что эти меры носят поверхностный характер и не окажут никакого влияния на оппозицию.

ж) Вышеуказанную информацию я получил от синьора «П» уже после его возвращения из Афин.

Именно поэтому я упоминаю о ней в данном докладе. С другой стороны, в свете сведений, полученных от синьора «П», и на основе его контактов в Италии представляется необходимым внести некоторые изменения в первоначальный план. Подготовительная работа уже началась, и в следующем докладе я проинформирую Вас о достигнутых результатах.

з) Уже сейчас, во всяком случае, я могу сообщить Вам, что подавляющее большинство убеждено в том, что наши основные организационные усилия должны охватывать вначале сухопутные войска, а не ВВС и ВМС. Это стало очевидно после встреч синьора «П» с некоторыми представителями вооруженных сил. Итальянская сторона признает, что *методы, использованные греческой армией, имели положительные результаты, в связи с чем они принимаются и в качестве основы деятельности в Италии* (курсив наш.— А. В.). Некоторые лица, беседовавшие с синьором «П», выразили мнение о том, что применение этих методов в условиях итальянской действительности вызовет ряд проблем, поскольку, на их взгляд, итальянская армия не располагает греческими традициями в деле создания секретных организаций. Тем не менее сторонники этого тезиса высоко оценили предоставленную им информацию. Именно на основе этой информации они начали разработку собственных методов.

II

Ваши предложения относительно многосторонней деятельности, направленной против Итальянской социалистической партии, были единодушно одобрены. Как я уже говорил, широкая пропагандистская кампания, аналогичная той, которая проводилась в Греции против Союза центра, на данном этапе невозможна, несмотря на тот факт, что в руках наших друзей находится значительная часть органов печати. Они не в состоянии точно оценить возможные последствия такой кампании в том, что касается общественного мнения. Большинство считает, что она должна начаться непосредственно накануне революции. До этого момента главные пропагандистские усилия должны быть направлены на развитие организации, а также на воспитание вновь вступивших в нее членов.

III

а) Что касается карабинеров, то синьор «П» сообщил мне, что их представители с большим интересом вы-

4 А. А. Веселяцкий

слушали Ваши предложения. Информация о роли, которую наша военная полиция сыграла в ходе подготовки и осуществления революции вооруженными силами Греции, произвела огромное впечатление. Они полностью согласились с Вашим мнением о том, что только карабинеры могут сыграть аналогичную роль в Италии.

б) Были обсуждены также уже проведенные мероприятия. Сеньор «П» сообщил о том, что Вы убеждены в необходимости непосредственных действий, направленных против печати, особенно против тех ее органов, которые находятся под влиянием коммунистов. Он особо подчеркивал, что, по Вашему мнению, эта проблема является важнейшей. Он особо остановился на мнении сеньора Ладаса, который рекомендовал принять все меры предосторожности против возможного раскрытия замысла заговора журналистами. Это могло бы свести на нет всю длительную, сложную и столь четко распланированную работу.

Сеньор «П» в заключение детально изложил мнение греческой стороны по вопросу об установлении карабинерами непосредственного контроля, как это следует из опыта, накопленного нами. Все представители карабинеров выразили свое согласие с тем, что прямой контроль является решающим фактором успеха. По их мнению, необходимо добиться такого положения, когда высшие руководители карабинеров могли бы отдавать непосредственно и напрямую приказы, которые затем должны доводиться до самых низших чинов.

Глава 2.

Примеры деятельности

I

Акции, реализация которых была предусмотрена на предшествующий период, не удалось осуществить до 25 апреля. Изменения в наших планах были вызваны тем, что возникли трудности проникновения на предприятия ФИАТ. Обе акции, проведенные 25 апреля, имели широчайший отклик.

II

Наши друзья организовали в Риме 10 мая публичную манифестацию, в ходе которой выступил сеньор Л. Турки¹. В своей речи он восхвалял цели и успехи руково-

¹ Л. Турки — один из руководителей ИСД. — А. В.

дителей греческой революции и закончил здравицей в их честь.

Я хотел бы вновь подчеркнуть, что синьор Турки неоднократно заявлял о своих к нам симпатиях. Наши здешние друзья считают его абсолютно верным человеком.

III

Я считаю, что в студенческих кругах существуют благоприятные условия, использование которых может дать быстрые плоды. Надеюсь, что в ближайшем времени смогу представить Вам подробное сообщение по этому вопросу.

IV

а) Я не могу высказать большого удовлетворения в отношении печати. Помимо газеты «Темпо» в настоящее время я имею регулярные контакты с «Джорнале д'Италия». Я считаю, что от этих газет можно добиться публикации всех материалов, которые национальное правительство сочтет полезными. Я считаю в то же время, что направление приглашения главным редакторам обеих газет посетить Грецию в ближайшем будущем могло бы иметь положительные последствия и значительно облегчило бы нашу работу.

б) Желая поддержать мои усилия в том, что касается печати, синьор «П» пообещал представить меня руководителям нескольких газет, которые, по всей вероятности, согласятся сотрудничать со мной в будущем.

в) В заключение настоящего доклада разрешите мне подчеркнуть, что я считаю абсолютно необходимым, чтобы Греция и впредь продолжала свою моральную и материальную помощь, а также давала бы советы по развитию групп действия в этой стране. С увеличением помощи можно будет рассчитывать и на более успешные, чем это было в прошлом, результаты. Это объясняется тем, что нынешние условия более благоприятны, поскольку оппозиция правительству левого центра постоянно растет во всех слоях общественного мнения. В то же время постоянно возрастает число граждан, которые выступают за улучшение отношений с Грецией, а в плане внутренней политики — за установление порядка и мира в Италии».

Этот секретный документ был опубликован в Лондоне еженедельником «Обсервер» и газетой «Гардиан» в начале декабря 1969 года. Его подлинность подтвердил журналист Лесли Файнер,

вызванный для дачи показаний в ходе процесса против анархистов. Он пояснил, каким образом ему удалось достать копию документа в виде микрофильма.

5. Возвращение Альмиранте

Итак, почти четверть века спустя после героического движения Сопротивления, в Италии — стране столь глубоких антифашистских традиций — наследники Муссолини вновь заявили о своих претензиях на власть.

Почему?

Этот вопрос задавался не раз, и не только на Апеннинах. Об общих причинах, давших «вчерашним» возможность выжить, мы уже достаточно говорили выше. Следует, однако, иметь в виду, что благодатную питательную среду для усиления фашистских элементов создавала и общая обстановка в стране.

«Экономическое развитие в последние десятилетия, ускоренное научно-технической революцией, вызвало в условиях капиталистической системы ломку традиционных, устоявшихся социальных структур. Этот процесс протекал тем острее, чем быстрее он развивался. Появились многочисленные группы населения (преимущественно бывшие мелкие собственники города и деревни), потерявшие прежний социальный статус, вынужденные менять привычный образ жизни, отказываться от прежних норм потребления и так далее.

В ходе этого процесса возрастает масса населения, объективно противостоящая капиталистической системе. Однако на промежуточных этапах могут проявиться (и фактически проявляются) негативные явления. Социальное недовольство, испытываемое этими группами на-

селения, будучи помноженным на их политическую неопытность и традиционный консерватизм мышления, порождает идеологическую неустойчивость, которая и может быть использована консервативными, крайне правыми силами»¹.

Именно на таких людей — в основном бывших мелких собственников города и деревни Юга — делает свою главную ставку неофашизм, выступая под лозунгами необходимости «сильной власти».

И все же до конца 60-х годов эти попытки подорвать позиции главных правящих сил страны не выходили, как мы видели, за рамки «существования» с буржуазно-демократическим строем. Главное, что определяло лицо ИСД на данном этапе, это его роль вспомогательного ударного отряда реакции.

Но вот наступает 1968 год. Обстановка в стране достигает высшей степени остроты.

«Левый центр» в тупике. Главная его цель — нейтрализовать влияние компартии в массах — терпит полный провал. На парламентских выборах в мае 1968 года ИКП вновь добивается расширения своего влияния. Теперь за нее голосуют 8,5 миллиона избирателей, что на 850 тысяч человек больше, чем на предыдущих выборах в 1963 году. Причем речь идет не только о развитии успехов, достигнутых раньше. Налицо и качественные сдвиги: коммунисты улучшили свои позиции среди рабочего класса всех промышленных зон Италии, включая и южные. ИКП значительно продвинулась вперед в крестьянских районах — этом традиционном оплоте церкви и христианских демократов. И наконец, важнейшим достижением компартии бы-

¹ А. Галкин. Социальные корни правого экстремизма. — «Новое время», 1974, № 13, стр. 18.

ло завоевание на свою сторону молодежных масс, причем не только в индустриальных центрах, но и в таких городах, как Рим, где нет значительной промышленности, где основную массу жителей составляют чиновники и студенты.

Выборы 1968 года показали и другое — резкое падение авторитета социалистов в массах; они потеряли более 5,5 процента голосов. Тем самым трудящиеся дали весьма недвусмысленную оценку деятельности этой партии в коалиции «левого центра».

«Когда структура и организация государства таковы, — указывает итальянский журналист-коммунист М. Росси, — что оно оказывается неспособным распутать сложный клубок внутренних и внешних проблем традиционными методами в рамках капитализма, тогда, естественно, начинаются поиски иного выхода. У наиболее отсталой и реакционной части буржуазии появляется мысль о том, чтобы найти выход из сложной политической ситуации «с позиции силы», путем создания авторитарного режима в той или иной форме»¹.

В попытках навязать подобное решение в качестве одного из орудий и используется ИСД.

Именно в 1968 году, наряду с активизацией деятельности таких организаций, как «Новый порядок» Раути, «Национальный авангард» Делле Кьяйе, начинает все громче заявлять о себе и официальная ИСД: повсеместно открываются новые секции партии, на свет появляются десятки новых фашистских изданий.

В июне 1969 года на смену умершему Микелини к руководству в партии вновь возвращается Альмиранте. Он берется за дело со свойственной ему решительностью. Действуя то угрозами, то прямыми угрозами, новый дуче очень

¹ «Современный фашизм: его обличье и борьба с ним». Прага, 1975, стр. 86.

скоро добивается примирения «умеренных» и «твердых» внутри ИСД.

В преддверии предстоящих боев под легальное прикрытие «социального движения» возвращается Раути со своими ближайшими помощниками. Возвращается не с пустыми руками: по всей стране уже создана широкая сеть откровенно бандитских организаций, «готовых на все», которые отныне полностью подчиняются ИСД. В качестве «премии» Раути получает место депутата парламента от ИСД, что дает ему парламентскую неприкосновенность. Кроме того, «Новому порядку» выделяют и несколько мест в руководстве и ЦК ИСД.

Аналогичная операция продлевается и в отношении «Национального авангарда» и ряда других правозкстремистских организаций.

Получив в свое распоряжение широкий диапазон сил — от беспринципных бандитов до благопристойных буржуа в двубортных пиджаках, выступающих от имени официальной ИСД, получая огромные финансовые субсидии из самых разных источников, Альмиранте прибегает к различным средствам: от вооруженных провокаций до слащавой демагогии, от рассуждений о «социальном мире» до лозунгов о «физическом противостоянии коммунистам».

Главная задача, которую при этом преследует ИСД, заключается в том, чтобы доказать массам: неофашизм — это не только тоска по ушедшему в прошлое «двадцатилетию», это реальная политическая сила, полностью отвечающая духу времени.

Немало усилий прилагает Альмиранте для того, чтобы «облагородить» «социальное движение», представить его в глазах обывателя в виде единственной партии, способной нейтрализовать, как он говорит, «красный террор, угрожающий демократии в стране». «Мы отнюдь не от-

рицаем своего прошлого, — утверждает Альмиранте в одном из своих выступлений. — Я был фашистом, как все были фашистами в Италии. Я боролся в той войне за победу, а не за поражение, и я никого не предал. Я был с Муссолини, как, впрочем, многие итальянцы, в первую очередь молодежь, до последних дней его жизни. Если бы все повторилось, я поступил бы точно так же.

Я никогда не выступал за насилие. Я — за храбрость, а храбрость — это всегда сила, а не насилие. Если бы мы не вели борьбу против левых сил, никто другой не сделал бы этого, и эти силы пришли бы к власти».

С помощью подобной демагогии Альмиранте удастся добиться даже некоторого расширения социальной базы ИСД — в основном за счет определенных слоев мелкой и средней буржуазии. Определенного влияния он добивается и среди люмпен-пролетариата, которому сулит работу, жилье, уверенность в завтрашнем дне. Однако это лишь одна сторона медали.

Расточая улыбки с парламентской трибуны, убеждая в «демократическом» характере программы своей партии, Альмиранте в то же время предпринимает многочисленные усилия для укрепления организационной структуры ИСД, поднятия ее «боевого духа». Иными словами, он ни на день не прекращает подготовки к «решающему» выступлению.

Разъясняя свою «новую» стратегию в «тесном кругу», Альмиранте выражается предельно ясно:

«Друзья! Скоро вы получите приказ и должны будете повиноваться ему; это будет исторический приказ. Нам нельзя проигрывать, мы не можем позволить себе такой роскоши. Наш путь будет трудным. Это будет путь слез, крови и пота... Уже ближайшие дни будут очень тя-

желыми. Одно ясно: литься будет не только наша кровь...»

Главную ставку в подготовке переворота Альмиранте, как в свое время и его «учитель» Муссолини, делает на молодежь. Деятельность ИСД в этом плане развивается сразу в нескольких направлениях. Прежде всего разрабатывается план «углубления» физической и «нравственной» подготовки завербованных в молодежные организации ИСД юнцов.

Альмиранте не скупится на средства. Для них организуются романтические походы в горы, открываются школы, где созданы все условия для занятий гимнастикой, просмотра новых боевиков, изучения оружия. В горах и отдаленных сельских районах под видом туристских кемпингов создаются военизированные лагеря. Правда, многие из них существовали и раньше, но носили разрозненный, мало управляемый из центра характер. Отныне же весь учебный процесс координируется Римом. «Утром, сразу же после пробудки, — рассказывал на допросе один из «курсаптов», — предусматривалось пение фашистских гимнов времен Муссолини. Затем — чтение и комментирование «Майн кампф» Гитлера, цитатника из основных установок дуче, произведений идеолога фашистов Эволы. После обеда — практические занятия по методам ведения партизанской борьбы, а также упражнения с огнестрельным и холодным оружием. Перед сном — повторение пройденных утром текстов».

В городских условиях для всех членов нефашистских молодежных организаций обязательно посещение трехлетних курсов, о направленности которых можно судить хотя бы по программе обучения, действующей в секциях ФУАН.

1-й цикл: 1. Введение в изучение фашистской доктрины.

2. Исторические и политические условия, обеспечившие приход фашизма к власти.

3. Жизнь и индивидуум в концепции фашизма.

4. Идея государства — идея Нации.

5. Фашистские концепции морали, религии, политики, истории.

6. Идеализм сегодня.

2-й цикл: 1. Деятельность внутри студенческого движения и иных групп, а также в школьных коллективах.

2. Методы обострения школьных проблем.

3. Перспективы деятельности: национальная революция — государственный переворот.

3-й цикл: 1. Национализм, проблемы единой Европы, НАТО.

2. Национальное корпоративное государство.

3. Мы, либерализм и материализм.

4. Мы и демократия.

5. Мы и коммунизм.

6. Наше отношение к прошлому фашизма.

Совершенно очевидно, что такие программы отнюдь не только «демагогическая схоластика», как с легкостью оценивали их некоторые буржуазные политические деятели.

Новизна подобной подготовки будущих штурмовиков особенно заметна, если сравнить ее с практикой работы неофашистов среди молодежи в середине 50-х годов.

Рассказывает Джулио Салиерно, член молодежной организации ИСД в 1954 году, позже порвавший с фашистами

«Тогда на встречах с руководителями даже речи не было о том, чтобы изучать теорию. Нам отнюдь не советовали читать труды Муссолини, мы не вели никаких дискуссий. Во всех случаях говорилось лишь о том, что следует вернуть утраченную со смертью дуче власть. Главная задача, которая при этом ставилась, заключалась в следующем: довести противника до такой степени ожесточенности, чтобы спровоцировать граждан-

скую войну... Причем речь шла о войне, которую, по замыслу лидеров ИСД, должны были начать левые силы, желательны коммунисты... Сколько раз я слышал: «Необходимо добиться, чтобы на улицу вышли коммунисты, хотя бы они этого или не хотят... В одном месте брось гранату, в другом избежь «красного» активиста, в третьем подожги магазин...» В обстановке постоянных провокаций, объясняли мне, противник начинает нервничать и в конце концов идет на ответные меры. А потому главная задача — постоянно разжигать недовольство народа, в случае необходимости даже путем вооруженных провокаций...»

Особое внимание Альмирапте, как видно и из приведенной выше программы теоретической подготовки в секциях ФУАН, уделяет активизации неофашистской деятельности в школах и высших учебных заведениях. И «интерес» этот далеко не случаен. Именно здесь получает особенно широкое развитие тот «бунт молодежи», на волне которого в конце 60-х годов в странах Западной Европы появляется целая сеть левоэкстремистских групп и движений. Идеологическая сумятица их программ, аморфность организационных структур, отсутствие прочных связей с рабочим движением представляют, как мы уже видели, благодатную почву для деятельности неофашистов.

С другой стороны, в конце 60 — начале 70-х годов именно сфера образования стала ареной острейших битв за демократизацию итальянского общества вообще. Объясняется это тем, что на протяжении всех послевоенных лет школа в Италии неизменно оставалась во власти наиболее консервативных сил. Предложив в этих условиях законопроект об «Основах школьного законодательства», предусматривающий целый ряд радикальных реформ, левые силы вызвали закономерное сопротивление реакции.

Наиболее ожесточенная борьба развернулась вокруг предложения коммунистов создать в учебных заведениях своеобразные «советы» с

широкими правами в том, что касается разработки методов обучения и определения его содержания, внутренней жизни школы и ее связей с общественными институтами. Существование таких органов значительно подорвало бы позиции консервативных сил, и, прекрасно понимая это, Альмиранте поспешил предложить свои услуги в деле уничтожения «бунтарских» настроений в учебных заведениях.

Особенно активно действуют в этом плане «Молодая Италия» — в школах и «Университетский фронт национального действия» — в высших учебных заведениях. Волна неофашистского террора охватывает практически всю страну.

Тактика физической расправы над «инакомыслящими» выглядит следующим образом: неофашисты, не рискуя вести открытую пропаганду внутри учебных заведений как потому, что среди учащихся слишком мало членов ИСД, так и из-за собственной трусливости, организуют группы из 15—20 человек, вооруженных дубинками, перчатками со свинцовыми слитками, ножами и даже портативными огнеметами. Эти «боевые отряды» располагаются возле школы и нападают на учащихся, чья принадлежность к левым организациям общеизвестна. Заметим, что даже при таком вооружении «отряд» не рискует напасть более чем на двух-трех человек. «Боевые отряды» одного крупного района города находятся в подчинении «пункта связи», оснащенного теле- и радиопередатчиками для координации действий в масштабах всего города. В Риме, к примеру, было создано пять таких пунктов.

Обращает на себя внимание тот факт, что в этих карательных акциях участвуют не только фашисты. Альмиранте внедрил в практику ежедневной деятельности ИСД и вербовку плат-

ных провокаторов из числа безработной, наиболее обездоленной части молодежи южных районов. И оплачивают их, надо сказать, весьма прилично — по ставкам высококвалифицированных рабочих. Доказательство тому мы находим в показаниях 25-летнего безработного из Сардинии Эвеллино Лоя.

Приехав в Рим в поисках работы, он целые дни вместе с другими своими земляками проводит на железнодорожном вокзале — традиционном месте сбора всех безработных. «Однажды,— показал Лой на допросе,— ко мне подошел мужчина, о котором я знал, что он полицейский агент по кличке «Кинг». К моему удивлению, он предложил мне вступить в организацию «Молодая Италия» и в тот же вечер представил меня ее руководителю. Ко мне отнеслись с большим доверием. Я перестал нуждаться в деньгах. Я подбирал ребят для акций и получал за это от ста до трехсот тысяч лир, часть которых выплачивал нанятым мною людям. Члены «Молодой Италии» умели хорошо говорить, но на деле были очень трусливы. Поэтому главное делали мы. Несколько раз вставал вопрос и о том, чтобы снять несколько комнат в районе вокзала и поместить там моих ребят, чтобы они в случае необходимости всегда были под рукой».

Тот же Лой показал далее, что на собраниях фашистских организаций он неоднократно видел агентов карабинеров и полиции, переодетых в штатское, а также много иностранцев, в основном испанцев, греков и португальцев.

Впоследствии стал известным и еще один метод вербовки провокаторов неофашистами — наркотики. Так, сотрудники Интерпола¹ ут-

¹ Интерпол — международная организация уголовной полиции, созданная в 1923 году. Ее членами являются 117 государств.

верждают, что в ряде западноевропейских городов (в Риме, Марселе, Амстердаме и др.) наряду с традиционной торговлей «порошком» существует и другой, глубоко закопсированный рынок, на котором прибыль отнюдь не главное.

Тридцатилетний студент из Рима К. Б. показал: «Я знаю в лицо несколько человек, которые раздают «снежок» (кокаин) бесплатно. При этом ты должен выполнить лишь какое-либо мелкое поручение: расклеить листовки, избить человека, фотография и адрес которого тебе вручаются, подбросить петарды...»

Наркотики выдаются бесплатно до тех пор, пока «объект» не привыкает к ним. После этого источник снабжения исчезает, и чтобы получить одну сигарету с марихуаной или щепотку кокаина, приходится платить, притом весьма дорого. Плата заключается, и в этом убеждены многие сотрудники полицейских органов, в переходе новоиспеченных наркоманов в полное подчинение террористов.

Совершенно очевидно, что вся эта преступная деятельность ИСД требует огромных денежных средств.

Еженедельник «Темпо» подсчитал однажды, что за период лишь с января 1970 года по февраль 1971 года для осуществления более тысячи различного рода провокаций неофашисты держали в состоянии постоянной мобилизации около 5 тысяч вымуштрованных громил.

И это уже не говоря о весьма развитом пропагандистском аппарате и многих сотнях секретных агентов, «работающих», как показывают факты, чаще всего отнюдь не ради «идеи».

По свидетельству демократической прессы, главный источник поступлений в кассу неофашистских организаций — это Центральное разведывательное управление США, действующее

через целую сеть банков в Италии, главным из которых является «Банка финансиарья привата», работающий в тесном сотрудничестве с «Континентл Иллинойс бэнк».

Немалые средства идут неофашистам и из других источников. До недавнего времени это были секретные службы Греции и Португалии. Ныне же, после падения фашистских режимов в этих странах, роль «добротого дяди», как свидетельствуют факты, взял на себя главарь военной хунты в Чили Пиночет. Именно с ним вскоре после переворота вели переговоры ближайшие сотрудники Альмиранте.

Однако отнюдь не последнее место в субсидировании неофашистских организаций Италии занимают и вклады местных финансовых и промышленных магнатов, стоящих за спиной наиболее реакционных политических сил.

Центром всех «черных фондов» является Конфиндустрия. Именно сюда стекается основная часть пожертвований для финансирования различных политических партий и для подкупа отдельных деятелей, в которых по тем или иным причинам заинтересован монополистический капитал.

Один из наиболее крупных скандалов, связанных с этими тайными операциями, разразился вокруг колосса итальянской химической промышленности — концерна «Монтэдисон» осенью 1972 года. Как выяснилось в ходе следствия, управляющие этой компании использовали по своему усмотрению примерно 60—70 миллиардов лир, которые не фигурировали ни в каких официальных отчетах. По данным обвинения, эти деньги на протяжении 15 лет шли на различные операции, цель которых была неизменно одна — гарантировать удобный для «Монтэдисона» политический режим. Разумеется, не левой ориентации.

Многие записи подпольной бухгалтерии зашифрованы, некоторые операции оформлены под кодовым названием, однако попадаются и такие, что исключают всякие сомнения. К примеру, запись: «Конфиндустрии для депутата Микелини».

Анализируя «дело «Монтэдисон»», журнал «Эспрессо» в ноябре 1972 года указывал: документы, преданные ныне гласности, доказывают, что «существует переплетение между военной и промышленной системами и что связи обеспечиваются в условиях своеобразной политической тени. Таким образом, возникает образ режима, еще более развращенного, нежели в свое время давали основание думать некоторые моменты скандала СИФАР».

Весьма оригинальные связи с неофашистской партией поддерживает и концерн ФИАТ. Речь здесь идет не только о вкладах в «фонды» Конфиндустрии. К услугам чернорубашечников руководителя ФИАТ прибегают и для организации слежки за рабочими и профсоюзными активистами, для проведения акций, направленных на нейтрализацию «красных» на предприятиях концерна. Среди материалов, попавших в руки следователя, находятся донесения некоего Луиджи Кавалло, журналиста по профессии.

Так, в конце 1970 года он писал руководству концерна: «За несколько месяцев, используя средства пропаганды наших агентов — провокаторов и осведомителей, мы сумели подорвать влияние группы «Борьба продолжается» и доверие к ней рабочих. Программа, которую мы предложили на 1971 год, приведет к коренному изменению обстановки». В донесении от 16 июля 1970 года Кавалло информирует: «Ударный активизм. До сего времени мы организовали четыре малые бригады: каждая из трех человек

плюс шофер. Первая создана при посредстве Абелли (депутат парламента от ИСД) и укомплектована из миланцев. Еще две сформированы при помощи князя Боргезе.

Мы снабдили их фальшивыми автомобильными номерами, париками под «длинноволосых» и резиновыми дубинками. Для выполнения наиболее ответственных заданий у нас есть четвертая группа, из наших миланских «профессионалов».

Если в наше время, пишет Цецилия Кин¹, Конфиндустрия финансирует неофашистов, используя для этого «черные фонды», она лишь повторяет то, что полвека тому назад делали некоторые крупные промышленники, финансировавшие движение Муссолини и также предпочитавшие при этом способы «черной» бухгалтерии. Фонды ли, бухгалтерия ли — неважно, важнее эпитет «черный», ассоциирующийся с режимом чернорубашечников, о модернизированном варианте которого кое-кто в Италии грезит и сейчас.

Это и «цементный король» Пезенти, и владелец многих фирм, на чьем счету более 1500 миллиардов лир, Пьяджо, и нефтяной магнат Монти, и многие другие.

Биографии этих людей чрезвычайно показательны. Все они откровенные фашисты с многолетним стажем.

Аттилио Монти, к примеру. Во времена Муссолини его часто видели в компании зятя дуче — министра иностранных дел Чиано. Поражение фашизма не нанесло Монти существенного ущерба. Более того, именно послевоенная разруха в сочетании с давними связями при

¹ Цецилия Кин. «Здравый смысл» или «черные фонды». — «Мировая экономика и международные отношения», 1973, № 8, стр. 126.

«дворе» дуче позволили ему очень быстро занять место среди наиболее крупных финансовых и промышленных магнатов.

Монти начинал с малого. Купив небольшое предприятие по переработке нефти и причал в Равенне, он организовал импорт сырья в Италию. Танкеры приходили в порт под вечер, причем в документах, предъявляемых властям, значилось: «Транзит». Ночью нефть сгружалась в резервуары Монти, танкеры же грузились морской водой, дабы таможенная охрана не заметила ничего неладного по осадке судна. Так лишь на одной пошлине Монти «сэкономил» многие миллионы.

Путем не менее ловких махинаций Монти в последующие годы прибрал к рукам мощные нефтеналивные танкеры и нефтеперерабатывающие заводы, крупные сахарные предприятия, а также целую сеть газет — для защиты как правых политических позиций вообще, так и своей промышленной империи в частности.

ГЛАВА III

ПРАВДА УГОДНА НЕ ВСЕМ

1. День «Х» назначен на декабрь

В мозаике событий, предшествовавших декабрьским взрывам в Риме и Милане, особое место занимает состоявшаяся в начале декабря встреча между Раути и Плеврисом в Италии, куда последний заехал во время очередной инспекционной поездки по странам Западной Европы.

О ней стало известно от одного журналиста, который 17 декабря 1969 года под видом корреспондента фашистского журнала «Спеккьо» отправился в Афины и был принят Плеврисом. В беседе принимают участие еще двое греческих студентов, прекрасно говорящих по-итальянски. В ходе встречи называется и имя Раути. Плеврис интересуется, что думает о нем журналист. Тот отвечает, что близко они не знакомы, но он убежден в искренности антикоммунистических чувств Раути. Плеврис кажется удовлетворенным. «Мы,— говорит он,— большие друзья. Ездим друг к другу в гости».

— Вы, наверно, недавно виделись с ним? — спрашивает журналист.

— Да,— отвечает Плеврис,— в первых числах декабря, в Риме.

Журналист, поняв, что никто не подозревает о его истинной ориентации, пытается выяснить детали встречи. Но тут Плеврис, явно почувствовав что-то неладное, обрывает разговор.

В сопровождении двух студентов журналист выходит на улицу, где договаривается о встрече в Италии. «Вы всегда найдете нас в помещении «Нового порядка», — говорят ему.

День спустя журналиста высылают из Греции без всяких объяснений. Но главное ему все же удалось выяснить: Плеврис был в Риме накануне миланской трагедии, и это присутствие конечно же не было случайным и диктовалось не только желанием вновь прогуляться по Вечному городу.

Учитывая теснейшие связи между Альмиранте и Раути, трудно предположить, что лидер ИСД ничего не знает о готовящемся «Новым порядком» и «Национальным авангардом» перевороте. И напротив, о его осведомленности во всех деталях заговора свидетельствует множество фактов. Как раз в этот период Альмиранте в своих речах особенно часто говорит о необходимости подготовки к приближающемуся дню «Х». Так, в интервью западногерманскому журналу «Дер Шпигель», опубликованном 10 декабря 1969 года (!), он заявляет: «Фашистские молодежные организации готовятся к гражданской войне в Италии... В битве против коммунизма все средства оправданны, а потому — никаких разграничений на меры военные и политические!»

В аналогичном духе Альмиранте высказывается и на одном из заседаний актива «Молодежного фронта»: «Мы, — говорит он, — зазвоним в колокола тревоги на заводах, в школах, в сельской местности... Или мы заставим всех почувствовать наше присутствие, или же Италия окажется в пучине несчастий. Наша моло-

дежь должна готовиться к фронтальной схватке с коммунистами, причем я имею в виду в данном случае также и физическое противоборство».

День «Х» не случайно назначен на осень — зиму 1969 года. Именно в этот период ожидается наивысший накал классовой борьбы в стране в связи с обновлением коллективных договоров такими многочисленными и боевыми отрядами рабочего класса, как металлисты, химики и строители (в целом эти категории охватывают около 5 миллионов человек). О размахе борьбы говорят такие цифры: если в 1968 году в результате забастовок было потеряно около 70 миллионов часов, то в 1969 году лишь за время с 1 сентября по 25 ноября эта цифра превысила 150 миллионов часов.

В этот период итальянские профсоюзы сумели проявить большую гибкость и нейтрализовать большинство попыток предпринимателей перейти в контрнаступление. «Жаркая осень» 1969 года, как признавал «левоцентристский» еженедельник «Мулино», «совсем не означала внезапного взрыва недовольства, она была аккуратно спланирована в том, что касается целей движения и его тактических приемов».

Ясность требований, выдвигавшихся рабочими, тесная их увязка с проблемами всех трудящихся вызвали в стране движение солидарности с бастующими. Прочная связь авангарда и широких масс населения с особой силой проявилась во время всеобщей забастовки за демократическую жилищную политику. В этой самой крупной за всю историю Италии стачке участвовало 20 миллионов человек, то есть практически все трудящиеся страны.

Профсоюзная борьба все чаще выходила за рамки чисто экономических требований и при-

обретала политический характер благодаря постановке таких задач, как, например, предоставление рабочим демократических прав внутри предприятий (право на собрание, на деятельность массовых организаций). Как раз вокруг этих вопросов развернулись особенно острые столкновения. Предприниматели, в большинстве своем довольно легко соглашаясь на удовлетворение непосредственно экономических требований, не желали идти на уступки более широкого характера, прибегая к различного рода провокациям.

В этом плане обращает на себя внимание заявление одного из руководителей Конфиндустрии — Ферруччо Гамбаротты. «Парламентская система создана не для итальянцев, — утверждает он. — Необходима надпартийная организация, коалиция, включающая всех — от монархистов до социал-демократов, — сохраняющих безграничную веру в идею Порядка».

Эту мысль развивает и буржуазный еженедельник «Эпока». В статье, опубликованной 11 декабря 1969 года (!), в совершенно истерических тонах говорится о президентской республике в качестве единственного средства спасения в условиях Италии.

Обстановка, таким образом, накаляется исподволь. Вовсю раздувая тезис о «противоположных экстремизмах», печать монополий недвусмысленно указывает на главную опасность для республиканского строя: на анархистов и вообще левых. Орган туринских промышленников газета «Стампа» публикует в декабрьские дни обширную статью под заголовком «Анархисты прячутся от допросов»: «До недавнего времени анархистов в Милане было мало. У них не было средств, не было организации. Ныне кое-кто пытается использовать их нигилистические утопии. Именно в этих целях с ними заигрывают,

их финансируют крайне правые и крайне левые группы и организации...»

С аналогичным «предостережением» выступил также не кто иной, как сам руководитель греческой хунты Пападопулос. В речи, произнесенной 12 декабря (буквально за несколько часов до взрывов в Милане и Риме), он говорил:

«Пусть они (руководители Италии.— А. В.) будут пачеку. Пусть будут пачеку, поскольку демократия в их стране находится в опасности. Им необходимо подняться на высоту положения и повести борьбу против анархии. Эта анархия — результат превращения социальной личности в совершенно свободного от всех и всего индивидуума, который действует, подчиняясь лишь инстинкту, как зверь в джунглях. Ситуация может стать критической, очень критической и очень опасной для всех».

За несколько дней до трагических событий во французской и итальянской печати было также опубликовано донесение греческого агента о готовящихся событиях. Однако единственными, кто обратил внимание на этот документ, были левые партии. Полицейские органы Италии сочли его «не заслуживающим внимания». И это логично: ведь к тому времени они уже не допускали и тени сомнения в том, что «потенциальных террористов» следует искать лишь среди анархистов.

Почему именно в этих организациях?

Ответ на этот вопрос дают сами анархисты в книге «Преступление именем государства»: «Прежде всего мы представляем собой наиболее слабую часть левого блока сил. Анархисты не имеют покровителей, мощных друзей, в политическом плане практически изолированы. Кроме того, они почти не имеют организации, в их политической линии представлено множество различных тенденций, которые или нечетко

очерчены, или вообще не имеют своего лица. Это создает возможности для проникновения в анархистские организации и для осуществления провокаций от их имени. Плюс ко всему существует возможность использовать их символы и в целой серии прпровокаций, цели которых (церкви, банки, казармы) нельзя соотнести ни с одной другой левой силой — парламентской и внепарламентской... Для среднего итальянца анархисты с их отрицанием всех и всяческих буржуазных институтов и ценностей являются пугалом, против которого вполне разумным представляется использование силы в целях установления порядка...»

Весьма красноречивое признание. И подтверждает оно справедливость одной, давно уже, впрочем, доказанной истины. Суть ее заключается в том, что левацкие организации своей псевдореволюционной деятельностью никогда и нигде не приносили демократическому движению ничего, кроме вреда. Идеологическая сумятица в программах, если, конечно, программой можно назвать набор лозунгов, абсолютно не учитывающих реальную обстановку, организационная рыхлость, ставка на методы вылазок и стихийность — вот что превращает левозкстремистские движения в орудие провокаций и шантажа в руках наиболее мрачных сил внутренней и внешней реакции. Вспомним Грецию. Вспомним Чили.

Так могло бы быть и в Италии. И если до таких трагедий здесь не доходило, то только потому, что на пути реакции неизменно вставали демократические силы, все трудящиеся массы страны. Именно их единство, крепнущее постоянно и на всех уровнях, заставляло и заставляет консервативные силы отказываться от реализации своих планов.

2. Полиции все ясно...

...Шел первый час ночи 16 декабря 1969 года, когда корреспондент газеты «Унита» Альдо Палумбо подбежал к лежащему на цветочной клумбе человеку. Он узнал Пинелли. Тот был мертв.

Полицейский Панесса, присутствовавший на последнем допросе анархиста, сделал утром 16 декабря следующее заявление: «Во время беседы мы пытались установить суть отношений, связывающих Пинелли и Вальпреду, начиная с 8 августа 1969 года, когда на поездах прогремели бомбы...

Атмосфера была доброжелательной. Пинелли выглядел спокойным и даже охотно брал сигареты, которые мы ему предлагали. Лишь один раз он взорвался, когда Калабреззи, желая проверить реакцию Пинелли, сказал ему, что Вальпреда заговорил. Пинелли на это воскликнул: «Это конец анархии!» Затем он подписал прочитанный им протокол.

Было около полуночи, когда Калабреззи с протоколом в руках вышел к начальнику. В тот же момент Пинелли, стоявший у пишущей машинки, подбежал к окну, распахнул его и выбросил окурочек в щель решетки, закрывающей стекла. Затем он вдруг с силой рванул раму и бросился вниз. Я стоял рядом с окном, однако сделать ничего уже не успел».

Многое неясно в этом заявлении, как, впрочем, и в показаниях всех других полицейских, присутствовавших при допросе, которые несколько раз в течение месяца меняют свою версию случившегося.

Первая. «Когда Пинелли неожиданно бросился к окну, мы попытались остановить его, но было уже поздно».

Вторая. «Когда Пинелли открыл окно, мы попытались остановить его, и частично нам это удалось, в том смысле, что падение было замедленно: вот почему Пинелли упал не вперед, а вдоль стены». (Эта деталь была сразу замечена журналистами, которых позвал Палумбо.)

Третья. «Когда Пинелли открыл окно, мы попытались остановить его, и один из полицейских — Вито Папесса — даже успел схватить его за ногу, так что в руке у него остался один ботинок самоубийцы». (Журналисты в один голос утверждают, что они видели на Пинелли оба ботинка.)

Не менее показательны и несколько раз менявшиеся версии по поводу мотива самоубийства. Вначале говорилось, что Пинелли-де был замешан в провокации и, увидев, что его алиби рушится, покончил с собой. Однако это объяснение быстро показало свою несостоятельность.

Тогда комиссар Калабреззи заявляет, что Пинелли был абсолютно невиновен и что-де сама полиция теряется в догадках по поводу причин, побудивших его пойти на этот шаг.

Подчеркнем, что подобные заявления, во всей их противоречивости и непостоянстве, исходят не от каких-то случайных свидетелей, а от компетентных и авторитетных чиновников полиции во главе с начальниками политического и следственного отделов комиссарами Аллегрой и Калабреззи.

Атмосфера допросов была спокойной и деловой, утверждают следователи. Иное мнение у анархиста Паскуале Валигутти — одного из тех, кто был также задержан 12 декабря:

«В воскресенье, 14 декабря, я имел возможность беседовать с Пинелли. Он сказал мне, что боится из-за долгого отсутствия потерять место на железной дороге, что Калабреззи травит его. К вечеру один из охранявших нас полицейских,

разозлившись, что я разговариваю с другими задержанными, приказал поместить меня в одну из пустых комнат, прилегающих к кабинету комиссара Паньоцци, также из политического отдела. Находясь там, я случайно услышал, как Паньоцци приказывал кому-то создать Пинелли «специальные» условия: не давать ему спать, держать в напряжении всю ночь.

Пинелли был переведен в другое помещение. Когда утром мы встретились, он сказал, что очень устал, что от него требуют признаний, твердят, что его алиби фальшиво...»

Нервное напряжение, бессилие опровергнуть ложные обвинения — могло ли это само по себе вызвать нервный шок, настолько сильный, чтобы привести к самоубийству?

Вдова Пинелли утверждает, что ее муж был очень сильным по натуре человеком, никогда не пасовавшим перед трудностями. Такого же мнения и его друзья.

Впрочем, версии, выдвигаемые полицией, внушают подозрение и еще по одной причине. Как Палумбо, так и другие журналисты утверждают, что Пинелли упал из окна между 1 и 4 минутами первого. А между тем на записывающем устройстве в центре «Скорой помощи» вызов, полученный из полиции, был зарегистрирован в 23 часа 58 минут. К кому была вызвана машина? Как выяснилось, более никто в ту ночь не нуждался в медицинской помощи. Тогда значит...

«...Мужчина откинулся на спинку стула. Руки его безжизненно повисли, голова опустилась на грудь. Последний удар, который он получил в затылок, был слишком сильным. В комнате на минуту все стихло, люди оцепенели. Затем кто-то подошел к мужчине, слегка потряс его, приподнял веки и сказал: «Воздух, ему нужен воздух!»

Мужчину взяли под руки, поднесли к открытому окну... Теперь все пятеро заговорили одновременно. Их слова мало понятны, сумбурны. Куда более красноречивы взгляды, которыми они обмениваются.

...Через считанные минуты мужчину, лежащего у окна, поглотила темнота ночи...»

Так, по мнению еженедельника «Вие нуоведжорни», погиб Джузеппе Пинелли.

Дополнительный свет на это «дело» проливает и другой факт.

В первых числах июня 1970 года Серджи Ардау, задержанный вместе с Пинелли, а затем отпущенный на свободу за недостатком улик, появляется в посольстве Швеции в Риме и просит политическое убежище. Свое решение он объясняет в пространном письме на имя шведского премьер-министра У. Пальме:

«...Я анархист, и этого для итальянской полиции оказалось достаточно, чтобы арестовать меня 12 декабря прошлого года вместе с Джузеппе Пинелли. Нас обоих подвергли изнурительным допросам в полицейском управлении Милана, закончившимся смертью Пинелли, которую я без колебаний называю убийством...

После того как Пьетро Вальпреде было предъявлено обвинение в организации провокации, носящей фашистский отпечаток, и особенно после того, как высшие чины полиции попытались заморозить расследование обстоятельств смерти Пинелли, я стал слишком неудобным свидетелем. Ведь я могу подтвердить, что уже два часа спустя после взрывов, еще даже не приступив к широкому расследованию, миланская полиция назвала главным обвиняемым Пьетро Вальпреду...

Паскуале Валитутти, другой свидетель по делу Пинелли, также был арестован на днях, и, учитывая условия, в которых нас содержат в тюрьмах, нет ничего удивительного, что мы опасаемся за его судьбу. В этом плане уже есть прецеденты: несколько лет назад другой анархист — Гаспаре Пишотта был отравлен в тюрьме по одной лишь простой причине: он слишком много знал.

Вы поймете, таким образом, что я имею все основания беспокоиться за свою жизнь. Мои показания слишком опасны для полиции, поскольку они полностью

разбивают официальную версию о самоубийстве Пинелли и об «анархистском почерке» миланской бойни.

На протяжении последнего времени я неоднократно ощущал эту угрозу. Так, меня уже лишили возможности работать где бы то ни было. Стоит мне найти какое-нибудь место, как тут же появляется полицейский агент, который сообщает о моем прошлом начальнику. В результате — немедленный расчет...

В моем паспорте проставлен штамп: без права на эмиграцию...

Итальянская полиция, понимая, что я не намерен скрывать правду, может прибегнуть и к самым крайним мерам. Причем это было бы сделано с одобрения достаточно высокопоставленных кругов политического руководства страной...»

Назвать подобные действия полиции лишь странными значило бы сказать слишком мало. Впрочем, вернемся к событиям 12 декабря 1969 года.

...За несколько минут до закрытия Миланского коммерческого банка, находящегося неподалеку от Сельскохозяйственного, один из служащих — Родольфо Боррони — нашел у лифта черную сумку из искусственной кожи, внутри которой увидел небольшой металлический ящик. Он тут же отнес находку своему начальнику Антонио Данезе. Тот осмотрел ящик, потряс его, услышал, как внутри что-то перекатывается. «Вероятно, там немало денег в монетах, — заметил Данезе. — Оставим пока все это в сейфе, а если уж никто не придет за сумкой, тогда решим, что делать дальше».

Услышав сирены полицейских машин, Данезе позвонил знакомому журналисту и попросил узнать, что происходит. «Да неужели ты еще не знаешь? В Сельскохозяйственном банке взорвалась бомба!..» — был ответ.

Всем сразу же приходит в голову одна и та же мысль: «Так, может, и в этой сумке бомба!» Вызываются полиция и врач: у Данезе инфаркт.

Прибывшие полицейские немедленно устанавливают, что речь идет действительно о бомбе. Данезе, сильно встряхнув ящик, по-видимому, сдвинул часовой механизм, что и предугредило взрыв.

Казалось бы, наиболее логичным в такой ситуации было бы вызвать специалистов и обезвредить бомбу. Тем более что здесь же, в Милане, буквально в нескольких шагах от банка, живет известный сапер Гуидо Бидзарри. Выйдя на пенсию, он тем не менее постоянно сотрудничает с полицией и готов прибыть по вызову в любую минуту.

Вызова не последовало. Приехавший полчаса спустя комиссар полиции Аллегра дает указание немедленно взорвать бомбу.

В руках следователей, таким образом, остается лишь черная сумка из искусственной кожи и часовой механизм западногерманского производства. И то и другое идентично остаткам, найденным в здании Сельскохозяйственного банка. Вывод напрашивается сам собой: взрывы были подготовлены одним лицом или одной группой лиц. Однако следствие в этом направлении даже не ведется. Более того, несколько месяцев спустя эти вещественные доказательства вообще исчезают из сейфов полиции, и этот вопиющий факт так и не объяснен должным образом высшими полицейскими чинами. Результат был лишь один: комиссара Аллегру перевели в Рим, причем даже на более высокую должность.

Свою лепту в дезориентацию следственных органов внес и уже упоминавшийся комиссар из Падуи Молино.

Утром 13 декабря к нему на прием попросился студент инженерного факультета Падуанского университета Канилья. Он сообщил, что обратил внимание на опубликованную в утрен-

нем выпуске газеты «Коррьере делла сера» фотографию сумки из черной искусственной кожи. Такие сумки, сказал студент, продаются в нашем городе, и назвал точный адрес магазина. Молино со свойственной ему «медлительностью», которую прокурор Файс позднее прямо назвал служебным преступлением, лишь три дня спустя вызвал к себе продавщицу указанного магазина. Та очень быстро вспомнила, что как раз 10 декабря продала большую партию сумок и купил их высокий молодой человек.

Показания эти подтвердили со всей очевидностью одну деталь: сумки были куплены в городе, где постоянно жил Фреда. Однако подобная мысль не посетила Молино. Он ничего не сообщил об этом ни прокурору Милана, ни в главное полицейское управление Рима. Как и прежде, он информировал лишь особый отдел министерства внутренних дел и свое непосредственное начальство в Риме, которые также не сочли нужным известить следственные органы.

Глуп? Неопытен? — эти вопросы задавал не один журнал. И все единодушно отвергали подобные версии.

Тогда почему же такая «забывчивость», такая «медлительность»? Один из ответов на этот вопрос даст позднее защитник Фреды. «Молино, — заявил он, — был хорошо знаком с моим подзащитным и даже предупредил о контроле за его телефоном».

Второй вариант объяснения мы находим в еженедельнике «Панорама»: «Молино всегда был противником демократических сил. Однажды студент, принявший участие в антифашистской манифестации и задержанный им, крикнул: «Мерзавец! Почему ты не занимаешься Фредой, а тянешь время с нами?»»

Попутно заметим, что тот же Молино получил в июне 1969 года задание произвести обыск

на квартире известного неофашиста Риццато. Это решение было принято после целой серии провокаций, осуществленных в городе: поджог здания суда, взрывы бомб в ряде общественных учреждений.

В результате обыска, проведенного лично Молино в присутствии двух агентов, были найдены: крупнокалиберный пистолет, фашистские листовки и портреты Муссолини. Но главной находкой было обширное досье, содержащее адреса 400 деятелей левых партий, подлежащих, как указывалось в документе, уничтожению, а также наметки плана государственного переворота, где под особым номером значился список казарм, которые предполагалось занять в первую очередь. Находка эта приобретала особенно зловещий смысл в напряженной обстановке тех дней, когда повсюду раздавались голоса о маневрах правых сил, когда слухи о перевороте воспринимались как все более достоверные. Однако по всему видно, Молино отнюдь не разделял этих опасений итальянцев: в протоколе об обыске указывается лишь пистолет, обо всем остальном — ни слова.

Таким образом, Риццато получил возможность спокойно продолжать свою деятельность против республиканского строя... «Забывчивость» Молино, не указавшего все, что было найдено при обыске, этим не ограничилась. Тот же прокурор Файс осенью 1969 года, за три месяца до взрыва в Милане, приказал повторить прослушивание телефонов Фреды. Полученная пленка содержала на этот раз доказательства факта закупки Фредой часовых механизмов для бомб замедленного действия. Но пленка с записью, обличавшей неофашиста, почему-то попала в архив.

Когда запись была прослушана уже в феврале 1972 года более внимательным следова-

телем — Джанкарло Стицем, она стала главной опорой обвинительного заключения против Фреды...

*

Фотографию черной сумки, в которой была найдена неразорвавшаяся бомба, увидел и миланский таксист Корнелио Роланди.

В тот день, 13 декабря, он чувствовал себя неважно: болела голова, знобило. Он не вышел на работу — лежал, читал газеты, журналы, слушал радио. И вдруг он вспомнил: 12 декабря, за несколько минут до взрыва, к нему в машину сел странный пассажир... Роланди размышляет об этом, советуется с женой: «Может, пойти в полицию?!»

15 декабря он выходит на работу. В 8.10 по радию ему сообщают о вызове. Клиент — старый знакомый — преподаватель Лилиано Паолуччи. Роланди неоднократно отвозил его дочь в школу, а самого Паолуччи — на работу. Так что маршрут ему хорошо известен. Однако в то утро он трижды ошибается.

Позднее, уже на встрече со следователем, Паолуччи скажет: «Меня очень удивило, что Роланди несколько раз ошибся. Когда я сказал ему об этом, он извинился, а потом вдруг сказал: «Знаете, я попал в крупную историю». И хотя я не поддержал разговора, он стал рассказывать: «Мне кажется, что человека, который взорвал Сельскохозяйственный банк, отвозил в тот день я»».

Дальше последовали детали, о которых Паолуччи, распрощавшись с Роланди, немедленно сообщил в полицию. Туда же четверть часа спустя является и Роланди.

Роланди сообщает следующее: «Пассажиру было около 40 лет. Рост — 173—175 сантиметров, никаких особых примет, волосы черные,

слегка вьющиеся, глаза темные; одет он был в пальто темно-коричневого цвета не последней моды. Темные брюки, светлая рубашка, галстук ярких тонов. В общем мне он показался человеком образованным, серьезным...».

На последующие вопросы полицейских Роланди уточняет:

«Когда пассажир вышел, держа в руках черную сумку, мне показалось, что он чем-то очень взволнован. Он сильно хлопнул дверью, сказав мне: «Вернусь через несколько минут».

Вновь сев в машину, он опять хлопнул дверью, а приехав на указанное место, быстро расплатился и почти бегом бросился в сторону большого дома».

Роланди подписывает протокол допроса, вокруг которого будет построен весь процесс над Вальпредой.

А между тем главный обвиняемый, пока еще не знающий, сколь серьезны подозрения на его счет, лежит в постели, пытаясь избавиться от простуды. Из газет он узнает о задержании Пипелли. Он очень расстроен.

Несмотря на температуру, 15 декабря ровно в 9 часов утра он, как и было назначено, появляется в полицейском управлении и сообщает, что на это время его вызвал следователь Амати.

Вальпреду провожают в кабинет и приглашают садиться. На столе перед следователем — пухлая серая папка. Амати открывает ее и тут же задает вопрос: «Знакомы ли вы с Паоло Браски?» Не ожидая ответа, он начинает читать показания, которые уже приводились выше.

Окончив читать, Амати кричит: «Вот такие вы все анархисты! Вам лишь кровь подавай!»

Вальпреда пытается возражать, что-то объяснять, но Амати показывает ему на дверь: «Допрос окончен».

Как только Вальпреда появляется в коридоре, к нему подходят двое полицейских, которые немедленно одевают на него наручники...

В полдень 15 декабря, два часа спустя после ареста Вальпреди, в полицейском управлении царит оживление, всеобщий энтузиазм: не хватает лишь шампанского для празднования удачно оконченного дела. Полиция, с одной стороны, и прокуратура, с другой, составляют подробные отчеты: организатор провокации пойман... Совершенно очевидно, что бойня была задумана и реализована «красными»...

Следователь Гуида тем временем вновь приглашает на беседу таксиста Роланди и показывает ему, конечно же в предварительном порядке, фотографию Вальпреди. «Молодец,— говорит он,— отныне ты больше не таксист», намекая на премию в 50 миллионов лир, которую обязался выплатить Сельскохозяйственный банк тому, кто укажет убийцу... Для опознания все готово.

Поскольку, по решению прокуратуры, дело ведут римские следователи, Роланди и Вальпреду срочно перевозят в Рим.

Вальпреду допрашивают практически без перерыва 34 часа подряд. Он устал, не брился, почти двое суток ничего не ел, за исключением бутербродов, которые ему удалось перехватить во время переезда из Милана в Рим.

В столице допрос ведет тот самый комиссар Импрота, который приложил столько сил, чтобы склонить Вальпреду к сотрудничеству с полицией. «Ну, теперь ты запосешь иначе»— этими словами он приветствует анархиста, когда того вводят в его кабинет.

В 6 часов вечера 16 декабря в одной из комнат главного управления римской полиции происходит процедура опознания. Рядом с Вальпредой сажают четырех полицейских в штат-

ском. Их одежда тщательно выглажена, туфли начищены. Они выбриты и аккуратно причесаны. Рядом с ними Вальпреда выглядит действительно необычно: усталый вид, двухдневная щетина, пыльная одежда...

При опознании присутствует и адвокат, нанятый Вальпредой в качестве защитника. После того как Роланди «узнает» Вальпреду, тот задает ему вопрос: «Скажите, а не показали ли вам до этого фотографии Вальпреды?»

Помявшись, Роланди признает: «В Милане мне показали фотографию, на которой, как мне сказали, был изображен человек, которого я, вероятно, и видел».

Адвокат пытается выяснить и еще одну деталь, чрезвычайно важную для следствия. Касается она путевой книжки таксиста, в которую он обязан вписывать дату, время посадки каждого пассажира, маршрут следования, а также полученную сумму. Среди всех прочих дат обращает на себя внимание то, что в цифрах 11 декабря 1969 года вторая единица исправлена на двойку. Просто описка? Ошибка? Или нечто худшее — подлог? Может быть, как раз 12 декабря Роланди не работал, а позднее, желая получить премию, подделал даты? Чтобы выяснить это, достаточно было элементарной проверки. Однако для полиции все это несущественные детали.

...Когда Роланди уже выходит из комнаты, Вальпреда кричит: «Да посмотри же лучше!»

Роланди, растерявшись, заявляет: «Если это не он, то того человека здесь нет».

Оставшись один на один со следователем, Вальпреда слышит: «Я обвиняю вас в организации взрыва на площади Фонтана».

В полночь его под охраной ста полицейских перевозят как опасного государственного пре-

ступника в главную римскую тюрьму Реджина Чели. Здесь он останется в течение трех лет и 14 дней.

Как раз в это время Роланди на самолете возвращается в Милан. «Знаете,— говорит он своему попутчику,— а мне повезло, я выиграл по лотерее 50 миллионов».

...Деньги от банка Роланди так и не получил. Следствие шло своим чередом, его вызывали на допросы, заставляли подписывать все новые и новые протоколы. В последнем из них — заметьте, какая предусмотрительность,— была фраза: «*В случае моей смерти подтверждаю, что все сказанное мной и записанное здесь верно...*» (курсив наш.— А. В.).

Роланди умер 15 июля 1971 года от инфаркта, наступившего в результате воспаления легких.

Случайность или нет, но точно такой же диагноз был поставлен в свое время одному из главных свидетелей по делу об убийстве президента США Кеннеди... Тоже таксисту.

Роланди, впрочем, не единственный, кто 12 декабря «видел» Вальпреду в Сельскохозяйственном банке. По мере того как вокруг анархистов разгорался пожар всеобщего бичевания, расширялся и круг «свидетелей». Что это за люди? В основном те, кто прямо или косвенно связан с крайне правыми группами и организациями. И совершенно понятно поэтому, что в своих показаниях они, не жалея сил, винят во всем левых экстремистов. Вот лишь один пример. 56-летняя домохозяйка Джузеппина Маэстри заявила: «Как страшно быть единственным свидетелем убийцы. Я боюсь. Если я выступлю в газетах, меня похитят левые, отвезут в больницу и сделают укол, подобный тому, от которого погиб Роланди...». В этой части свидетельства Маэстри, активистки ИСД, как и ее

сыновья, нет ничего показательного, за исключением одной детали — укола, который якобы был сделан Роланди.

Откуда такая осведомленность? Ведь ни в одном из опубликованных материалов не было и намека на насильственную смерть таксиста. И кто знает, не стало бы и это свидетельство «гвоздем» следствия, если бы Маэстри не допустила серьезной оплошности: она описала Вальпреду таким, каким он был на фотографии, появившейся в печати. В момент же ареста он был и одет иначе, и имел иную стрижку.

В данном случае полицейские органы оказались на высоте — отвергли явную фальшивку Маэстри. Но слишком редки были эти «проблемски» на пути к правде о взрыве на площади Фонтана.

...Вечером 31 декабря 1969 года, когда заместитель прокурора города Тревизо Пьетро Калоджеро собирался уже уходить домой, чтобы, как и все итальянцы, отпраздновать встречу Нового года в кругу семьи, в его кабинете появился Гуидо Лоренцон, 28-летний учитель начальной школы одного из городков провинции Тревизо, секретарь местной секции ХДП.

Лоренцон заявил, что хотел бы сделать важное сообщение, связанное с недавними взрывами в различных городах Италии. И еще до того, как Лоренцон начал говорить, заместитель прокурора понял, что его новогодний ужин срывается.

Лоренцон — друг детства Джованни Вентуры, который в последнее время неоднократно сообщал ему по секрету весьма серьезные сведения. Может быть, цель Вентуры заключалась в том, чтобы сделать своего друга соучастником провокации, заставить его вступить в фашистскую организацию. Однако вполне вероятно и другое: страдающий манией величия, он

не мог не поделиться с кем-нибудь своими героическими «деяниями».

Лоренцон, зная о фанатизме Вентуры, о его преклонении перед нацизмом, никогда не придавал особого значения рассказам своего друга. Так продолжалось до тех пор, пока, после взрывов бомб в Риме и Милане 12 декабря 1969 года, что-то в словах Вентуры не показалось Лоренцону странным: некоторые детали полностью совпадали с действительно имевшими место фактами.

Лоренцон таким образом приходит к выводу, что Вентура или в какой-то степени был связан с непосредственными организаторами взрывов 12 декабря, или сам участвовал в их подготовке.

Учитель спешит к своему адвокату и рассказывает о возникших подозрениях. И он получает единственно верный в такой ситуации ответ: отправляйся к следователю.

17 января 1970 года Калоджеро протоколирует показания Лоренцона и направляет этот документ в Рим, где он пролежит без движения долгие месяцы.

«Для проверки сведений, полученных от Лоренцона, никто не пошевелил пальцем,— пишет в связи с этим газета «Упита».— Вентура в этот период был, можно сказать, «гражданином вне всяких подозрений». Каким образом это могло произойти? По какому стечению обстоятельств могло случиться подобное в такой стране, как наша, где порой достаточно быть однофамильцем какого-нибудь преступника, чтобы затем всю жизнь пытаться отделаться от судебных органов?

Нам известно, что, узнав о признаниях Лоренцона, Вентура тут же сообщил об этом своей матери, активистке местной организации Христианско-демократической партии, с тем чтобы

она попросила о содействии Тину Ансельми, депутата парламента от ХДП в округе Тревизо. Ансельми пообещала обратиться к начальнику полицейского управления Тревизо и объяснить ему, что Джованни Вентура — достойный молодой человек, ставший жертвой абсурдных инсинуаций».

Начальник полицейского управления Тревизо пишет 16-страничный доклад и отправляет его в министерство внутренних дел. В докладе утверждается, что издатель Джованни Вентура — приличный и находящийся вне подозрений человек, что признания Лоренцона — плод его личной фантазии.

Вентура чувствует себя, таким образом, под надежной защитой.

Что это, как не прямое доказательство попустительства полицейских органов неофашистским элементам?

В этот период, впрочем, оно приобретает беспрецедентный характер по всей Италии.

Так, в Милане с 1969 по 1972 год было зарегистрировано 607 фашистских провокаций. Лишь в семи случаях их организаторы были осуждены. В остальных судьи спокойно отправляли дела в архив, заявляя, что избивение антифашистов — закономерная реакция на «красный террор».

Дело доходило до того, что даже в случае наиболее тяжких провокаций, осуществленных на глазах у всех, в материалах полиции не было и намека на какое-нибудь расследование. К примеру, 23 апреля 1971 года группа фашистов ворвалась с гранатами и бутылками с зажигательной смесью в руках в здание областного правительства Ломбардии. Трое чернорубашечников были арестованы службой охраны и препровождены в тюрьму. Однако комиссия, назначенная для расследования провокации, не

обнаружила в рапортах полиции прокуратуре ни малейшего упоминания об этом эпизоде.

Даже если на фашистов заводится досье, заявил один из демократически настроенных следователей, пребывают они в заключении самое минимальное время.

Чемпионом по краткосрочности «общений» с судебными властями является 30-летний Роберто Брави. 9 октября 1970 года он с длинным ножом в руках набросился на студента-коммуниста Джованни Мандзелли и тяжело ранил его. Уже несколько дней спустя после ареста Брави вновь разгуливал по Милану. Его нападение на Мандзелли было расценено судьей ни много ни мало как «оправданная защита». Пострадавший же был отдан под суд «за лже-свидетельство».

29 января 1971 года Брави опять попал в поле зрения следственных органов. Вместе с депутатом от ИСД и еще несколькими молодчиками он избил пятерых профсоюзных деятелей у самых дверей Палаты труда. На сей раз компания провела в тюрьме... 5 дней!

И подобным покровительством фашистам отличается не только миланская полиция.

В Неаполе, к примеру, одним из постоянных объектов провокаций неофашистов стала газета «Маттино», неоднократно выступавшая с разоблачениями ИСД. С 5 декабря 1968 года по 31 декабря 1972 года редакция газеты подверглась десяткам нападений вооруженных провокаторов, бивших стекла, ломавших и поджигавших мебель, угрожавших сотрудникам физической расправой. И во всех случаях неофашистам удавалось скрыться, хотя буквально в тридцати метрах от здания, где помещается редакция газеты, находится штаб 3-й дивизии карабинеров, постоянно охраняемый крупными рядами вооруженных жандармов.

«Однажды, после особенно наглой вылазки фашиствующих молодчиков, — рассказывает главный редактор газеты Джирардо, — я отправился к префекту, собираясь выразить свой протест и возмущение тем, что в таком большом городе, как Неаполь, у полиции не оказывается сил для защиты одной из самых читаемых газет. Я надеялся на понимание и солидарность. И каково же было мое удивление, когда вместо этого я сам оказался в роли обвиняемого. Префект прямо заявил, что во всем виноваты мы сами, что следует тщательнее подходить к публикуемой информации, с тем чтобы не вызывать «резкой реакции общественного мнения». Очевидно, что под общественным мнением он имел в виду как раз фашистов».

Пятеро из провокаторов были узнаны сотрудниками редакции, их имена были сообщены полиции, однако та сделала все возможное, чтобы они не просочились в печать.

Причины?

«Речь идет, как объяснили мне, — говорит Джирардо, — о молодых людях из весьма приличных семей. И они просили не называть их имен в прессе, поскольку это очень расстроило бы их родителей».

Достойный для начальника полиции ответ!

Когда четыре месяца спустя Джирардо вновь отправился в полицию, желая выяснить, какие меры приняты против неофашистов, ему ответили, что дело сдано в архив, поскольку... редакция не сделала официального заявления с просьбой о расследовании!

И еще один любопытный эпизод, наглядно показывающий, сколь тесно связаны неофашисты с некоторыми кругами полиции: один из известных своими бандитскими выходками молодчиков — Луиджи Бранкини тренировался в стрельбе и борьбе дзю-до... на спортплощадке,

принадлежащей полицейскому управлению Неаполя. Более того, он состоял членом полицейского спортивного клуба...

Если иметь в виду все эти факты, вряд ли вызовет удивление и то, что показания Лоренцона оказались в архиве.

Лишь в январе 1971 года они попадают в руки следователя Джанкарло Стица — человека демократических взглядов и глубоких антифашистских убеждений. Он открывает досье и бледнеет: тайна взрывов уже год назад могла бы быть полностью раскрыта.

Показания Гуидо Лоренцона

Взрывы 25 апреля и 8 августа 1969 года. «...В мае 1969 года Вентура сообщил мне о том, что поедет в Милан, где установит бомбу в одном из общественных зданий.

Около недели назад Вентура сказал, что бомбы были установлены не в Милане, а в Турине и что он сопровождал человека, который должен был сделать это. Я уточняю, что это произошло, по словам Вентуры, в апреле.

Что касается взрывов на поездах в августе 1969 года, то Вентура рассказал мне несколько частных деталей: о стоимости бомб (100 тысяч лир каждая), о числе лиц, финансировавших эту провокацию, и о составе группы.

...Он неоднократно и при различных обстоятельствах говорил мне, что является одним из трех человек, финансировавших эти взрывы.

Я слышал от того же Вентуры, что в связи с тем, что прокуратура Тревизо возбудила против него уголовное дело, он впредь не будет выступать в качестве непосредственного участника провокаций, а ограничится лишь их финансированием. Еще в предыдущих беседах с Вентурой я выяснил, что стоимость каждого из взрывов, организованных на поездах, составляла 100 тысяч лир, включая дорожные издержки. Я никогда не задавал Вентуре вопроса о том, сам ли он закладывал взрывчатку.

Вентура дал мне понять на множестве подобных сообщений, что он прекрасно знает «оперативный план». Он никогда не говорил мне, какую роль играет сам в его реализации, однако при различных обстоя-

тельствах утверждал, что имеет прекрасное алиби на время взрывов».

Взрывы 12 декабря. «Насколько мне известно, Вентура 8 или 9 декабря около 6 часов вечера вылетел на самолете в Рим. Об этом я узнал от его сотрудника, который за несколько дней до этого говорил о поездке.

Кроме того, 10 или 11 декабря я позвонил Вентуре домой. К телефону подошла его бабушка, от которой я узнал, что Джованни за несколько дней до этого вернулся из какой-то поездки и тут же вновь уехал. Я не помню, шла ли речь о Милане. В то же время я помню, что моя собеседница долго колебалась, прежде чем сказать это. Правда, потом она заметила, что мне, вероятно, можно доверять.

Я вновь встретился с Вентурой 13 декабря, когда зашел в его книжный магазин. Он сказал мне, что только что вернулся из Милана, где после провокации 12 декабря ведутся повальные аресты подозреваемых, причем полиция расширила зону своих поисков и на другие города — на железнодорожные вокзалы, на поезда, на аэропорты. Вентура высказал опасение, что вот-вот настанет и его очередь.

Выйдя на улицу, мы, комментируя миланские события, направились к «Книжной галерее». Вентура заметил, что с политической точки зрения эта акция бесполезна, поскольку, по его словам, определенные политические группы столь слабы, что и речи не может быть об изменении системы.

Насколько я помню, он жаловался на то, что эта акция не стала толчком к действию ни для левых, ни для правых сил, и я не исключаю, что в связи с этим он сказал фразу, которая произвела на меня сильное впечатление: «Следует предпринять нечто иное».

Я помню, что, комментируя отдельные моменты миланских событий, Вентура отметил, что газеты не сообщили часа, когда должна была взорваться бомба, установленная в другом банке и не сработавшая по непонятной для него причине. На основе всех этих сведений, которые, на мой взгляд, были слишком точными и детальными, чтобы их мог придумать человек, не принимавший в событиях личного и непосредственного участия, у меня появилось подозрение, что Вентура каким-то образом связан со взрывами и другими преступными акциями, нарушающими в последнее время спокойствие страны».

План Национального банка труда. «Однажды Вентура показал мне сделанный им набросок плана подземного перехода, соединяющего два здания Римского банка, где 12 декабря 1969 года взорвалась бомба. Он

сказал мне, что любой человек, который пожелал бы установить бомбу в этом или аналогичном месте, подвергся бы большому риску, поскольку там всегда много людей. Кроме того, стены перехода совершенно гладкие, в связи с чем любой оставленный предмет сразу же будет замечен. Однако он уточнил, что сумка, в которой было помещено взрывное устройство, находилась над трубами проходящего в переходе водопровода, так что прохожие не могли ее заметить. Затем он аккуратно разорвал листок с планом на мелкие части».

«Революционер», знающий все. «Несколько дней спустя Вентура рассказал мне о встречах, имевших место, как я предполагаю, в Милане с одним человеком. В результате этих встреч ему стали известны планы взрывов в общественных зданиях, в основном в банках. По словам Вентуры, он заявил этому человеку, чтобы в подобных операциях на него больше не рассчитывали. Эти встречи происходили до взрывов в Милане и Риме 12 декабря прошлого года. Сразу же после этих событий Вентура рассказал мне, что встречался с одним человеком (возможно, с тем же, что и прежде), который говорил, что огорчен случившейся трагедией. Описывая состояние этого человека, Вентура заявил: «Революционеры тоже не каменные. Во всяком случае, жизнь революционера стоит больше, чем жизнь дюжины обычных людей». Затем он добавил: «Как революционер я чувствую себя конченным с того дня, когда стал доверять тебе».

Мне вспоминается одна из наших встреч, когда Вентура объяснил мне, что после событий в Милане программы «революционной» деятельности его организации получили иную ориентацию. В самом деле, вначале они осуществляли свои акции лишь в открытых местах и в поездах. После миланских событий акции стали проводиться внутри зданий, что, по словам Вентуры, соответствовало логике прогрессии, по которой и должна развиваться революционная борьба. Целью этих провокаций было создание благоприятных условий для действий, направленных на завоевание власти».

Оружие НАТО. «В конце сентября 1969 года я сопровождал Вентуру в его квартиру, которую он снимал в Тревизо на улице Манни. Там в одной из комнат я увидел вооружение и боеприпасы: патроны 9-го калибра, которые лежали в двух ящиках темно-зеленого цвета. На ящиках по-английски было написано: «Боеприпасы НАТО». Вентура сказал мне, что все это вскоре будет перевезено в другое место, поскольку его контракт на аренду квартиры кончается».

Часовое устройство от стиральных машин. «Когда мы вышли на улицу и сели в машину, Вентура показал мне взрывной механизм, заключенный в картонную коробку. Показывая бомбу, Вентура, как мне кажется, заметил, что в ней использован механизм, аналогичный тем, что ставят в стиральных машинах».

Доклад начальника полиции. «В последнее время, и особенно после обыска, произведенного Вами в его квартире, а также после допроса в полиции за несколько дней до рождества Вентура говорил мне, что его мать встречалась с депутатом Тинной Ансельми, которую просила походатайствовать перед начальником полиции Тревизо. С ним Ансельми должна была встретиться по собственным делам несколько дней спустя (в понедельник), в связи с чем могла поговорить и о деле Вентуры. Я не помню, сообщал ли мне Вентура о том, что такая встреча депутата Ансельми с начальником полиции действительно состоялась. Однако он сказал мне, что несколько дней спустя он отправился без вызова к начальнику полиции, для того чтобы заявить о своей невинности в связи с сообщенными мной фактами. От начальника полиции он узнал, что тот никогда не верил в мои показания, считая их плодом фантазии, и уже написал об этом в Рим.

Узнав о том, что Вы не намерены продолжать расследование его дела после того, как оно было закрыто полицией, Вентура сказал: «Это, вероятно, объясняется решением, принятым наверху». А затем он добавил: «В полиции меня сочли агентом ЦРУ».

Секретные сведения. «В июле прошлого года, когда мы были вместе в «Книжной галерее» Тревизо, Вентура показал мне и дал прочитать «Информационный доклад», речь в котором шла о контактах между ХДП и ИКП по вопросу о правительстве. В докладе говорилось, что США, узнав об этом, вмешались; что на национальном съезде ХДП должен победить Пикколи¹; что предвидится раскол социалистической партии, а также, если я правильно понял, и падение правительства. В этом случае, как утверждалось в докладе, правые силы получили бы финансовую помощь. Все это рассматривалось как следствие вмешательства США.

Тогда же в другом «Информационном докладе» я прочитал, что промышленник Монти финансирует группы агитаторов для создания беспорядков во время забастовок, происходящих в Италии».

¹ В январе—ноябре 1969 года — политический секретарь ХДП.— А. В.

Виновен ли Вальпреда? «Мне вспоминается спор, который произошел между мной, Вентурой и Барнабо в доме последнего 3 января прошлого года. На фразу, брошенную Вентурой о человеке, который заранее сообщил ему оперативные планы организации миланских взрывов, Барнабо воскликнул: «Так, значит, ты знал, что бомбы взорвутся! Точно. Ведь ты еще раньше говорил мне, что первыми взорвутся банки!»

В отношении Вальпреды и других анархистов, которые обвиняются в организации взрывов, Вентура заметил, что он очень сомневается в их вине. «Возможно,— сказал он,— их подержат в тюрьме месяцев шесть, а потом, не найдя улик, выпустят»... Говоря об опасениях, что его самого обвинят в этих взрывах, возможно даже на основе «сфабрикованных» улик, сам Вентура сказал: «Я уже предпринимаю меры: ищу адвоката, который занялся бы моими делами с тем, чтобы в них не было перерыва».

Организация провокаций. «Из многих фактов, сообщенных мне при различных обстоятельствах Вентурой, я, как мне кажется, понял, что взрывы разрабатываются и совершаются одной и той же организацией, имеющей пирамидальную структуру. Она состоит из небольших групп, связанных между собой по треугольной схеме. Каждая группа, по-видимому, состоит из трех человек. Руководитель этой группы получает приказы от одного из людей, находящегося в основе вышестоящего треугольника, и передает их двум другим членам своей группы. Каждая треугольная группа, вероятно, выполняет различные задачи организационного (включая и планирование акций) и исполнительного характера. Устанавливают взрывные устройства, вероятно, два человека, составляющие основу последнего треугольника пирамиды».

«Красный цитатник» Фреды. «Осенью прошлого года, когда я находился в квартире Вентуры в Кастель-Франко, он показал мне отпечатанную на машинке толстую рукопись в двух частях. Первую часть я просмотрел очень бегло, в связи с чем не могу точно рассказать ее содержание. Однако я имел возможность заметить два имени: Джулиано и Файс... Позднее, может быть, месяца полтора спустя, в то время как мы с Вентурой ехали в машине из Кастель-Франко в Тревизо, он вручил мне книгу, которую я 30 декабря 1969 года передал вместе с моими замечаниями адвокату Стекканелле. Вентура подтвердил, что это та книга, которую я просматривал в рукописи. Вручая мне книгу, он попросил хранить ее в тайне, так как она является опасной по своему содержанию».

Когда 4 января я сообщил Вентуре о моей беседе с Вами, мне показалось, что он разозлился и в то же время забеспокоился, особенно когда узнал, что я сказал и про книгу».

Фальшивый цитатник, свидетельствующий якобы о «красном терроре», является самой настоящей приманкой, брошенной Фредой и Вентурой полиции, с тем чтобы навести ее на след левых сил. Вентура понимает, что этот цитатник может стать первым звеном, благодаря которому полиция получит возможность раскрыть всю фальшивую цепь. Потеряв контроль над собой, он кричит Лоренцону: «Это самая большая ошибка, какую ты когда-либо совершал! Имя Фреды в связи с «красным цитатником» ты не должен был ни в коем случае называть. Добравшись до Фреды, они получают ориентир, при помощи которого смогут проникнуть в самую суть».

И именно над разработкой этого «ориентира» будут систематически биться и прокурор Калоджеро, и следователь Стиц. Будут биться до тех пор, пока не раскроют истины.

3. В «игру» включается контрразведка

В показаниях Лоренцона Стиц особо выделяет два раздела: первый из них касается оружия, второй — «информационных докладов», которыми пользовалась группа Фреды и Вентуры при разработке своих преступных планов.

Обнаружить оружие помогла случайность.

Утром 5 ноября 1971 года во время ремонта потолка одного из домов в Кастель-Франко штукатурки случайно проламывают перегородку, ведущую в соседнюю квартиру, принадлежащую муниципальному советнику от социали-

стической партии Джанкарло Маркезину, и находят там сумку и чемодан, наполненные оружием и взрывчаткой. Все это соответствует описанию Лоренцона. Маркезина арестовывают, и он признается в том, что как-то его друга, тоже социалиста, Франко Комаккио попросили спрятать оружие. Маркезин и Комаккио решили — во всяком случае, это их версия — принять участие в этом деле, чтобы раскрыть террористическую группу и заявить о ней следственным органам.

Однажды вечером Анджело Вентура, брат Джованни, перенес вместе с Комаккио в дом Маркезина сумку и чемодан с оружием, которые до этого находились на хранении в квартире Руджеро Пана, также входящего в группу Фреды и Вентуры.

Вызванный на допрос, он поначалу отрицается, а затем рассказывает следователю все, что знает о Вентуре, Фреде и «Новом порядке».

По словам Пана, летом 1969 года, сразу же после взрывов в поездах, Фреда и Вентура занялись поисками особого типа производимых в ФРГ металлических ящиков марки «Ювелл». До того времени для взрывных устройств использовались деревянные коробки. Однако дерево при взрыве не обладает такой разрушительной силой, которую имеет металл.

Именно поэтому Вентура поручил Пану закупить шесть ящиков «Ювелл». Однако тот отказался, а день спустя, увидев один из таких ящиков в доме Вентуры, понял, что кто-то другой все-таки выполнил это поручение.

Пан забыл эту историю. Вспомнил он о ней только 13 декабря, тогда, когда увидел по телевизору и на страницах газет фотографию одного из ящиков, использованных при организации взрывов в банках. Он был идентичен тем, что закупили до этого Фреда и Вентура.

Благодаря показаниям Папа выявляются и другие имена черной группы Фреды и Вентуры, среди которых преподаватель Падуанского университета Марко Балдзарини, *скрывшийся за несколько часов до того, как следователь Стиц подписал ордер на его арест.*

Однако кроме оружия становятся известными и другие детали, соответствующие показаниям Лорепцона. Их Стиц узнает, прочитав заявление, которое сделал Альберто Сартори, бывший партизанский командир, награжденный за участие в Сопротивлении серебряной медалью «За боевую доблесть».

Сартори родом из области Венето. Он принадлежит к «марксистско-ленинскому» движению, куда фашисты организуют особенно широкое проникновение. По целому ряду обстоятельств Сартори вступает в контакт с группой Фреды и Вентуры, которая предлагает ему заключить «союз». Действуя намного умнее, чем Маркезин, Сартори собирает ценные сведения о подрывной деятельности фашистов Венето и передает их следственным органам.

Суть показаний Сартори сводится к следующему:

1. 29 апреля 1969 года, после нескольких предварительных встреч, граф Пьетро Лоредан и Джованни Вентура, убеждая Сартори в том, что он может рассчитывать на покровительство «высоких сфер», показывают ему подборку тщательно разработанных документов. В них он находит списки даже самых мелких организаций, принадлежащих ко всем внепарламентским левозэкстремистским движениям Италии, Европы и Америки. В одном из документов содержатся цифры финансовой помощи ЦРУ различным «левым» журналам Европы. В другом документе особо выделяются имена руководителей этих групп еврейского происхождения.

В интервью журналу «Темпо» Сартори заявил: «Я спросил, есть ли у них документы, касающиеся также и организаций крайне правого толка. Они ответили, что есть. Однако впоследствии мне был показан лишь один документ, в котором речь шла о финансировании этих групп издателем Аттилио Монти».

По словам того же Сартори, все эти досье Лоредана и Вентуры были конфискованы судебными органами и входят в материалы, направленные прокуратуре Милана.

Этот материал, как утверждают, был использован крайне правым журналом «Спеккьо» для подготовки и публикации накануне взрывов 25 апреля и 12 декабря обширного списка группок левацкого толка.

2. В начале 1970 года в окружении Фреды царит атмосфера обеспокоенности в связи с признаниями Лоренцона. Сартори вспоминает, что Лоредан как-то воскликнул: «Невозможно себе представить, чтобы Вентура мог поверять свои дела Лоренцону. Из-за этого, конечно, рано или поздно с ним покончат».

Лоредан настолько обеспокоен, что думает продать свою ферму и уехать в Аргентину. Он начинает переговоры с Марко Барнабо, другом Вентуры, который уже упоминался в показаниях Лоренцона, сыном весьма богатого человека, в прошлом крупного деятеля фашистской партии, ныне — сторонника крайне правых организаций.

3. Сартори в уже упомянутом интервью сказал далее: «Однажды среди документов Вентуры я заметил клочок бумаги, на котором были написаны фамилии и номер одного из телефонов, принадлежащих руководству государственного объединения телефонной службы Венеции. Этот телефон и этот человек, о котором я в свое время сообщил судебным органам,

давали Вентуре и его друзьям возможность звонить за границу таким образом, что эти разговоры не регистрировались и не оплачивались. Этой прямой связью Вентура пользовался неоднократно для переговоров с Афинами, Мюнхеном и Парижем».

Кольцо следствия все более сжимается. Ведя расследование по четырем направлениям (показания Лоренцона, документированная информация Сартори, запись телефонных разговоров Фреды и Вентуры, признания Пана и Маркезица), следователь Стиц ставит на свои места все элементы этой головоломки:

1. Вентура после взрывов 12 декабря вручил своему «другу» Комаккино оставшуюся у него взрывчатку. Кроме оружия и боеприпасов при этом были переданы также 37 взрывных шашек, хранившихся в зеленом ящике. Речь идет об одной и той же партии оружия и боеприпасов, принадлежавших группам «Нового порядка», действовавшим в провинции Тревизо. Все эти материалы были конфискованы.

2. Фреда и Вентура имели списки агентов ЦРУ, действующих в Италии, а также материалы о секретных связях этой шпионской организации. Все это тоже было полностью конфисковано.

3. В специальных тайниках, принадлежащих реакционным группам, были найдены и приложены к актам следствия в качестве вещественных доказательств следующие предметы: взрывное устройство, состоящее из часового механизма, подобного тому, что используется в стиральных машинах, детонатора, батареек и коробки с тринитротолуолом, а также книга, принадлежащая библиотеке Падуанского университета, внутри которой в специальном углублении находилось взрывное устройство с батареей и трубкой из синтетического материала.

4. Ящики типа «Ювекл», купленные Фредой и Вентурой после взрывов в поездах 8 августа 1969 года, идентичны тем, которые были использованы для бомб, взорвавшихся 12 декабря.

5. В сентябре 1969 года Франко Фреда поручил закупить у фирмы «Элеттроконтролли», находящейся в Болонье, партию уже упоминавшихся часовых механизмов в количестве 50 штук. Баллистический эксперт инженер Теонесто Черри установил, что они идентичны часовому механизму, использованному для взрыва бомб 12 декабря.

6. Вентура совершал неоднократные поездки в Рим в период, предшествовавший миланской трагедии. Утром 12 декабря 1969 года он выехал из Падуи в Рим, 13 декабря находился в Милане.

7. Несколько дней спустя после взрывов бомб в Риме и Милане Франко Фреда отправляется в Рим и встречается там со Стефано Делле Кьяйе.

8. Анджело Вентура, брат Джованни, за несколько дней до взрыва на площади Фонтана говорил Комаккио «о взрывах в банках».

И наконец, девятый по счету, но первый по важности элемент заключается в том, что вся эта деятельность планировалась, координировалась и осуществлялась под контролем Раути.

Невыясненным до определенного времени остается лишь одно — источник «информационных докладов», наличие которых подтверждается целым рядом свидетелей.

На одном из допросов, состоявшихся уже после ареста Фреды и Вентуры, последний заявил, что они действовали по указаниям некоего «итальянца», чье имя он не знал и не знает.

Однако он может сказать, что этот человек представлял некую международную службу, заинтересованную в негативном развитии итальянской обстановки.

Вентура уточнил, что именно от этого «итальянца» они получали «доклады».

В ходе проверки этой версии подозрение пало на уже известного нам Гуидо Джаннеттини, ближайшего сотрудника Раути в «Новом порядке». Особое внимание следователи обратили на его частые поездки за рубеж, в первую очередь в такие страны, как Испания и Португалия. С кем встречался, что искал там «журналист» Джаннеттини?

Рассказывает Режин Феш, бывшая одно время, как утверждают, сотрудницей французской разведки

«Я была знакома с Джаннеттини в течение четырех лет. Впервые мы встретились с ним в 1969 году в Эрликоне, недалеко от Цюриха. Джаннеттини приехал на выставку специальных видов оружия якобы в качестве представителя одного итальянского военного журнала. На самом же деле он работал на секретные службы.

Впоследствии я встречалась с ним в Риме, где он познакомил меня с одним полковником, а затем и генералом итальянской контрразведки (СИД). Мы даже обедали вместе в Кружке любителей охоты. Он представил меня также Адриано Ромуальди, Джинно Раньо и Джулио Эволе. (Все трое из высшего руководства ИСД.— А. В.)

Гуидо Джаннеттини с огромным уважением относился к Фреде, которого он считал единственным человеком, способным выйти на национальный уровень руководства правыми силами. Что касается Вентуры, то именно по рекомендации Джаннеттини он получил возможность завязать связи с крайне правыми силами во Франции.

На одном из обедов в Париже, устроенном маркизом Деруз, я встретила с Пино Раути...»

Обыск в доме Джаннеттини неопровержимо доказал: «доклады» писал он.

Когда эти материалы были предъявлены Фреде, тот наконец сознался, что речь идет действительно об этом человеке. И вот здесь следствие наталкивается на весьма серьезное препятствие: на его запрос, направленный адмиралу Хенке, руководившему СИД в течение ряда

лет, тот заявляет, что никогда не слышал такого имени и ничего не знает об этом человеке. Кроме того, пишет адмирал, я вообще не имею права распространяться на эту тему в силу известного закона о «военных секретах стратегического значения».

И все же упорный следователь, преодолевая тысячи препятствий, проникает за плотную завесу, окружающую тайны СИД, и выясняет следующее:

Гuido Джаннеттини в 1964—1967 годах был осведомителем Главного штаба обороны и вместе с Пино Раути работал над книгой «Руки красных в вооруженных силах». По рекомендации полковника Стефани, занимавшего тогда пост начальника секретариата штаба, Джаннеттини был принят и в СИД, в отдел «Д» (контрразведка). Когда справка на «агента Гuido» была представлена адмиралу Хенке (именно ему!), тот сделал на ней пометку: «Уже является осведомителем отдела «Р» (разведка за границей). 70 тысяч лир в месяц».

Именно Джаннеттини — одно из важнейших звеньев, связывающих центральное руководство «Нового порядка» с его периферийными группами. Отсюда понятен и факт его участия вместе с Раути во встрече в Падуе, на которой был окончательно согласован план «революционной войны».

Собранные элементы, по мнению следователя, достаточны для того, чтобы препроводить Джаннеттини в компанию Фреды и Вентуры. Однако задолго до того, как ордер на его арест ложится на стол прокурора, «журналист» исчезает (еще одно довольно странное обстоятельство).

Поначалу его убежищем становится Швейцария, затем Франция. Причины столь внезапного бегства выясняются позже: он был предупреж-

ден одним из сотрудников министерства внутренних дел о направлениях следствия и понял, что затронутая нить обязательно приведет к нему.

Но вот еще одна зловещая деталь: из разных городов он неоднократно звонит своему непосредственному начальнику в контрразведке капитану Ла Бруне, требуя денег и новый паспорт для более свободного передвижения. Ла Бруна пишет докладную записку руководителю отдела «Д» генералу Малетти. Тот предельно четко и недвусмысленно отвечает: «Никаких денег. Джаннеттини уже давно не дает нам ничего интересного. О паспорте вообще не может быть и речи: печать все чаще пишет о его тесных связях с Фредой и Вентурой».

Тогда Джаннеттини исчезает и появляется вновь лишь в июне 1973 года. «У меня есть весьма важные сведения», — сообщает он Ла Бруне.

Малетти распоряжается организовать встречу в парижском аэропорту Орли. И это в тот момент, когда итальянская полиция сбивается с ног в поисках следов «агента Гуидо».

Джаннеттини выглядит усталым, костюм его потерт, галстук не первой свежести. В переданном им материале нет, однако, ничего интересного для контрразведки... Его вид столь жалок, что Ла Бруна вручает ему 150 тысяч лир из тех 200 тысяч, которые СИД выделил на организацию встречи.

В сентябре того же года Джаннеттини вновь возвращается к вопросу о паспорте, сообщая о своем намерении поселиться в Испании.

На сей раз об этой просьбе докладывают уже руководителю всей контрразведки генералу Мичели. Тот запрашивает испанских коллег о возможности принять агента и получает на это согласие.

Телефонные звонки и бюрократическая переписка длятся долгие месяцы. Джаннеттини же не может ждать: узнав об ордере на свой арест, он звонит Ла Бруне. «У меня для вас действительно сенсационный документ. В обмен — несколько миллионов лир и паспорт».

После новых переговоров стороны договариваются на 400 тысячах лир без паспорта. Ла Бруна опять летит в Париж и выясняет, что «сенсационный» документ лишь очередной блеф Джаннеттини...

«Журналист» проникает в Испанию без паспорта и растворяется в неизвестности. Обнаруживают его по чистой случайности. Офицер испанской службы безопасности как-то узнает, что на социологическом факультете Мадридского университета появился новый вольнослушатель, который открыто говорит о своих связях с итальянской контрразведкой. Отдел «Д» СИД, проинформированный об этом, обращается в Интерпол с просьбой посодействовать выдаче Джаннеттини. Ответ испанских властей гласит: нам очень жаль, но...

Дело в том, что досе Джаннеттини, обойдя весь круг испанской секретной службы, попало на стол самому Франко, который задумал обменять агента СИД на несколько басков, совершивших, как утверждала официальная печать, покушение на Карреро Бланко¹ и укrywшихся затем во Франции. Переговоры с французами кончаются неудачей, и Франко, весьма недовольный этим, приказывает вручить Джаннеттини билет до... Буэнос-Айреса.

СИД узнает об этом и пытается заставить Джаннеттини сдаться, действуя теперь с такой

---

¹ Карреро Бланко, Луис (1903—1973) — испанский государственный деятель, адмирал. В июне — декабре 1973 года — председатель Совета министров. Придерживался реакционных взглядов.

же активностью, с какой в течение многих месяцев доказывал, что имя этого человека никогда не значилось в картотеках агентов контрразведки.

Что же изменилось?

Ответ на этот вопрос мы дадим позднее. Пока же скажем лишь, что, оставшись без средств, без солидных документов, Джаннеттини, доведенный до отчаяния, 12 августа 1974 года приходит в посольство Италии в Буэнос-Айресе с просьбой репатриировать его.

...14 августа его заключают в милапскую тюрьму...

Джаннеттини, впрочем, не единственный канал контактов итальянской контрразведки с неофашистами. Во многих организациях, особенно внутри студепческого движения, там, где «тактика проникновения» осуществляется в наиболее широких масштабах, годами действуют десятки агентов СИД, среди которых люди с членскими билетами ИСД отнюдь не редкость.

Из показаний Джана Луиджи Фаппани

«...СИД воздействовал на меня шантажом. Я совершил много преступлений — в общей сложности лет на двадцать тюрьмы. Как-то ко мне подошел незнакомый мужчина и, заявив, что знает о моих «грехах», предложил «дело», за которое, сказал он, я получу солидную сумму денег. Моя задача состояла в том, чтобы вручить на одной из центральных площадей города «военные планы» некоему чеху. (Провокация эта полностью провалилась.— А. В.) Затем мне было поручено составить списки наиболее видных руководителей милапского студенческого движения, указав в первую очередь тех, кто активно сотрудничал с Джованни Боррони (активист ИСД, погибший при невыясненных обстоятельствах.— А. В.).

Ежедневно я получал задания, о выполнении которых должен был представлять доклады каждую неделю. Эти доклады состояли из трех частей: а) общеполитические сведения; б) данные об активистах порученных мне организаций; в) сведения об их руководителях.

Кроме того, я передавал СИД различные пропагандистские материалы, подготовленные той или иной группой, указывая при этом их авторов...

Иногда мне поручалась продажа слезоточивых бомб членам студенческого движения, с тем чтобы это могло стать предлогом для их преследования.

...Заявляя все это, сообщаю, что я не раз слышал угрозы от сотрудников СИД. «За признания,— говорили они,— ты дорого заплатишь...»

СИД имел своего человека и в кружке «22 марта» — Стефано Серпьери.

Из всего вышесказанного очевидно:

1. Определенные круги полиции и контрразведки знали о готовящихся неофашистами провокациях и об их тактике использования в этих целях левозкстремистских организаций.

Почему же тогда не было предотвращено кровавое преступление? Объяснение, что и Сальваторе Ипполити, и Марио Мерлино, и Стефано Серпьери как раз накануне взрывов в Милане были якобы вынуждены прервать свою деятельность по ряду причин, а потому-де и не сообщили ничего о преступном плане, вряд ли можно считать в данном случае серьезным.

2. На всех этапах следствия были допущены многочисленные нарушения закона: из досье исчезали важные документы, на свидетелей оказывался нажим, факты подтасовывались.

3. Материалы, относящиеся к делу, лишь частично передавались прокуратуре, которая поэтому не могла действовать своевременно и эффективно.

4. В самой прокуратуре было и есть немало людей, предпочитающих «не замечать» черных следов.

В связи с этим возникают естественные вопросы: разве полиция и контрразведка не находятся в прямом и непосредственном подчинении правительства? Разве имеют они право действовать по собственной инициативе и от собствен-

ного имени, не ставя об этом в известность высшие органы руководства страной?

В это слишком трудно поверить. И придется согласиться с выводом, сделанным газетой коммунистов «Унита»:

«Если расследование трагических событий до сих пор весьма далеко от завершения, то это объясняется в первую очередь и главным образом политическими решениями, принимаемыми на самом высшем уровне, в результате которых из числа возможных организаторов провокаций как раз и были исключены крайне правые силы, их покровители внутри страны и за ее пределами...

Правда, — продолжает «Унита», — далеко не все следователи, не все судьи и чиновники как полиции, так и секретных служб пошли на поводу у инициаторов подобной политики. Следствие все же продвигается вперед, и этим мы обязаны той массовой, каждодневной и еже часной антифашистской борьбе, которую ведет все демократическое движение. Но этим мы обязаны также — и это следует подчеркнуть со всей силой — сотням сотрудников государственных органов охраны порядка, которые главный смысл своей деятельности видят в защите принципов нашей республиканской конституции...»

ЧЕРНЫЕ СЛЕДЫ ВЕДУТ В ИСД

1. Страницы жизни князя Юнни Валерио Боргезе, «землевладельца»

Мы расстались с князем Боргезе, когда он, выйдя из тюрьмы, был избран почетным председателем Итальянского социального движения. Но в ИСД он остается недолго: ему, по его собственным словам, «претит мелкая политика — все эти избирательные бюллетени, парламент, мышьяная возня партий, профсоюзов». Боргезе по-прежнему считает себя «человеком действия», что сближает его с Раути и Делле Кьяйе.

Покинув ИСД, он несколько лет остается в тени. В печать лишь изредка просачиваются сообщения о его встречах с бывшими «героями» Салó, а также о банкетах, которые устраивает князь в честь своих друзей. Среди них мы встречаем высших офицеров армии и флота, финансовых и промышленных магнатов, депутатов парламента от неофашистской партии.

Чем же занимается Боргезе? «Я просто землевладелец», — скромно отвечает он на этот вопрос в интервью газете «Стампа».

Зная биографию Боргезе, трудно, конечно, поверить в его феодальное уединение. И действительно, как выясняется позднее, организуе-

мые им банкеты и встречи, а также поездки по Италии служат одной цели: поиску нужных людей, готовых финансировать его деятельность, весьма далекую, разумеется, от сельского хозяйства. Таковые нашлись очень быстро: миллиардеры Монти, Пезенти и им подобные, не колеблясь, вновь решили «поставить» на князя Боргезе.

В 1966—1967 годах он приступает к созданию собственной организации. Не партии, нет. «Исторический период существования партий закончился,— заявляет Боргезе.— Их деятельность — мерзкое зрелище. Это очаги распада нации, коррупции. Партии действуют в сугубо корыстных интересах, зачастую представляя даже иностранные державы. Наша организация — «Национальный фронт» — это свободная ассоциация итальянцев (именно с большой буквы. — А. В.), ставящая своей целью достижение нового политического порядка».

Следуя лучшим образцам демагогии Муссолини, Боргезе разъясняет: ««Национальный фронт» — не фашистское движение. Мы — патриоты, мы — борцы. Мы лишь против *этого* правительства, против *этого* типа парламентской демократии. Мы боремся за сильное руководство. Нет свободы в стране, где законы не уважаются, а в Италии вот уже двадцать лет правительству не удается добиться уважения к законам».

Каким же образом мыслит себе Боргезе «сильное государство»? В ряде его заявлений этот вопрос также получает достаточно четкое разъяснение.

«...Систему классов предполагается полностью искоренить, заменив ее системой профессиональных корпораций — единственной категорией, определяющей место индивидуума в обществе.

Классовая борьба должна быть ликвидирована, поскольку она лишена смысла. Альтернатива ей — реалистическое сотрудничество между корпорациями...

В чем вы видите классовую борьбу сегодня? Речь идет об элементарном стремлении наиболее обездоленных слоев улучшить свое положение. Так поможем же этим обездоленным слоям! Пора покончить с этим идиотским делением на пролетариат и хозяев. Допустим, плохие хозяева действительно есть. Так посадим рядом с ними представителей рабочих, и пусть сообща они решают все проблемы... Все так просто. Мы, разумеется, за включение рабочих в руководящие органы предприятия.

...Все партии должны быть полностью оторваны от правительственной деятельности.

Нынешнее политическое руководство полностью подпало под влияние коммунистов. Что это значит? Лишь одно: руководство это не является самостоятельным. Оно не имеет возможности свободно проводить в жизнь собственные идеи, свои теории, идеологию своей партии. Близок уже, таким образом, день, когда перед страной встанет дилемма: правительство коммунистов или правительство Итальянцев. Скоро, на мой взгляд, вновь станет актуальным лозунг: «Рим или Москва!»

И наконец, квинтэссенция всей программы «Национального фронта»: «Мы презираем понятие так пазываемой пролетарской души. Наши ценности — это Честь, Героизм, решительное Действие. Мы отвергаем право масс, парламентариев, партий править страной. Вопросы суверенитета и власти решаются независимо от мнения невежественной толпы».

Не нужно быть специалистом в области фашистской теории, чтобы понять: «новые» идеи Боргезе — это все та же Беронская хартия «рес-

публики Салó», лишь разбавленная новомодными словообразованиями вроде «социальной гармонии» и «общественной законности».

В кругу единомышленников Боргезе, впрочем, и не делает из этого секрета. Вот, к примеру, как звучит клятва каждого вступающего в «Национальный фронт», составленная князем и его ближайшими помощниками.

«Находясь в ясном сознании и полном здравии я перед людьми и богом клянусь, что всегда и при всех обстоятельствах буду верен делу фашизма и его патриотическим идеалам. Я посвящу этому делу все свои моральные и физические силы, а если понадобится, и саму жизнь. Последовательно отстаивая фашистские идеалы, я до конца буду бороться за полное выполнение программы Итальянской социальной республики».

Разработка конкретных планов установления «нового политического порядка» начинается как раз в 1968 году, когда стало совершенно очевидно, что всякие попытки остановить рост и укрепление левых сил «конституционным путем» обречены на провал. Рядом с Боргезе мы видим и других «призраков» «республики Салó». Это — Марио Павиа, 66 лет, промышленник, во времена Салó — руководитель фашистской партии в Турине. Его хобби — коллекционирование бриллиантов, а также элегантная одежда. Это — Элиодоро Помар, 50 лет, инженер-атомщик, и Джованни Микалицио, 47 лет, врач, в прошлом — один из «бойцов» флотилии Х-МАС, руководитель организаций «Национального фронта» в Палермо. Это — Торквато Николи, 45 лет, зубной техник, один из главных руководителей организации в Лигурии (главный штаб — в Генуе), и Ремо Орландини, 64 года, владелец одной из римских строительных фирм.

Поначалу Боргезе вербует себе сторонников прежде всего из активных участников «республики Салó».

Первое официальное появление «Национального фронта» датируется 19 марта 1969 года, когда в одном из роскошных салонов гостиницы «Ройяль» в Винареджо происходит встреча, призванная определить цели и планы новой организации.

В своей пространной речи Боргезе убеждает участников встречи, а их более 200, в том, что его идеи находят широкое одобрение в армейских кругах.

За первой встречей последовали другие. Уже через несколько месяцев «Фронт» создает свои отделения в различных городах Италии. Во главе их — так называемые «делегаты по провинции». Позднее эта структура совершенствуется и приобретает все контуры подрывной полулегальной организации.

В каждой провинции отделение «Фронта» имеет два подразделения: «А» и «Б». Подразделение «А» носит легальный характер и служит целям пропаганды идей «Фронта», а также вовлечению в него новых членов.

Группа «Б» глубоко законспирирована. В ее задачу входит закупка и хранение оружия, вербовка террористов, «готовых на все». Она подчиняется непосредственно одному из руководителей национального масштаба. Он координирует ее деятельность в рамках всей организации.

На заседаниях членов группы «Б» обязательно присутствуют высшие руководители «Фронта». Частый гость на них — армейский генерал Порта Казуччи.

С самого начала своей деятельности «Фронт» поддерживает тесные связи с «Национальным авангардом» Делле Кьяйе и «Новым порядком» Пино Раути.

Боргезе, несмотря на то что официально он не поддерживает контактов с ИСД и его лидером Альмиранте, находится в курсе всех готовящихся неофашистами провокаций. Более того, по первоначальным замыслам, люди князя должны были принять самое активное участие в перевороте, намеченном на декабрь 1969 года. По вполне достоверным сведениям, обязанности групп «Б» в связи с этим обсуждались на специальном заседании «Фронта», созванном в Риме 6 декабря 1969 года. Кроме названных выше руководителей организации на совещании присутствует и управляющий делами «Фронта» Армандо Кальцолари. Однако в отличие от других участников встречи он не согласен со стратегией провокаций, настолько не согласен, что в какой-то момент покидает комнату, громко хлопнув дверью.

После того как планы заговорщиков провалились, поскольку ни армия, ни полиция не отреагировали так, как ожидалось, на взрывы в Милане и Риме, руководящий комитет «Национального фронта» собирается вновь для обсуждения программы на будущее.

Заканчивается день 20 декабря. По всей стране идет охота за анархистами, и Боргезе с удовлетворением отмечает это, хотя и высказывает сожаление по поводу того, что «армия и правящий класс оказались не на высоте, не приняв сигнала». Потрясенный столь откровенным цинизмом, Кальцолари кричит: «Вы убийцы! Я не хочу больше знать вас!»

«Ах, нервы, нервы,— укоризненно качает головой Боргезе.— В наше время молодежь не позволяла себе так распускаться...»

Четыре дня спустя, на рождество, Кальцолари рано утром выходит прогулять свою собаку — английского сеттера. «Скоро вернусь»,— говорит он жене и матери, с которыми усло-

вился пойти к утренней мессе. С этого момента его следы исчезают.

Три дня спустя машину Кальцолари, «Фиат-500», которую *поначалу никто не заметил*, обнаруживают почти у дома.

28 января 1970 года останки Кальцолари и труп его собаки находят в канализационном колодце на противоположном конце города.

Первая версия, которую выдвигают следователи, состоит в том, что с Кальцолари произошло несчастье. Он, по их словам, утонул в колодце, пытаясь спасти упавшего туда пса.

Однако многое кажется маловероятным. Отверстие колодца прекрасно заметно и отгорожено 40-сантиметровой решеткой. Стены колодца отнюдь не гладкие: на них много выступов, за которые можно ухватиться. Наибольшая глубина колодца — 176 сантиметров, в то время как рост Кальцолари 180 сантиметров. Более того, уровень воды в колодце не превышает 80 сантиметров. Трудно себе представить, чтобы охотничья собака могла попасть в подобную ловушку. И уж совсем невозможно вообразить, что Кальцолари, специалист по карате, великолепный подводный пловец, мог утонуть в 80 сантиметрах воды.

Далее, каким образом можно объяснить тот факт, что машина Кальцолари была найдена непосредственно у его дома? Для чего тогда ему понадобилось идти пешком в другой конец города?

Все эти вопросы побудили следователей не сдавать в архив дело Кальцолари, а начать расследование этой таинственной гибели.

Что касается родственников Кальцолари, то они полностью убеждены в насильственной смерти Армандо...

Когда журналисты спросили Боргезе, что он думает об этой смерти, князь долго не мог

«вспомнить», о ком идет речь. «Уж не о нашем ли телефонисте?» — обратился он к своему секретарю. «Да-да», — ответил тот. «Ах, бедняга! — вздохнул Боргезе. — Нужно выразить наши соболезнования его семье...»

Кальцолари, впрочем, не единственный из тех, кого охотно выслушал бы следователь и кто бесследно пропал или был уничтожен.

В конце января 1972 года следователь Стиц вызвал для дачи показаний 30-летнего Габриэле Форциати — одного из идеологов «Нового порядка», вернувшегося вместе с Раути в ИСД.

Форциати позвонил по телефону и сообщил, что чувствует себя плохо, в связи с чем попросил отложить беседу на несколько дней. С этого момента, однако, он также исчез.

Форциати был в ссоре со своими «друзьями» по фашистской партии: в октябре 1971 года он подал жалобу на Фреду и двух фашистов из Триеста, обвиняя их в вымогательстве. По словам Форциати, эти трое попытались заставить его под угрозой шантажа выдать им полмиллиона лир в течение летних месяцев. «Если ты не дашь деньги, — было будто бы сказано ему, — Фреда вовлечет тебя в свое дело. И тогда тебе тоже не избежать неприятностей». Как раз для уточнения этой жалобы Стиц и хотел побеседовать с Форциати.

Мать исчезнувшего свидетеля сообщила, что через несколько дней после вызова к следователю три человека пришли к ним в дом и увезли Габриэле на машине. Имен этих людей она вспомнить не может.

Возникает вопрос: увезли куда? В одну из клиник Болоньи для прохождения курса лечения, отвечает мать Форциати. Однако ни в одной из лечебниц города не удается найти никого, кто бы по фамилии или по внешнему виду походил на Форциати.

«Форциати не исчез — в этом можно быть уверенным. Только что из кругов, близких к следственным органам, просочилась гипотеза в виде весьма тревожного вопроса: а если его уничтожили?» — писала римская газета «Паэзе сера».

Множество и других странных смертей, исчезновений, жутких по своей сути совпадений характеризует все это дело. И было бы достаточно описания всех этих «тайн» для того, чтобы восстановить все стороны плана реакционного переворота, указывает газета «Унита».

Одна из таких «тайн» — самоубийство адвоката Амброзини, бывшего шпиона ОВРА¹, сохранившего и впоследствии связи с крайне правыми кругами. Сразу же после взрывов 12 декабря Амброзини подготовил для тогдашнего министра внутренних дел, являющегося его крестником, досье, в котором утверждал, что бомба, взорвавшаяся на площади Фонтана, была установлена фашистами. Он знал об этом поскольку принимал участие в заседании «Национального фронта» 6 декабря.

...Витторио Амброзини «упал» из окна больницы, в которой он находился на лечении.

Другой свидетель, чьи следы потеряны, — это Несторе Крочези. Ему 31 год, родом он из Ри-

---

¹ ОВРА — тайная полиция фашистского режима. Название ОВРА было придумано самим Муссолини. В конце 1926 года он писал в циркуляре для высших чинов полиции: «Мы объявим, что создана особая полицейская служба, не подчиненная ни одному из министерств и несущая ответственность лично передо мною. Службу эту мы будем именовать ОВРА. Позволим итальянцам строить домыслы, дадим им возможность толковать эти четыре буквы как им заблагорассудится. не будем торопиться удовлетворять их любопытство, и тем самым мы достигнем результата: внушим им священный страх. А чем больший страх они будут испытывать, тем спокойнее будут вести себя...»

мини. Выполнял роль телохранителя Альмирранте, когда тот совершал поездки в северные районы страны, в связи с чем был неоднократно сфотографирован вместе с руководителями ИСД.

Крочези — опытный фашистский бандит. Сразу же после взрыва на площади Фонтана некий инженер Новали, предприниматель из Бергамо, оказавшийся в тот момент перед Сельскохозяйственным банком, видел, как какой-то человек подбежал к машине марки «Джулия» красного цвета и быстро уехал. На допросе Новали показал, что помнит достаточно хорошо только водителя быстро уехавшей машины. Вместе с полицейскими специалистами он воссоздает его портрет, поражающий своим сходством с Крочези.

...Крочези исчез вместе с Джаплуиджи Радиче, руководителем ИСД в Милане. Оба они обвиняются в организации взрыва в Миланском католическом университете...

Но вернемся к Боргезе.

Выступая перед своими единомышленниками в начале января 1970 года, он в декабрьских событиях выделяет три момента:

Во-первых, эффективность тактики проникновения в левацкие группы с целью организации провокаций от их имени и создания в стране обстановки постоянной социальной напряженности.

Во-вторых, князь указывает на недостатки работы неофашистских сил в армейских кругах, а также в государственном аппарате и полиции. И именно в этом направлении руководитель «Национального фронта» предлагает действовать с особой настойчивостью.

В-третьих, Боргезе много говорит о необходимости отказаться от «глобальной стратегии», призывая к четкой локализации действий, к

использованию местных особенностей и специфики, к учету требований различных слоев населения.

Весьма показательны, что с аналогичными тезисами выступил на IX съезде ИСД (ноябрь 1970 года) и лидер ИСД Альмиранте, что вновь доказывает тесное «родство душ» этих виднейших главарей неофашизма.

С января 1970 года по март 1971 года неофашистами (и мы не указываем отдельно акции той или иной организации, поскольку люди Альмиранте, Боргезе, Раути, Делле Кьяйе действуют в четком и тесном взаимодействии) было совершено 74 нападения на людей, в результате которых один человек был убит и 69 ранено; 54 террористических акта с использованием взрывчатки и бомб; 89 вооруженных налетов; 59 нападений на здания демократических организаций, из которых 32 — с поджогом; 49 спровоцированных столкновений с полицией с использованием петард и булыжников; тысячи инцидентов, драк, попыток запугивания, угроз убийства...

В промышленно развитых районах Северной Италии неофашистские организации выступают в качестве главного подспорья хозяев в их антирабочей политике, направленной на раскол трудящихся, на подрыв их совместных выступлений. В чем суть этой тактики, можно судить по рассказу одного из профсоюзных активистов завода ФИАТ в Ривальте, опубликованному еженедельником «Эспрессо»:

«Началось это в сентябре 69-го. В то время здесь, в Ривальте, профсоюзное движение было довольно скромным: отказ от работы во внеурочное время, первые стихийные забастовки на рабочих местах. Однажды около часа ночи меня разбудили, говорят: «Спустись вниз, надо поговорить». Я отвечаю: «Говорите, что вам

надо, здесь». Тогда двое схватили меня, а третий стал топтать ногами. Я закричал, но они продолжали меня бить...

Через десять дней все повторилось. Около семи утра меня подкараулили у дома двое. Правда, я уже был готов к такой встрече, одного мне поначалу удалось уложить. Но их все-таки было двое, они скрутили меня и здорово избили. Даже сломали ребро...»

Во всех этих случаях, однако, неофашисты, будь то ИСД или «Национальный фронт», отнюдь не афишируют своего участия. Более того, организовав провокацию, чернорубашечники первыми начинают клеймить ее «инициаторов», намекая при этом, что речь идет о левых силах, и представляя себя единственными гарантами порядка в стране.

Иное дело на Юге. Здесь неофашистские силы выступают совершенно открыто, стремясь создать именно в этих зонах своеобразный плацдарм для завоевания всей Италии. Низкий культурный уровень южных районов, наличие огромной армии люмпен-пролетариев создали здесь особые условия, при которых, как пишет теоретический еженедельник ИКП «Ринашита», всегда находилось место для идей и идеологических полуфабрикатов, которые политические консервативные силы использовали или пытались использовать для того, чтобы либо помешать массам осознать подлинные проблемы, либо чтобы подтолкнуть народ к таким действиям, которые играли бы на руку господствующим местным группировкам.

Это со всей наглядностью показали события в южноитальянском городе Реджо-ди-Калабрия, в которых «черный князь» Боргезе сыграл одну из главных ролей.

В течение многих месяцев в 1970—1971 годах сообщения из этого города напоминали сводки

с театра военных действий. Бурные демонстрации и митинги перемежались прямыми столкновениями населения с полицией и карабинерами. Подступы к двум окраинным районам, населенным преимущественно городской беднотой, оказались перегорожены баррикадами. Несколько раз положение в Реджо-ди-Калабрии обострялось до такой степени, что столкновения принимали характер настоящих уличных боев: звучали выстрелы, в ход шли ручные гранаты и бутылки с зажигательной смесью. Эти вспышки «военных действий» не могли не повлиять на всю жизнь города: месяцами здесь были закрыты ворота фабрик, пустовали стройки, не работали школы, не поднимались железные шторы магазинов. Неоднократно прерывалось проходящее через Реджо железнодорожное сообщение с Сицилией.

Что же произошло в Реджо-ди-Калабрии? Для ответа на этот вопрос придется сделать небольшое отступление.

Широко известно, что история Юга Италии — это история нищеты и отсталости, массовой эмиграции и безработицы, история грабежа материальных и людских ресурсов Юга монополиями-гигантами, подавляющая часть которых находится в Северной Италии.

Только из Калабрии, одним из главных городов которой является Реджо, с начала века эмигрировало около 2 миллионов трудящихся, гонимых нищетой и безработицей. Это примерно столько же, сколько составляет нынешнее население области. Ныне число эмигрантов отсюда превышает естественный прирост населения. Занимая одно из первых мест в стране по уровню эмиграции и безработицы, Калабрия прочно стоит на одном из последних мест по обеспеченности трудящихся жильем, медицинским обслуживанием, школами.

Для сохранения своих привилегий местная правящая верхушка в южных областях Италии широко использует метод, называемый на итальянском политическом жаргоне словом «соттоговорно» — сложную систему, сочетающую использование в корыстных целях позиций в различных государственных и муниципальных учреждениях, шантаж и оказание всякого рода протекций «своим людям».

Препятствуя проведению на Юге глубокой аграрной реформы и широкой индустриализации, деятели «соттоговорно» способствуют умножению всякого рода «благотворительных» обществ и организаций. В итоге в сегодняшней Калабрии, например, число лиц, получающих пособия по бедности и безработице и другого рода мизерные подачки, значительно больше, чем число лиц, обеспеченных работой.

Эта система позволяет местным боссам не только обогащаться, но и одновременно сохранять свой контроль над значительными слоями населения, в первую очередь над такими его категориями, как безработные, изгнанные из деревни и сосредоточенные в перенаселенных городах побережья, выпускники высших и средних учебных заведений, не нашедшие работы, студенты без всяких перспектив.

Местная реакционная верхушка в Калабрии была не на шутку озабочена тем, что создание в Италии областной системы самоуправления, введенной в середине 1970 года в результате многолетней борьбы демократических сил, может если и не ликвидировать механизм «соттоговорно», то, во всяком случае, серьезно ограничить его.

Это и побудило силы реакции встать на путь прямой провокации. Формально мятеж развернулся под лозунгом: «Административный центр — в Реджо, а не в Катандзаро». На деле

же инициаторы движения за «Реджо-столицу», используя свои традиционные средства — обман, демагогию и коррупцию, спекулируя на тяжелом положении калабрийских трудящихся, поставили задачу подтолкнуть трудящихся Юга к выступлениям за фальшивые местнические лозунги, с тем чтобы разобщить их силы и отвлечь от подлинных задач борьбы за социальный прогресс.

Мятеж возглавил мэр города Реджо-ди-Калабрия, правый христианский демократ Пьеро Батталья, о котором местный руководитель ИСД сказал: «Мы должны быть благодарны этому человеку за то, что он взял в свои руки наш факел».

Боргезе же и другие неофашистские лидеры взяли на себя более сложную задачу — организацию банд провокаторов и их переброску в Реджо.

Совершив длительную «инспекционную поездку» по южным областям, князь провел специальное совещание с крупными калабрийскими аграриями в городке Джойа Тауро, в 50 километрах от Реджо. О чем шла речь, с точностью неизвестно. Однако есть все основания утверждать, что главной целью этой встречи был сбор средств для оплаты неофашистских молодчиков. Деньги, безусловно, были получены, и немалые. Это видно хотя бы из «прейскуранта», по которому Боргезе платил террористам: участие в «обычной» демонстрации (выкрики лозунгов, организация небольших драк) — 2 тысячи лир, в акциях с «возможными осложнениями» — 3 тысячи лир, нападение на демократических деятелей или разгром помещений профсоюзных и других общественных организаций — 6 тысяч лир. Учитывая, что участникам «акций» оплачивался проезд к месту провокации, а также «командировочные»,

можно себе представить, сколь дорогостоящим был мятеж в Реджо. По некоторым данным, ежемесячно на эту, по определению журнала «Темпо», «перманентную провокацию» расходовалось около полутора миллиардов лир (более 2 миллионов рублей по официальному курсу).

Особенно бурную деятельность по разжиганию волнений в Реджо развил некто Амедео Матачена — в прошлом сотрудник социал-демократической газеты, а ныне владелец паровой компании «Харонт». Он не скрывал, что оплачивает листовки и плакаты штаба мятежа, так называемого «комитета действия». Принадлежавшие ему грузовики доставляли материалы для строительства баррикад, а самого Матачену (с его неизменным амулетом на груди — зубом тигра на серебряной цепочке) можно было видеть в первых рядах манифестаций за право Реджо стать столицей области. Матачена публиковал подстрекательские статьи и воззвания в местной газете, рассылал в крупнейшие еженедельники Италии свои интервью, содержавшие утверждения, что жители Реджо полны решимости вести «постоянную партизанскую войну». При этом, правда, он не уточнял, что среди «партизан» значительную группу составляли головорезы из... Катандзаро, вдруг проявившие трогательную солидарность с жителями города-соперника.

Вместе с Матаченой в качестве вдохновителей движения за «права Реджо» выступили и другие местные боссы: крупный торговец кофе Деметрио Мауро, личный представитель Боргезе Феличе Дзерби, его друг барон Ливио Муско.

Особую «известность» среди мятежников приобрел руководитель местного неофашистского профсоюза Чиччо Франко. Выкрикивая нацистские лозунги, он бросался в самую гущу боев,

размахивая при этом то железной цепью, то дубинкой с железным наконечником. Этот «героизм» не прошел незамеченным: на парламентских выборах Чпччо Франко по рекомендации самого Альмиранте был выдвинут кандидатом в сенаторы, несмотря на то, что на его счету, по крайней мере, десятки покалеченных людей.

Выступления в Реджо получили и благословение со стороны реакционного духовенства в лице местного епископа. Чтобы «освятить» их, была даже потревожена и вынесена из монастыря местная святыня — статуя «пресвятой девы-утешительницы».

Ни от кого не ускользнул тот факт, что, демагогически призывая к борьбе против центрального правительства, главари «комитета действия» на деле постарались направить выступления против демократических партий и организаций.

«Одна из целей «агитаторов», кем бы они ни были, — писал флорентийский еженедельник «Мондо» о событиях в Реджо, — явно состояла в том, чтобы нанести удар по левым партиям, в первую очередь по ИКП и ИСП, чтобы вызвать кризис в их местных организациях и в конечном счете сохранить административные и эконоимические привилегии, которыми пользуется определенный политический класс».

Обращает на себя внимание и то обстоятельство, что одновременно с «бунтом» в Реджо волна неофашистских вылазок прокатилась по всей стране: в Риме и Катании, в Модене и Сассари фашистские погромщики нападали на активистов демократических организаций, подкладывали бомбы к зданиям секций ИКП и ИСП; в Мессине и Неаполе банды чернорубашечников творили бесчинства в университетах;

в Катапдзаро 4 февраля 1971 года во время демонстрации трудящихся фашисты убили рабочего-социалиста Джузеппе Малакарна. И наконец, правые экстремисты перешли к активным действиям в области Аbruццо, где в городе Аквила ими были разгромлены здания местных федераций демократических партий, включая даже те, что входили в правительственную коалицию.

Все это подтверждает, что события в Реджо были задуманы наиболее реакционными группами монополистического капитала Италии как своеобразная «проба сил».

Однако реакция потерпела поражение и на этот раз. По всей Италии прокатилась волна массовых антифашистских митингов и демонстраций с требованием пресечь деятельность фашистских банд и покончить с попустительством властей в отношении вылазок правых экстремистов. В самых различных районах страны, в городах, на промышленных предприятиях были созданы объединенные антифашистские комитеты. Образован такой комитет и в общенациональном масштабе.

Массовые выступления трудящихся, активная деятельность левых сил заставили итальянские власти принять некоторые, хотя и очень нерешительные, меры: был арестован Матачена и еще несколько вожаков «бунта» в Реджо. (Вскоре, правда, все они вновь получили возможность разгуливать на свободе.) Было принято, наконец, компромиссное решение и о местонахождении областных органов: исполнительный орган (джунта) будет находиться в Катапдзаро, местом же пленарных заседаний областного парламента станет Реджо.

Впрочем, положение в Реджо постепенно нормализовалось не столько благодаря этому половинчатому решению, сколько потому, что

жители города в конце концов поняли истинные цели демагогической пропаганды деятелей из «комитета действия».

Сегодня все больше калабрийских трудящихся отдает себе отчет в том, что действительным интересам борьбы за возрождение Юга отвечает не объединение под демагогическими местническими лозунгами, а подлинное единство всех трудящихся — Реджо и Катавдзаро, Калабрии и Ломбардии, Юга и Севера — в борьбе против политики монополий, за социальный прогресс своей страны, к которому призывают левые силы Италии, и в первую очередь ИКП.

Принимая активное участие в «бунте» в Реджо, создавая мобильные отряды террористов, Боргезе в то же время отрабатывает на практике отдельные элементы своего плана «создания нового политического порядка» на Апеннинах.

4 декабря 1970 года в своем кабинете на римской улице имени Джованни Ланца князь принимает корреспондента газеты «Стампа»; это первое его интервью после долгих месяцев молчания.

Боргезе за последние годы слегка потолстел и погрузнел. У него дряблые щеки, нездоровый цвет лица.

Кабинет буквально забит письмами, открытками, плакатами «Фронта». Почти половину комнаты занимает огромный шкаф с вмонтированным в него сейфом. «Там у меня документы, хочу написать историю моей флотилии, да вот все нет времени», — замечает Боргезе.

А между тем среди этих документов — если там, конечно, вообще были документы — уже лежал готовый, разработанный до мельчайших деталей план под условным названием «Ночь

святой мадонны». Реализация плана должна начаться ровно в полночь 7 декабря.

Что же говорит Боргезе за трое суток до наступления дня «Х»?

— *Князь, что вы думаете о возможности переворота в Италии?*

— В нем нет необходимости. У нас настолько все расшатано, что режим рухнет сам по себе. Достаточно лишь небольшого толчка.

Что же касается «Национального фронта», то нас не интересует государственный переворот как таковой. Главное в нашей программе, в нашем уставе — восстановление высших ценностей итальянской цивилизации.

Если государственный переворот отвечал бы этой созидательной цели, мы, несомненно, расценили бы его как положительный факт. Так, государственный переворот в Греции¹ был, безусловно, положительным моментом, поскольку он воспрепятствовал приходу к власти Народного фронта. Ведь переход к коммунистическому режиму, на наш взгляд, — это наибольшее из зол, какие могут выпасть на судьбы народа.

— *Вы говорите, князь, что ваш «Фронт» готов заменить существующее сегодня государство. Когда же, по-вашему, наступит этот день?*

— Думаю, что очень скоро. Думаю так потому, что жажда порядка, справедливости, честности, жажда труда с уверенностью в спокойном завтрашнем дне, на мой взгляд, очень распространена повсеместно. Мы же как раз и пытаемся принести людям эту уверенность.

— *Что вы думаете о трагедии в Милане?*

— До сих пор я не могу понять, какую пользу могла бы извлечь из акции, подобной миланской, какая бы то ни было политическая партия. Единственная сила, в политике которой такие действия нашли бы оправдание, — это анархисты (курсив наш. — А. В.).

...С раннего утра 7 декабря 1970 года Боргезе с группой ближайших помощников находился на одной из римских конспиративных квартир, откуда руководил всей «операцией». По замыслу князя, в перевороте кроме «Национального авангарда» должны были принять участие та-

¹ Имеется в виду военно-фашистский переворот 21 апреля 1967 года.

кие крайне правые организации, как «Цивилизованная Европа» и «Национальная ассоциация парашютистов», а также группа членов ИСД во главе с одним из наиболее воинственно настроенных лидеров этой партии — Джулио Карадонной. Кроме того, поддержку обещали некоторые воинские подразделения, среди которых отряд «лесных гвардейцев»¹ под руководством полковника Берти, дислоцирующийся недалеко от Рима.

План предусматривал захват ряда важных министерств и ведомств, зданий радио и телевидения, откуда Боргезе намеревался обратиться с «историческим» воззванием к нации (в материалах следствия имеется один из вариантов речи с пометками самого князя. Он заканчивается словами: «Итальянцы! Великий час свободы настал!»), а также арест видных руководителей коммунистической и социалистической партий, лидеров профсоюзов и других демократических организаций трудящихся.

К вечеру одна из наиболее крупных групп путчистов — 200—250 человек — собралась в гимнастическом зале «Национальной ассоциации парашютистов». Вошел пожилой человек. Все присутствующие приветствовали его.

«Я полковник полиции,— заявил он.— Коммунисты готовы захватить Италию. Мы должны их опередить, так как правительство не в состоянии защитить себя. Американцы согласны с нами. Этой ночью мы займем министерства и телевидение. Вам нечего бояться. Никакого сопротивления нигде не будет, за исключением, возможно, телевидения. Мы не одиноки. Есть танковые части, которые готовы высту-

---

¹ Воинские подразделения, занимающиеся охраной лесов: тушением пожаров, предупреждением браконьерства и т. д.

пить на нашей стороне. Армия с нами, но начать должны мы. Завтра утром князь Боргезе объявит по телевидению, что страна спасена. Он будет вторым Муссолини...»

Позднее один из очевидцев так рассказывал о происходившей в зале сцене: «Молодые люди в штатском внесли в зал ящики с оружием. Полковник лично открыл один из них. Там были автоматы, винтовки и пистолеты. Ветераны показали молодым, как ими пользоваться. Затем мы стали ждать. Юноши увлеклись. Они радостно прыгали с автоматами в руках».

Главная задача — захват министерства внутренних дел был поручен Делле Кьяйе. При этом Боргезе уточнил, что в случае сопротивления членам «Национального авангарда» следует без промедления применить оружие, не останавливаясь перед физическим уничтожением «противника».

Однако все прошло благополучно. За несколько минут до того, как Делле Кьяйе отдал приказ, охрана министерства, всегда многочисленная и хорошо вооруженная, вдруг покинула свои посты. Заговорщики беспрепятственно вошли в здание. Там к ним присоединились «рабочие», проникшие в министерство еще днем. В 23.30 Делле Кьяйе сообщил Боргезе: «Все по плану».

Аналогичное сообщение поступило и от полковника Берти, чьи «гвардейцы» к тому времени окружили здание радио и телевидения...

За окнами лил проливной дождь. Стрелка часов приближалась к полуночи. Делле Кьяйе занял место у главного пульта связи министерства, готовясь отключить его от всех полицейских управлений Италии. Другие участники путча жевали бутерброды, пили кофе, а кое-кто от нечего делать даже фотографировался «на память».

Боргезе между тем связался по телефону с другой конспиративной квартирой, где собралась большая группа военных, а также политических деятелей и предпринимателей. Неизвестно, что говорил князь и что отвечали ему «сильные мира сего». Факт остается фактом: с опозданием в полчаса руководители всех групп наконец получили приказ. Но какой?!

«Операция отменяется. Все по домам!»

Стефано Делле Кьяйе поначалу наотрез отказался выполнить приказ, заявив, что совершено предательство. Ремо Орландини, который в правительстве Боргезе должен был занять пост министра внутренних дел, растерянный и подавленный, отправился за объяснениями к князю. Но того уже и след простыл. Лишь обрывки каких-то бумаг да окурки выдавали, что здесь кто-то недавно был...

О попытке переворота Италия узнала лишь через три месяца — в марте 1971 года. Тогда же был выписан и ордер на арест Боргезе. Но легко догадаться, что к этому времени «черный князь» был уже далеко за пределами страны. Остановившись на некоторое время в Греции (где, как он заявлял в уже упомянутом выше интервью, у него не было ни друзей, ни знакомых, тем более в кругах КИП!), Боргезе затем под прикрытием греческих секретных служб (это уже достоверно!) перебрался в более надежное место — в Испанию, куда его давно «приглашал» старый друг Отто Скорцени...

Комментируя это очередное «предприятие» князя, многие органы печати отмечали, что, конечно, нелепо принимать всерьез акцию сотни-другой штурмовиков, пусть даже захвативших некоторые стратегические пункты столицы. Опасность, и очень крупная, заключалась в другом: «Национальный фронт» и «Национальный авангард», по всей вероятности, должны

были сыграть роль своеобразного детонатора, спровоцировать вмешательство других сил. Более могущественных и более решительных.

Но каких?

Арестованный по обвинению в принадлежности к крайне правой организации Роберто Кавалларо в интервью миланскому еженедельнику «Эуропа» заявил: «Помимо членов моей организации о предстоящем перевороте в Италии было известно двум иностранным державам. Могу уточнить, что одна иностранная секретная служба знала все; что была информирована штаб-квартира НАТО; что вся армия находилась в состоянии боевой готовности. Итальянцы не знают, что все было тщательно подготовлено уже давно, что проводились оперативные совещания с участием американских офицеров и с согласия командования НАТО».

Весьма мрачно звучат в связи с этим слова тогдашнего генерального секретаря НАТО Манлио Брозио, произнесенные им в феврале 1971 года на церемонии очередного выпуска римского «Колледжа защиты НАТО». Задав вопрос о том, имеет ли НАТО право вмешаться в дела какой-либо страны в случае, если коммунисты или другие враждебные этой организации партии возьмут власть в свои руки, Брозио отвечает: «Не следует закрывать глаза на тот факт, что присутствие коммунистов в правительстве одной из союзных стран рано или поздно могло бы практически привести к неизбежному выходу этой страны из Атлантического союза, даже несмотря на тот факт, что соответствующие формальные мероприятия и не были бы приняты сразу же. Очевидно, что такая ситуация, а она все более складывается в Италии, непосредственно и глубоко обеспокоила бы Атлантический союз... Какие конкретные меры предприняли бы органы НАТО на

дипломатическом уровне и каковы были бы последствия этих мер, никто не в состоянии предусмотреть, и я не беру на себя риск выступать с какими бы то ни было предположениями».

Впрочем, ответ на этот вопрос дает план «Прометей», разработанный службами НАТО и использованный греческими полковниками в апреле 1967 года.

Показательно, что месяц спустя после военно-фашистского переворота в Греции адмирал Джон Гамильтон, в то время командующий вооруженными силами НАТО на Средиземном море, выступая на одном из заседаний Совета НАТО, состоявшемся на Мальте, попытался оправдаться следующим образом: «Долговременная безопасность стран НАТО не ограничивается лишь сохранением наших границ с советским блоком. На нее оказывают влияние также позиции и политическое устройство государств, которые находятся вблизи от стран НАТО».

Выступая с докладом на пленуме ЦК Итальянской коммунистической партии в марте 1971 года, член Руководства ИКП Джорджо Амендола отмечал: «Продолжает оставаться в силе американская угроза прибегнуть к методам прямого вмешательства, к использованию консервативных сил, имеющих в левоцентристской коалиции и особенно внутри ИСДП и правых течений ХДП, с тем чтобы навязать консервативное решение итальянского политического кризиса.

В то же самое время американское правительство через посредство своих секретных служб мобилизует фашистские организации и другие правые силы на создание в стране условий для фашистского переворота.

Эти две линии (консервативное решение кризиса и фашистский переворот) не исключают

друг друга, а направлены на достижение одной цели: остановить и отбросить назад все более крепнущее рабочее и демократическое движение в Италии».

Боргезе в этих планах играл, безусловно, не последнюю роль.

Долгое время оставался невыясненным вопрос, почему столь тщательно разработанный план, реализация которого уже началась, так и не был доведен до конца.

Одно из объяснений дал сам Боргезе в интервью корреспонденту газеты «Стампа», которого он согласился принять, находясь уже за границей. Заявив, что среди депутатов парламента, в армейских кругах, а также в полиции у него есть множество последователей, князь сказал, что именно эта «пятая колонна» струсила в решающий момент.

Поговаривают также, что к провалу переворота приложил руку и Альмиранте, испугавшийся, что Боргезе в случае удачи оттеснит его на задний план.

Наиболее достоверное объяснение этих фактов, впрочем, содержится в одном из секретных документов СИД, просочившихся в печать, где отмечается, что провал переворота был обусловлен прежде всего тем, что группа генералов, обещавшая Боргезе поддержку, в последнюю минуту отказалась следовать приказам «Национального фронта», будучи недовольной распределением мест в правительстве заговорщиков, а вернее, не веря в успех переворота.

...Проходит несколько недель, и лишь 20 января 1970 года руководящий комитет «Фронта» собирается на новое заседание. На сей раз оно проходит в Риме. Обстановка в организации явно не из лучших. Ряд делегатов с мест сообщает о своем намерении выйти из нее и начать самостоятельную деятельность.

Обращает на себя внимание тот факт, что среди руководителей «Национального фронта» присутствует и новый человек — некий Джанкарло Де Марки, адвокат по профессии, имеющий свою контору в Генуе. Улучив момент, Де Марки просит слова. Он заявляет, что говорит от имени весьма влиятельных «друзей», которые согласны и впредь финансировать деятельность «Фронта» при условии, однако, что его планы будут поставлены на более серьезную основу. Среди тех, кто обещает свою поддержку, называется и имя Андреа Пьяджо, владельца многих фирм и компаний, на чьем банковском счету около полутора триллионов лир.

Боргезе слушает Де Марки с большим вниманием, и уже на следующий день Ремо Орландини в качестве специального представителя князя едет в Геную для переговоров. Встречи с генуэзскими промышленниками оказываются очень полезными: только Пьяджо намерен выделить на нужды «Фронта» 200 миллионов лир. Не отстают от него и другие.

В целях конспирации принимается решение не упоминать больше «Национальный фронт» ни в переписке, ни в разговорах. Вся деятельность Боргезе, связанная с Лигурией, отныне называется операциями «генуэзской фирмы».

После того как князь «отбывает» в Испанию, пост его полномочного представителя занимает один из руководителей «Фронта» — Чабатти. С мандатом Боргезе он начинает реорганизацию «Фронта», на что уходит около двух лет. Усилия Чабатти направлены в первую очередь на завоевание сторонников в армии. По указанию «черного князя» он «обхаживает» прежде всего адмирала Росселли Лоренцини, чье имя уже в конце 1971 года Чабатти использует в беседах для доказательства серьезности намерений своей организации.

Несмотря на «бурную» деятельность, Чабатти не достигает особых результатов. «Фронт» может полностью рассчитывать только на две свои группы: римскую и генуэзскую. Чабатти обвиняют в бездействии и пассивности. Кроме того, в неофашистских кругах все более распространяется убеждение, что в своем нынешнем виде «Фронт» не в состоянии выполнить тех задач, которые перед ним ставят его покровители.

В мае 1973 года Чабатти вновь отправляется в Испанию и предлагает Боргезе преобразовать «Фронт» в партию. Получив решительный отказ, он, уставший и разочарованный, покидает свой пост.

Тогда в Испанию едет Де Марки и становится новым уполномоченным Боргезе в Италии. Он, так же как и его предшественник, лихорадочно ищет новых связей. Контакты и встречи выводят его на действующую в Падуе группу неофашистов во главе с Дзаголином, Риццато и Рампаццо. Члены этой организации знают о субсидиях Пьяджо и весьма заинтересованы поэтому в сотрудничестве с Де Марки.

Наибольшим авторитетом в этой группе пользуется Эудженио Риццато, во времена «республики Салó» возглавлявший фашистскую полицию в Местре — рабочем пригороде Венеции. В 1947 году он был осужден на 30 лет тюремного заключения, однако, как и многие его «коллеги», уже в 1951 году вышел на свободу. Через Риццато падуанская группа поддерживает связи с неофашистским формированием в армии, которым руководит подполковник Амос Спьяцци.

На основе «генуэзской фирмы», группы Ремо Орландини в Риме, неофашистов Падуи Де Марки создает новую сеть «оперативных групп», способных в случае переворота органично взаимодействовать с другими отрядами правых сил, как легальных, так и подпольных.

4 августа 1973 года на заседании верхушки обновленного «Фронта» намечаются сроки нового переворота: август — октябрь 1973-го, начало 1974 года.

Но здесь заговорщиков ожидает серьезный удар: полиция, ведущая расследование крупных утечек итальянского капитала за границу, случайно обнаруживает существенные «прорехи» в счетах фирмы «Гайана», принадлежащей Андреа Пьяджо. Речь идет как раз о тех 200 миллионах, которые генуэзский босс ссудил в свое время на организацию переворота.

Пьяджо прикидывается удивленным и, не долго думая, сваливает всю вину за незаконные операции на своего главного бухгалтера Аттилио Леркари (который к этому времени уже находился в Швейцарии!). Леркари же, заметим, был по совместительству и одним из казначеев «генуэзской фирмы». Находясь в безопасности, он раздает направо и налево интервью, цель которых, по его словам, оградить «свое доброе имя от клеветы». От Леркари, таким образом, ниточка следствия вновь возвращается к Пьяджо, а заодно и к Де Марки. Оба попадают за решетку. И если для последнего арест превращается в длительное заключение, то для миллиардера — это лишь досадная неприятность. Его общение с полицейскими органами носит характер откровенного фарса.

Мы восстановили этот эпизод из жизни и ныне здравствующего Андреа Пьяджо по сообщениям журналов «Панорама», «Эспрессо» и ряда газет.

«Когда стало совершенно очевидно, что ареста не избежать, — пишет «Панорама», — адвокаты Пьяджо вступили в переговоры со следователем, прилагая максимум усилий для того, чтобы хоть как-то подсластить горечь известия своему клиенту.

После долгих дебатов было согласовано:

1. Учитывая особую чувствительность миллиардера ко всякого рода переменам, сообщение об аресте будет передано ему минимум за три дня.

2. В силу присущей Пьяджо стыдливости наручники применяться не будут.

3. Принимая во внимание широкую популярность обвиняемого, арест будет произведен не в его городской резиденции, а в сельском поместье, недалеко от Падуи.

4. Загруженность синьора Пьяджо делами обуславливает тот факт, что его арест не может быть произведен ни в один из рабочих дней.

Следователь полностью выполнил взятые на себя обязательства. В одну из суббот он прибыл в местечко Монселиче и ровно в 10.00 принял миллиардера в кабинете полицейского начальника. Описывая эту встречу, печать указывала: «Двубортный темно-серый костюм Пьяджо, элегантная сорочка тончайшего белого батиста и галстук по последней парижской моде явно не гармонировали с окружающими стенами. Он казался принцем, заметил один из присутствующих карабинеров».

Беседа (разумеется, не допрос!) продолжалась четыре часа. Затем миллиардер трогательно попрощался с женой и с большим достоинством отправился к ожидавшему его черному мерседесу с цивильным номером. Обед синьору Пьяджо его личный повар доставил уже в тюрьму...

...Ровно два месяца спустя «Пьяджо на том же черном мерседесе отбыл в частный санаторий, несомненно более, чем тюрьма, соответствующий его физическому и материальному состоянию».

Все это звучит, как шутка. Но если бы это была шутка!

...28 мая 1974 года во время антифашистской демонстрации в городе Брешиа, недалеко от Милана, взорвались бомбы. Восемь человек было убито, 90 — ранено. Как выяснилось впоследствии, эта провокация должна была стать сигналом для начала реализации нового варианта «Ночи святой мадонны». Однако в системе Боргезе опять что-то не сработало.

Для уточнения плана и внесения в него некоторых изменений группа фашистов в конце июля едет в Мадрид, где встречается с Боргезе и Делле Кьяйе.

Князь сообщает собравшимся о своих контактах с главарем чилийской хунты Пиночетом, от которого в июне 1974 года «Фронт» получил крупную помощь. Часть этих средств (10 миллионов лир) Боргезе предлагает использовать для создания в испанской столице или в Барселоне «экспортно-импортной конторы», которая занялась бы переброской в Италию оружия.

Очередной вариант плана переворота, окончательно утвержденный на мадридской встрече, включает три главных момента: серию «показательных политических убийств», волну диверсий по всей стране (заражение водопроводной сети Рима и других крупных городов радиоактивными отходами, взрывы в банках, на железных дорогах, в ряде общественных учреждений), вмешательство армии, которая выступила бы в роли «спасителя нации» от смуты и беспорядков.

Среди тех, кто должен был погибнуть уже в первые минуты путча, — руководители крупнейших профсоюзных организаций и левых партий, прогрессивно настроенные следователи и прокуроры, а также ряд министров от Христианско-демократической партии, «не проявивших достаточной твердости в борьбе против коммунизма».

Когда бывшему министру внутренних дел Паоло Эмилио Тавиани показали листок, где речь шла об ожидавшей его участи, он долго не мог прийти в себя; фашисты, как следовало из записей, прекрасно знали все привычки и распорядок дня министра, в соответствии с чем разработали план его уничтожения до самых мельчайших деталей — в расчетах было указано даже количество машин, необходимых для того, чтобы не потерять из виду автомобиль министра при его переезде из Рима в Геную, а также количество и качество взрывчатки. Взрыв было намечено осуществить при помощи дистанционного устройства, причем в тот момент, когда машина будет проходить в одном из узких мест дороги у самой пропасти...

...4 августа 1974 года. Международный экспресс «Италикус», следовавший из Рима в Мюнхен, выходил из туннеля «Апеннино», одного из самых длинных в Европе, когда в одном из вагонов взорвалась бомба замедленного действия. Итог этой новой кровавой бойни — 12 убитых, 48 раненых. Жертвы были бы неизмеримо большими, прозойди взрыв на несколько минут раньше, когда состав еще находился в туннеле: обрушившиеся своды сделали бы спасательные работы попросту невозможными.

Так же как и провокация в Брешии, взрыв в «Италикусе» должен был стать сигналом для выступления заговорщиков по всей Италии. Но и эта попытка окончилась неудачей: сведения о готовившемся перевороте просочились в министерство внутренних дел, в результате чего в армии и полиции была объявлена повышенная боевая готовность, охрана важнейших ведомств получила существенные подкрепления...

На этом и заканчивается последняя глава жизни «черного князя» Юнио Валерио Боргезе. Спланировавший и осуществивший множество

убийств, ни на один день не прекращавший своей подрывной деятельности против Итальянской республики, он и сам умер в конце августа 1974 года при чрезвычайно странных обстоятельствах.

Когда гроб с телом Боргезе был доставлен из Мадрида в Рим, вокруг него собрались все те, кто долгие годы заявлял, что ничего общего не имеет с князем и его делами. Прощальную речь, полную дифирамбов по адресу «славного защитника итальянской цивилизации», произнес сам Альмиранте...

2. Слишком «черные анархисты»

«Заговор за заговором. В эти дни вся итальянская печать читается, как мрачный детектив», — так начинался один из комментариев еженедельника «Темпо» в декабрьские дни 1974 года. И в этих словах не было преувеличения.

Расследование деятельности Боргезе. Показания свидетелей взрывов в Милане и Брешии. Первые материалы следствия в связи с трагедией «Италикуса» — и везде прямо или косвенно называлась ИСД.

Арест Фреды и Вентуры, выяснение роли Джаннеттини и Раути во взрыве на площади Фонтана, наконец, процесс над «Новым порядком», закончившийся — впервые в послевоенной Италии — запрещением этой правозэкстремистской организации, — все это нанесло тяжелый удар по личному престижу Альмиранте, по его «новой» стратегии.

И все же даже в условиях мощного антифашистского подъема в стране ИСД по-прежнему ориентируется, с одной стороны, на организацию провокаций от имени левацких групп, и с

другой — на игру в легальность на парламентском уровне.

В этот период — в 1970—1974 годах — акции, организуемые собственно ИСД, практически невозможно отличить от тех, что планируют, опять же под контролем неофашистской партии, но от своего имени Боргезе, Раути, Делле Кьяйе, другие главарь чернорубашечников. И все же «рука» Альмиранте нет-нет да и оставит свой неоспоримый след...

Комиссар Калабреззи. Возраст — 35 лет. Один из самых способных и известных полицейских в Италии. Одно время сотрудничал в газете социал-демократов «Джустития», затем — в издании миллиардера Монти «Моменто-сера». В 1966 году в течение нескольких месяцев проходил курс переподготовки в одной из школ Центрального разведывательного управления США, за что в печати неоднократно называли его агентом ЦРУ. Во время визитов в Италию американских военных неизменно был их официальным сопровождающим...

В то утро Калабреззи вышел из дому, как обычно, в пять минут десятого. Человек предельно организованный, он ни в чем не терпел беспорядка. «По нему можно было проверять часы», — говорили его коллеги в полиции.

В 9.13 он, опять же, как обычно, остановился у перехода. На другой стороне улицы находилась машина его жены, которой он всегда пользовался по утрам.

Калабреззи вынул из кармана ключи от машины и вместе с несколькими пешеходами перешел улицу. Возле небольшого спортивного автомобиля, который стоял рядом с его «Фиатом», он заметил мужчину, читающего газету.

Мужчина аккуратно сложил газету, спокойно достал из кармана пистолет и в упор выстрелил в комиссара. Калабреззи упал, но убийца не

уверен в его смерти: он подходит к лежащему и разряжает оставшиеся патроны в голову комиссара. Затем, оглянувшись по сторонам, усмехнувшись при виде остолбеневших прохожих, он столь же неторопливо заворачивает пистолет в газету, садится в «Опцель», стоявший рядом с машиной Калабреззи, и уезжает... Это случилось 17 мая 1972 года.

Часы на письменном столе министра внутренних дел Мариано Румора показывали 9 часов 38 минут. Как всегда утром, он просматривал газеты. И в этот момент раздался звонок телефона. «Несколько минут назад в Милане стреляли в комиссара Калабреззи», — сообщил начальник итальянской полиции Анджело Викари.

Поставив в известность о случившемся президента республики и премьер-министра, Румор на специальном самолете вылетел в Милан. «В расследовании будут участвовать все, — заявил он ожидавшим его в аэропорту журналистам. — Полиция, карабинеры, пограничные войска, «лесная гвардия». Я распорядился перекрыть все границы».

Когда специальный наряд полиции прибывает на место происшествия, комиссару уже ничем нельзя помочь, он погиб при первом же выстреле: пуля попала прямо в висок.

Кто-то из прохожих успел заметить номер машины, которую уже час спустя находят неподалеку. Машина пуста. Выясняется, что она была похищена за два дня до этого с платной стоянки на окраине Милана.

У следственных органов нет и тени сомнения по поводу политической ориентации убийцы: конечно же, это мог сделать только анархист. Ведь именно Калабреззи обвинил анархистов в организации взрыва на площади Фонтана, именно он возглавил следствие. Немаловажным

для объяснения преступления является, по мнению полиции, и тот факт, что как раз незадолго до этого прокуратура отказала вдове анархиста Пинелли, потребовавшей возбудить уголовное дело против Калабреззи в качестве главного виновника таинственной смерти ее мужа.

В кампанию протеста против убийства комиссара тут же включается и ИСД, вновь показавшая при этом максимум оперативности и осведомленности. Если учесть, что сведения о гибели Калабреззи стали известны лишь несколько часов спустя, весьма показательным (но — увы! — только не для полиции) представляется интервью, которое дает Альмиранте журналистам в Риме уже в начале одиннадцатого утра. При этом лидер неофашистов недвусмысленно намекает, что инициаторов убийства и их покровителей следует искать среди левых сил.

«При этом, — добавляет Альмиранте, — нужно не забывать и о всех тех журналистах, следователях и адвокатах, которые вот уже многие годы всячески покрывают провокаторов». (Нетрудно догадаться, что речь идет о Джанкарло Стице и его коллегах, вступивших в открытый бой с неофашистами.)

Весьма осведомленной, как, впрочем, это было и в связи с событиями 1969 года, оказывается зарубежная печать. Так, лондонская газета «Гардиан» пишет уже 23 мая: «Причины, которые стоят за этим убийством, разнообразны. Любой комиссар полиции, при условии, что он активен и тщеславен, а Калабреззи был именно таким, имеет много врагов. Он более кого-либо знал обстоятельства смерти Пинелли, находился в курсе всего хода следствия, в результате которого на скамью подсудимых попал Пьетро Вальпреда.

Сегодня, когда Калабреззи мертв, единственные люди, знающие истинную правду об «анархистах» и других «бунтовщиках», — это сами организаторы провокаций. Но на их молчание можно, естественно, рассчитывать полностью...

Демократическим силам Италии, — продолжает «Гардиан», — остается лишь надеяться, что нынешнее убийство не является частью целой серии более далеко идущих убийств».

Не менее откровенно высказывается и английская газета «Таймс»: «...Фактом остается то, что Калабреззи стал жертвой системы, при которой все сделано для того, чтобы скрыть действительно существующую подпольную политическую организацию. Убийство Калабреззи есть не что иное, как устранение очередного свидетеля, прямо или косвенно связанного с этими черными замыслами. Главная проблема заключается отнюдь не в выяснении того, каким человеком был Калабреззи: добрым или жестоким. Кто бы ни был его убийца, он, несомненно, рассчитывал, что со смертью Калабреззи все «дело Пинелли» будет погребено вместе с трупом комиссара...

Пессимизм, который порождает эта смерть, более чем оправдан, — продолжает «Таймс». — Во время избирательной кампании министр внутренних дел Румор сделал все возможное и невозможное, чтобы доказать эффективность и оперативность полиции в борьбе против обычных правонарушений. Его труд был отмечен и, возможно, принес ХДП энное число голосов. Однако достаточно было этого единичного удара, чтобы вся общественность вновь подняла вопрос об эффективности полиции.

...Отказ следственных органов начать процесс против обвиненных во взрывах в Милане анархистов, попытки отложить судебное расследование роли Калабреззи в смерти Пинелли — все

эти правонарушения отнюдь не служат делу итальянской демократии...»

Однако все эти комментарии и оценки не достигают кабинетов полицейских управлений Италии. Там убеждены: Калабреззи всегда был врагом анархистов. Следовательно, они, и только они, могли быть заинтересованы в смерти комиссара.

Но и здесь тех, кто во что бы то ни стало стремится найти «второго Вальпреду», ждет неудача. Факты, показания свидетелей, улики — все это приводит расследование к членам левозкстремистских организаций, но, подчеркнем, опять же к тем из них, кто успел поучиться у греческих «полковников», кто побывал и в «Национальном авангарде» и в «Новом порядке», кого видели на «курсах» неофашистской тактики, организованных официальными организациями ИСД.

Перед лицом все более веских разоблачений Альмиранте в начале 1973 года готовит план «решающего выступления». Начало его реализации назначается на 7 апреля 1973 года. В этот день в десятках городов Италии — в поездах, на площадях, в общественных учреждениях — по замыслу фашистских стратегов должны одновременно взорваться бомбы. Вслед за этим отряды чернорубашечников, собранные в Риме, Милане, в других важных центрах страны, пошли бы на штурм университетов, помещений политических партий, демократических профсоюзов.

Дата 7 апреля была избрана не случайно. Именно на этот день следователи запланировали ряд очень важных очных ставок Фреды с другими подозреваемыми по делу о миланском взрыве. Массовые диверсии должны были, таким образом, предостеречь Фреду от каких бы то ни было признаний.

Особая роль во всей операции отводилась созданной в Милане неофашистской группе «Феникс», во главе которой был поставлен один из активистов ИСД — Джанкарло Роньони. Ей предстояло дать сигнал к путчу, взорвав один из поездов.

Кульминацией же переворота должна была стать неофашистская манифестация в Милане 12 апреля в 18.30, на которой Альмиранте собирался сообщить нации о «восстановлении Социальной республики».

Среди тех, кто в группе «Феникс» пользуется особой благосклонностью неофашистских главарей, — 22-летний Нико Ацци. Несмотря на свою молодость, он прошел уже все «школы» ИСД. Поначалу вступил в «Молодую Италию», несколько лет был даже заместителем секретаря одной из ее областных организаций. Затем — уроки Раути в «Новом порядке», откуда способного ученика переманил к себе в «Национальный авангард» Делле Кьяйе. Несмотря на все эти «перебежки», Ацци не устает повторять: «Я был и буду фашистом. Моей партией я всегда считал ИСД. Мой идеал — это эсэсовские войска в Германии и бойцы Республики Салó в Италии, особенно князь Боргезе».

На протяжении последних лет Ацци неизменно оказывался в центре всех провокаций неофашистов. Его видели в Риме и Реджо-ди-Калабрии, в Милане и Падуе. В его доме при обысках находили публикации группы Фреды, воззвания «Национального фронта», брошюры с выступлениями Альмиранте на «курсах переподготовки молодежи». В одной из них рукой Ацци подчеркнуты такие слова: «Придя к власти, мы уничтожим раковую опухоль коммунизма. Мы, фашисты, навсегда похороним его. У нас больше нет сил терпеть нынешние «свободы»... Мы горды, что станем фашистами вели-

кого завтрашнего дня. Принести нам победу должны прежде всего вы, молодежь...»

Несмотря на все эти прецеденты, Ацци провел в тюремных камерах в общей сложности лишь несколько дней.

Решающая встреча происходит в Милане на квартире Роньони 31 марта. К этому времени на складах ИСД уже лежат тысячи листовок, возвещающие о приходе к власти фашистов. Полностью отпечатан тираж нескольких правых журналов, также трубивших победу.

В подготовленном плане лишь один пункт требовал доработки. И касался он вопроса о том, какую окраску придать всей провокации.

Роньони связался с Римом и получил ответ: «Действовать от имени левозэкстремистской группы «Борьба продолжается»» (именно та, с которой Калабреззи «сталкивался» особенно часто).

Следуя этой инструкции, «Феникс» перебазировался на время в Павию — центр деятельности указанной группы.

7 апреля, в 8 часов 30 минут, Ацци купил билет на скорый поезд в Геную. В руках у него небольшой черный портфель, под мышкой — так, чтобы заголовок бросался в глаза, — газета леваков.

В 11.15, как только состав покинул станцию, Ацци зашел в туалет второго вагона и принялся за установку бомбы, которая должна была взорваться в 12.55, когда поезд будет проходить один из многочисленных туннелей. В этот момент состав вдруг резко затормозил. Еще не установленный взрыватель сработал, тяжело ранив Ацци. Разумеется, следователи не поверили версии, согласно которой фашист сильно ударился об оконное стекло.

После двух дней допросов Ацци раскрыл весь план.

О признаниях Ацци немедленно была извещена полиция Милана, которая тут же запретила манифестацию ИСД 12 апреля.

Однако Альмиранте уже не в силах остановить им же запущенную машину. 10—11 апреля в столицу Ломбардии съезжаются неофашистские молодчики из всех районов Италии. Около 200 активистов ИСД, вооруженных палками и кастетами, раздают листовки ИСД и последние номера ее газеты, в которых выделяется статья, подписанная членом руководства партии Франко Сервелло: «Общественное мнение устало от беспорядков, которые терзают Милан, общественное мнение восстает против этого маразма».

Решение полиции еще более накалило атмосферу: 12 апреля неофашисты вышли на улицы, выстроились в колонны и направились к центру города. Здесь произошли первые столкновения с полицейскими частями.

Среди «демонстрантов» полицейские агенты замечают хорошо известных органам охраны порядка неофашистов Витторио Лоя и Маурицио Мурелли. Именно они несколько минут спустя бросают бомбу в полицейского Антонио Марино, которого не спасает ни щит, ни специальная маска: он мертв.

20-летний Антонио Марино был одним из семи детей бедной крестьянской семьи с Юга. Он пошел служить в полицию после нескольких лет тщетных поисков заработка. На деньги, которые Марино посылал домой, жила вся его семья...

Когда об этом «инциденте» сообщают Альмиранте, он дает миланским руководителям обычную в таких случаях инструкцию: «Осуждайте преступление с максимальной твердостью. При этом намекайте, что речь, вероятно, идет об очередной провокации левых экстремистов».

Однако на сей раз тактика «активного участия в разоблачении акций политического терроризма», которая неоднократно выручала ИСД, «облагораживала» чернорубашечников в глазах напуганного обывателя, не срабатывает: известие о ничем не спровоцированном убийстве полицейского вызывает столь бурную реакцию общественного мнения, что Альмиранте понимает: это убийство приписать «левым» явно не удастся.

Уже утром 13 апреля, после бурных дебатов в римском Дворце Дракона — официальной резиденции руководства ИСД, принимается новое решение: выдать полиции мелких исполнителей — из тех, кто и так уже был на подозрении, объявить, что они давно уже вышли из «социального движения» в знак протеста против его политики отказа от терроризма. Кроме того, ИСД объявляет о назначении премии в 5 миллионов лир тому, кто даст сведения, «достаточные для серьезного наказания виновных».

Может быть, «операция» и прошла бы успешно, если бы арестованные не узнали о том, кто их выдал. Предательство Альмиранте вызвало целый поток излияний его вчерашних «героев».

Витторио Лой. «Что же это? Сначала нас выжимают как лимон, а затем выбрасывают за ненадобностью...

На собраниях ИСД я неоднократно видел офицеров полиции, карабинеров, армии. Во Дворец Дракона неоднократно приходил сотрудник политического отдела римской полиции Скарлино, который передавал руководителям ИСД какую-то информацию.

Среди других военных могу назвать полковника Джордано, подполковника Лилли, капитана Нобили, генерала Делла Кьеза». (Все эти имена впоследствии не раз будут названы и в связи с заговором Боргезе.)

Паоло Пекорьелло. «С 1960 по 1966 год наша деятельность ограничивалась организацией беспорядков в университетах, а также в небольших городах. Мы надеялись при этом, что с развитием экономического кризиса государственный переворот станет неизбежным и осуществят его карабинеры.

Примером нашей деятельности может служить убийство студента Паоло Росси¹. Как раз тогда же был обнаружен труп Антонио Алиотти².

В 1966 году Валерио Боргезе объединил многие группы бывших бойцов Республики Салó в единую организацию «Национальный фронт», с которой мы также вступили в контакт. Тогда же были установлены связи с некоторыми сотрудниками министерства внутренних дел и контрразведки.

С того времени нашей главной задачей стал раскол левозкстремистских групп. Проникнув в них, мы должны были использовать их в своих целях. Многим из нас это удалось. Наши акции были приписаны левым и вызвали панику и страх общественности.

В 1969 году, в период «жаркой осени», мы получили возможность действовать более широко. Через людей, находящихся в непосредственных контактах с депутатами ИСД, мы получали задания организовывать акции в церквях, оставляя при этом «красные следы», чтобы вызвать антикоммунистический психоз и у масс католиков³.

Помню, как однажды меня вызвали в Рим и вручили шесть гранат типа СРСМ⁴. Их я должен был подорвать во время массовой манифестации за мир во Вьетнаме. Лишь случайность помешала мне тогда выполнить это задание.

ИСД — это партия, кишущая шпионами, провокаторами, секретными агентами. Я испытал это на самом себе. Когда мне было 14 лет, я получил задание бросить банку краски в писателя Пазолини во время его выступления в Римском университете. Мне это удалось, однако несколько дней спустя меня все же забрали. Как я выяснил позднее, меня выдал один из членов ФУАН, находящийся на службе у полиции...

---

¹ Погиб во время вооруженных столкновений с фашистами в Римском университете.— А. В.

² Алиотти — один из молодых членов «Национального авангарда» — обвинил Стефано Делле Кьяйе в тесных связях с определенными кругами министерства внутренних дел. Несколько дней спустя, 25 февраля 1967 года, был найден мертвым. Смерть наступила от огнестрельной раны в висок.— А. В.

³ Изображения серпа и молота на стенах церквей были выданы правой печатью как доказательство деятельности «святотатствующих коммунистов». — А. В.

⁴ Эти гранаты находятся исключительно на вооружении итальянской армии.— А. В.

Я прошел в Риме курс методов организации гражданской войны, а также изготовления и использования взрывчатки. Кроме того, я прослушал лекции по проблемам психологической войны. При этом мы пользовались учебником, написанным журналистом Гундо Джаннеттини по документам, изданным контрразведкой.

Я абсолютно убежден, что секретные службы знали как об этих лекциях, так и о тех, что мы организовывали позднее уже в других городах...»

Выступления фашистов в апреле 1973 года, и особенно убийство Марино, вызвали глубокий перелом в настроениях итальянского общества. Даже те немногие скептики, которые долгое время преуменьшали опасность неофашизма, стали задаваться вопросом: «Когда же всему этому будет положен конец?»

В этой обстановке не решились поднять голову и те, кто на протяжении многих лет попустительствовал неофашистам, используя их провокации в своих интересах.

Под давлением демократического движения сначала сенат, а затем и палата депутатов итальянского парламента начали наконец рассмотрение требований следственных органов о лишении руководителей ИСД парламентской неприкосновенности, с тем чтобы возбудить против них судебные дела.

Однако партию Альмиранте не остановило и это.

Из показаний свидетелей по делу о взрыве бомбы во дворе полицейского управления Милана 17 мая 1973 года, в день открытия памятника погибшему комиссару Калабреззи

Джорджо Бистакки, 40 лет, электромеханик. «В тот момент, когда три голубых машины выехали из двора, я увидел, как мужчина, стоящий на другой стороне улицы, вдруг взмахнул рукой, и тут же мимо меня пролетел какой-то предмет величиной с лимон, завернутый в темную бумагу... Услышав крики, я инстинктивно упал на землю».

Габриэле Бенцан, 52 года, журналист. «Я дежурил в то утро в полиции. В момент отъезда Румора я выглянул в окно и увидел какой-то предмет, летящий с противоположной стороны улицы. Почему-то я сразу же подумал о бомбе. Затем — крики людей, море крови. И посреди этого хаоса — мужчина, пытающийся вырваться из окружившей его разъяренной толпы».

Антонио Ди Братто, 42 года, старший инспектор полиции. «Я увидел, как мужчина бросил бомбу, и тут же ухватил его обеими руками, не давая вырваться...»

Было 10 часов 57 минут. Бомба взорвалась несколько секунд спустя после того, как машины министра внутренних дел Румора и нового начальника итальянской полиции Дзанды Лоя, сменившего на этом посту Викари, покинули полицейское управление.

Сразу же после ареста провокатор Джан Франко Бертоли сделал следующее заявление: «Я анархист-индивидуалист. Моей целью было разрушение памятника Калабрезе. Меня не впустили во двор, и я бросил бомбу, чтобы проложить себе дорогу...»

Для полиции имя Бертоли не было неожиданным: досье на него насчитывало многие сотни страниц. Первый документ относится еще к 1950 году, когда Бертоли ранил выстрелом из пистолета двух своих соучеников в техникуме. Затем, в 1957 году, кража.

Последующие годы — это цепь вооруженных нападений, провокаций, грабежей. В 1963 году судебные органы назначают психиатрическую экспертизу Бертоли. Ответ специалистов также подшит к делу: «Бертоли способен к действию лишь под влиянием внешних факторов — в первую очередь других людей».

Во второй половине 60-х годов Бертоли, который длительное время является членом неофашистской организации «Движение за мир и свободу», так же как и многие другие чернорубашечники, «перекрашивается». И, несмотря на то что он частый гость на собраниях ИСД,

полиция заносит его имя в картотеку анархистов, о чем сообщают и Калабреззи.

В 1970 году Бертоли видит в Падуе, где в течение нескольких месяцев он снимает койку в помещении «Ассоциации помощи лицам, вышедшим из заключения». Здесь он знакомится с Эудженно Риццато, который, как мы уже говорили, является связующим звеном между «Национальным фронтом» Боргезе и группой неофашистов в армии. В этот период полиция отмечает его частые поездки за границу — в Швейцарию и Францию.

В 1971 году Бертоли надолго покидает Италию. Как выяснит позднее по просьбе итальянских коллег французская полиция, вплоть до 8 мая 1973 года он находится в небольшом городке недалеко от Тель-Авива, где заводит дружбу с тремя французами. Двое из них известны секретным службам: это члены крайне правой организации братья Жан-Мишель и Жак Эмми. Третий же зовется просто «Клодом».

26 июня 1971 года в комнате Бертоли происходит драка, причины которой так и не были установлены. «Клод» ранен. Братья Эмми скрываются, Бертоли же удается доказать свою непричастность к этому делу.

Присутствие братьев Эмми в Израиле отмечено вновь 25 ноября 1972 года. Проведя целую ночь в беседах с Бертоли, они вновь уезжают во Францию. Содержание беседы неизвестно, но следователи предполагают, что речь шла о новых фашистских провокациях.

8 мая 1973 года Бертоли покидает Израиль. 13 мая он уже в Марселе. Через день поезд доставляет его в Милан. Он тут же разыскивает своего старого знакомого Родольфо Мерси, работающего официантом в ресторане, находящемся в двухстах метрах от полицейского управления. С ним он проводит весь день 16 мая.

Родольфо Мерси никогда не скрывал, что является членом ИСД. Допрошенный полицией, он рассказал, что знал о намерениях Бертоли, однако не догадывался, что под «показательной акцией» тот имеет в виду взрыв бомбы.

При этом официант «забывает» сообщить следствию ряд чрезвычайно важных деталей. Во-первых, он «упускает из виду», что, узнав о приезде Бертоли, тут же позвонил некоему «доктору» и сообщил, что «поезд прибыл». Во-вторых, он скрывает, что в момент взрыва бомбы находился на работе. Услышав крики и полицейские свистки, он быстро переоделся, сказав коллегам, что пойдет в полицию, чтобы сообщить имя террориста и его политическую ориентацию — анархист...

В ходе следствия полиция особо заинтересовалась тем фактом, что, сев на пароход в одном из израильских портов, Бертоли сошел не в Генуе, откуда до Милана рукой подать, а направился в Марсель и лишь затем сел на поезд. И интерес этот вполне оправдан: Марсель вместе с Афинами и Барселоной является одним из главных центров встреч всех европейских неонацистов. Именно в этих городах скрываются многие бывшие члены иностранных легионов, военные преступники, бывшие активисты ОАС и других террористических организаций.

Именно отсюда тянутся во многие страны нити международной неонацистской организации «Черный интернационал», созданной еще в 1950 году.

Получив в свое распоряжение лишь в качестве «первоначального» капитала 120 миллионов долларов из «Фонда Бормана», 60 миллионов из различных фондов СС, средства секретных служб Муссолини, которые вовремя были переправлены за границу, неонацисты и неонацисты заложили основы широкоразветвленной

сети террористических центров, ставящих своей целью создание «четвертого рейха». Недостатка в средствах его главари не испытывали и в последующем: деньги поступали из салазаровской Португалии, франкистской Испании, а также, конечно, из США, где Центральное разведывательное управление открыло специальные счета в десятках банков многих государств.

«Черный интернационал» не стремится рекламировать свои связи, мало сведений просачивается в печать и о входящих в него организациях. Тем не менее известно, что к нему примыкают, а может быть, и входят в него такие международные центры неофашизма, как «Паладин», «Новый европейский порядок», а также «Черная капелла», долгое время скрывавшаяся под видом агентства «Ажинтерпресс» в Лиссабоне и вынужденная отказаться от этой «крыши» лишь в результате падения фашистского режима.

Одним из наиболее зловещих ответвлений «Черной капеллы» является «Вооруженная организация по борьбе против международного коммунизма» (ВОМК), руководителем которой, по мнению Интерпола, является француз Герэн-Серак. В документе, хранящемся в архивах международной полиции под номером 26785/ДС, о нем содержатся такие сведения: «40 лет. Удлиненное лицо, бегающие глаза. После разоблачения «Ажинтерпресс» бежал в Барселону. Появляется в Европе под несколькими именами. Его лучшими друзьями являются бывший капитан СС и бывший боевик ОАС».

«Черный интернационал» имеет самое прямое отношение к «героям» этой книги. Именно с Герэн-Сераком поддерживал постоянные связи Джаннеттини, именно для встреч с этим бывшим нацистом неоднократно выезжал в Лиссабон Делле Кьяйе.

Имея в виду все это, слишком трудно поверить, что «зеленый» маршрут Бертоли был действительно лишь нелепостью. Гораздо вероятнее другое: в Марсель он заезжал с единственной целью — для получения последних инструкций.

Политическое лицо этого провокатора было столь определенным, а круг знакомств столь четко очерченным, что ни у кого не осталось и тени сомнения: речь идет о фашисте, который действовал отнюдь не по собственной инициативе. Впрочем, этот вывод отсутствует в приговоре суда над Бертоли, вынесенном 2 марта 1975 года. Приговорив его к пожизненному заключению, правосудие не пожелало — в который уже раз — «копнуть глубже», выяснить подлинных организаторов бойни...

Разоблачение связей Бертоли с партией Альмиранте, разумеется, отнюдь не способствовало упрочению позиций ИСД. Однако на политическом горизонте уже просматривалось новое, еще более мощное поражение неофашизма, последствия которого лидеры «социального движения» так и не сумели преодолеть.

В мае 1974 года в Италии состоялся общенациональный референдум по вопросу о разводе. История его такова.

В 1970 году итальянский парламент принял закон, разрешающий — впервые в Италии — расторжение брака. Несмотря на свой демократический характер, этот закон носил довольно-таки ограниченный характер: развод разрешался лишь в случаях, когда брак уже фактически разорван и супруги не живут вместе в течение 5—7 лет, а также в случае психического заболевания одного из супругов или осуждения на пожизненное тюремное заключе-

ние, что также практически аннулирует возможность сохранения семьи.

Однако именно этот закон стал для реакции очередным поводом для наступления на демократическое движение. Выступив с демагогическим тезисом о том, что развод-де грозит гибелью итальянской семье и приведет ко всеобщему падению прав, эти силы добились решения о проведении референдума по вопросу, быть или не быть разводу.

«Консервативные круги в правящих партиях, неофашисты, крайне правые клерикальные круги делают ныне ставку на развязывание в стране острой «религиозной войны», — подчеркивалось на пленуме ЦК ИКП, состоявшемся в марте 1974 года. — Тем самым они стремятся расколоть нацию по религиозному принципу, отторгнуть от демократического движения католиков, которые все эти годы активно выступали вместе со светскими левыми силами за демократическое обновление.

Иными словами, играя на религиозных чувствах масс, в первую очередь женщин, эти силы намерены нанести мощный удар по демократическому движению страны, а в более общем плане — сдвинуть вправо ось политической жизни, свести на нет завоевания трудящихся».

Антидемократическая кампания, развязанная консервативными кругами вокруг референдума по разводу, в значительной степени напоминала обстановку 1948 года, накануне первых после установления республиканского строя всеобщих выборов. Общими были три момента.

Это — откровенный антикоммунизм в качестве основы всей политической платформы главной правящей партии страны — ХДП. Это — прямое вмешательство в дела государства со стороны правых клерикальных кругов. Это, наконец, полное стирание различий между лозун-

гами, выдвигаемыми христианскими демократами, с одной стороны, и неофашистами — с другой. Официальный орган ХДП газета «Пополо» с откровенным цинизмом призывала нанести удар коммунистам лишь потому, что они коммунисты.

Не менее цинично действовали и реакционные круги церкви. О масштабах их давления на верующих-католиков можно судить хотя бы по такому факту: в вышедшей накануне референдума в издательстве «Бомпиани» книге «Политика на исповеди» из 68 записанных бесед верующих со священником 54 являли собой образец откровенной пропаганды в пользу отмены закона о разводе.

Под предлогом референдума реакция вновь предприняла попытку усилить влияние клерикальных кругов, вновь поставить под свой контроль избирателей-католиков, ослабить единый фронт трудящихся, оторвать от левых партий тех, кто на выборах голосует за них, продолжая верить в бога.

Факты, однако, показали, что лозунги, выдвинутые руководством ХДП, отнюдь не отражали настроений широких масс трудящихся-католиков Италии, входящих в эту партию.

Анализируя главные цели и истинную направленность «крестового похода» против коммунистов, организованного в 1948 году, Пальмиро Тольятти в своей речи в палате депутатов в октябре того же года говорил: «Ныне нет возврата назад. Необходимо идти вперед. И какие бы преграды ни ставились на пути общественного прогресса, чтобы оказать ему сопротивление на определенное время, они только осложнят обстановку в такой стране, как наша, сделают еще более болезненным продвижение вперед, но все равно не смогут устоять долгое время. И тому, кто попытается поставить эти

преграды, неизбежно придется поплатиться за это в связи с возникновением новых ситуаций, которые станут определяющими в развитии общества»¹.

Это предвидение руководителя итальянских коммунистов блестяще подтвердила сама жизнь.

Референдум закончился сильнейшим поражением ХДП, неофашистов, других правых сил. Сторонники запрещения развода собрали все вместе лишь 41 процент голосов. Закон, таким образом, сохранил свою силу.

Результаты голосования стали началом конца политической карьеры руководителя ХДП Фауфани, который через год с небольшим вынужден был покинуть пост секретаря партии. Его откровенно антикоммунистические позиции оказались в противоречии с настроением ряда других христианско-демократических лидеров.

Итоги референдума нанесли мощный удар и по Альмиранте, показав, что его демагогия оказывает влияние на очень и очень ограниченное число итальянцев. Именно с этого момента число отдаваемых ИСД голосов сокращается постоянно и практически повсеместно.

3. И снова контрразведка

Десятки убитых, сотни раненых на площадях Италии, в поездах, в банках — таков кровавый итог неофашистской стратегии напряженности, таков «новый» курс Альмиранте.

Милан, Рим, Брешиа, Падуя, Венеция — повсюду ИСД оставила свои черные следы. Следы настолько явные, что ныне даже консерватив-

---

¹ *Пальмиро Тольятти*. Избранные статьи и речи, т. I (1923 год — октябрь 1956 года). М., 1965, стр. 542.

ные силы итальянского общества начинают сомневаться в возможности дальнейшего использования «социального движения» в своих целях.

Глубокая моральная изоляция, в которой оказался сегодня неофашизм, заставила и многих буржуазных политических деятелей твердо отмежеваться от ИСД, объявив о несостоятельности тезиса «о противоположных экстремизмах». Подобные изменения не могли не отразиться и на политике разведывательных служб. Вот почему СИД с такой настойчивостью начал добиваться выдачи Джаннеттини...

Однако моральная изоляция неофашизма еще не означает его окончательного поражения. «Государство сегодня делает все, что может,— с горечью пишет журнал «Эспрессо»,— но в общем и целом делает мало, поскольку внутри него самого существуют центробежные силы и препятствия, носящие как искусственный, так и объективный характер».

На что (или на кого) намекает еженедельник?

Один из ответов на этот вопрос мы находим в интервью, опубликованном другим буржуазным изданием. Речь в нем идет о созданном в июле 1974 года управлении по борьбе с терроризмом. Это ведомство, призванное заменить полностью дискредитировавший себя департамент по особо важным делам, существовавший долгое время в министерстве внутренних дел, должно было объединить лучшие силы из различных государственных служб с тем, чтобы борьба против политического терроризма стала более эффективной и целенаправленной.

За год существования управления в стране было совершено около 400 провокаций. Большинство из них так и остались безнаказанными. Почему?

Ответы на вопросы корреспондента еженедельника «Панорама» одного из сотрудников управления, по понятным причинам пожелавшего остаться неизвестным

— *Итак, почему же ваше ведомство не функционирует?*

— Прежде всего потому, что отсутствует желание заставить его функционировать. Разумеется, идея о создании органа весьма мобильного, свободного от бюрократической рутины, в который вошли бы несколько хорошо подготовленных специалистов, способных действовать оперативно, была сама по себе не плоха...

— *А что же вышло на самом деле?*

— Проблемы появились сразу же из-за соперничества между различными подразделениями министерства внутренних дел. В новое управление должны были войти лучшие специалисты полиции, карабинеров и пограничных войск. На деле же пограничники и карабинеры отказались принять участие в общей работе, и никто не пожелал заставить их делать это.

— *Но у кого есть такое право — заставить?*

— У политического руководства, у кого же еще? Если бы различные министерства договорились между собой и повлияли бы на военных, которые «зависят» от них, все было бы иначе.

— *Почему?*

— Да потому, что новое управление, созданное на базе лишь одной полиции, очень скоро потеряло престиж. Случилось так, что ревность по отношению к этому органу, стоящему над обычным полицейским управлением, привела к назначению в него не лучших, как было задумано, а скорее худших сотрудников.

— *Худших?*

— Уточню. Управление состоит сегодня из двух отделов. Один — информационный, куда вошли работники бывшего департамента по особо важным делам. В квалификации этих людей можно не сомневаться. Но есть ли у них желание добраться до самой сути определенных дел, вот вопрос? Прошрое департамента свидетельствует об обратном.

Второй отдел — собственно оперативный. В него вошло около 200 сотрудников полицейских управлений. И вот среди них-то мы и видим лишь тех, кто заслужил недобрую славу «склочников», или тех, кто только-только начинает службу в полиции.

— *Но для них, вероятно, были организованы специальные курсы?*

— Ничего подобного!

— *Так каковы же результаты?*

— Смешно говорить. Дело доходит до того, что некоторые сотрудники управления приходят в полицию с вопросом: «А можно ли этот кирпич считать уликой?..» Кирпич при проверке оказывается бруском взрывчатки.

Другие путают руническую эмблему «Национального авангарда» со звездой «Красных бригад»...

О каких же результатах здесь может идти речь?

...Поздно ночью 31 октября 1974 года все иностранные информационные агентства с пометкой «молния» передали из Рима следующее сообщение: «Сегодня здесь арестован генерал Вито Мичели, в течение четырех лет занимавший пост руководителя итальянской контрразведки. Он обвиняется в том, что поддерживал прямые контакты с организаторами черных заговоров и не предпринимал никаких мер для предотвращения кровавых провокаций неонацистов...»

Опубликованное всеми газетами 1 ноября, это сообщение в течение многих дней оставалось сенсацией номер один. Действительно, арест столь высокопоставленного чиновника, который, оставив СИД, должен был занять не менее значительный пост в армии, — событие необычное.

До 31 октября мало кто из итальянцев знал Мичели в лицо: следуя правилам своей «детективной» профессии, он неизменно уклонялся от встреч с журналистами и тем более фоторепортерами.

Генералу 58 лет. По словам коллег, отличный спортсмен, его хобби — детективные романы и собственная работа. Первое офицерское звание Мичели получил в 1935 году. Затем — участие в фашистской войне против Эфиопии. Во время второй мировой войны быстро продвинулся по службе. Неоднократно был награжден. Взятый в плен союзниками, демонстративно продолжал носить черную рубашку, показывая тем самым,

что не желает признавать факта падения фашизма.

В послевоенный период полковник Мичели столь же быстро одолевает одну ступень служебной карьеры за другой. Начальник Главного штаба сухопутных войск. Командир мотобригады.

Окончив высшую военную школу НАТО и проработав несколько лет на различных постах в армии, 18 октября 1970 года Мичели становится руководителем «Информационной службы обороны» (СИД).

СИД был создан в 1965 году вместо распущенной СИФАР для «исправления ее недостатков». Однако за годы своей деятельности он фактически превратился в СИФАР-2. «Лица, занимающие ключевые позиции в политике, в экономике, и сегодня используют контрразведку в своих целях», — заявил депутат парламента Спаньоли.

Несмотря на плотную завесу тайны, которой стремится покрыть свою деятельность руководство СИД, об «Информационной службе обороны» известно немало.

Прежде всего — ее колоссальный бюджет. Официальная его цифра — 7,4 миллиарда лир. Однако эти государственные ассигнования не идут ни в какое сравнение с секретными фондами СИД, создаваемыми за счет финансовых и промышленных магнатов. По некоторым подсчетам, они составляют 70 и даже 80 миллиардов в год.

В руководство СИД входит 200 высокопоставленных офицеров, в основном из тех, что ранее служили в военной жандармерии, военно-морских и военно-воздушных силах. На официальной службе в СИД — около 2000 агентов. Кроме того, и мы уже видели это на ряде примеров, в руках контрразведки сосредоточиваются све-

дения, получаемые от тысяч осведомителей, которые имеются практически во всех сферах итальянского общества.

СИД, как до нее и СИФАР, работает в тесном сотрудничестве со службами ЦРУ.

В развитии этих связей руководство американской разведки исходит из следующих соображений: Италия — одно из наиболее слабых звеньев атлантической цепи, в первую очередь в силу того, что на Апеннингах действует наиболее крупная в западном мире компартия. Потеря этой страны для США означала бы дальнейшее «размывание» НАТО, последствия чего были бы попросту катастрофичны. Отсюда вывод: действовать решительно, применяя все средства для того, чтобы помешать «сползанию Италии влево».

Пути реализации этой задачи?

Миланский буржуазный еженедельник «Темпо» формулирует их так:

«1. Более непосредственное вмешательство в итальянские дела посредством нажима, рекомендаций, финансирования дружественных США политических партий и движений¹.

2. Реорганизация действующего в Италии проамериканского фронта на случай решающих схваток.

3. Разработка вариантов контр наступления на случай, если приближение коммунистов к зоне власти будет безостановочно продолжаться».

---

¹ По данным газеты «Нью-Йорк таймс», в конце 50-х годов тайное финансирование Центральным разведывательным управлением лишь христианских демократов в Италии достигло 3 миллионов долларов в год. На проведение парламентских выборов в 1972 году ЦРУ послало 10 миллионов долларов. Выборы в местные органы власти, состоявшиеся в июне 1975 года, обошлись американской разведке еще в 6 миллионов долларов.

Общее руководство этими операциями ЦРУ в Италии осуществляют трое наиболее авторитетных сотрудников. Это, во-первых, Уильям Мериэм, официально являющийся вице-президентом итальянского филиала компании «Интернешнл телеграф энд телефон» (ИТТ). История создания этого филиала, в чем не последнюю роль сыграл СИД, очень показательна.

В начале 70-х годов руководство НАТО запросило у итальянских властей разрешение на создание дополнительной системы телефонной связи. Вся работа была поручена ИТТ — одной из самых могущественных многонациональных монополий. С тех пор как была установлена ее причастность к свержению правительства Сальвадора Альенде, ни у кого не осталось сомнений, что ЦРУ использует эту компанию как ширму для проведения некоторых крупномасштабных операций. Таковой, безусловно, было и «создание дополнительной системы связи» в Италии.

Как выяснилось очень скоро, в действительности речь шла о чрезвычайно мощном электронном узле подслушивания телефонных разговоров. Основное ядро этой системы контроля находится в Риме, в том же здании, что и главное Управление телефонных станций и линий министерства почт и телесвязи. Однако отведенные натовским службам помещения охраняются вооруженными часовыми и пользуются правом экстерриториальности, аналогично посольствам.

Всеми правами дипломатического гостя пользуется и руководитель этих служб Уильям Мериэм. Он совершает многочисленные поездки по стране, пользуясь для этого персональным самолетом в сопровождении целой группы телохранителей.

Другой «гость» Италии — бывший директор, а ныне специальный советник ЦРУ — Джон

Маккоун обосновался в Сан-Марино, где создал личную информационную базу. Туда же поступают донесения от различных тайных агентов, завербованных в Италии. Эти сведения затем передаются по радио в Самсун (Турция), где Соединенные Штаты имеют мощный радиоцентр, поддерживающий постоянный контакт со штаб-квартирой Центрального разведывательного управления в Лэнгли (США). Бывший шеф ЦРУ также играл ведущую роль в организации государственного переворота в Чили, и его считают одним из самых важных «серых кардиналов» американской секретной дипломатии. Фактически Маккоун представляет интересы американского военно-промышленного комплекса.

Третий шеф американских секретных служб в Италии — генерал Вернон Уолтерс, с 1972 по 1976 год заместитель директора ЦРУ. Видный специалист по «технике» подрывной деятельности, он своего рода «ученый», изучающий проблемы гражданской войны и подпольной борьбы. Это он разработал методы обучения агентов ЦРУ в странах, где намечается произвести государственный переворот. Он автор плана «Кентавр», осуществленного диктатором Пиночетом с целью свержения Альенде. Генерал взял на себя военную сторону подготовки переворота. Экономической занимался Меризм.

Резиденция Вернона Уолтерса, когда он бывает в Италии, находится близ штаб-квартиры НАТО в Неаполе. Поскольку он убежденный католик, у него много друзей в Ватикане, а также среди христианских демократов в Италии и в других странах. Кроме того, генерал поддерживает тесные связи с партией Альмиранте.

Имея в виду, что именно на этих «консультантов» опирался в своей каждодневной деятельности генерал Мичели, нетрудно предста-

вить, какой переполох вызвал в Вашингтоне его арест. Достаточно сказать, что высшие американские чиновники немедленно направили своим итальянским коллегам обширное послание, в котором настойчиво советовали «действовать с максимальной осторожностью, дабы не нанести ущерба стратегическим интересам НАТО».

В чем же конкретно обвиняется Мичели?

В ордере на его арест говорится:

«Он явился инициатором, создал и организовал при соучастии других лиц тайное общество военных и гражданских лиц с целью вызвать вооруженное восстание и вследствие этого незаконное изменение конституции государства и формы правления насильственным путем в результате деятельности вышеупомянутого общества и частично под его руководством, при этом используя различные вооруженные группы, обладающие иерархической структурой и связанные между собой через посредство офицеров связи и через систему руководителей».

Эти группы находились в различных городах, в частности в областях Венеция (Падуя и Верона), Лигурия (Генуя, Специя, Рекко), Тоскана (Версалия), действовали под различными наименованиями («Карн-Джерси», «Роза ветров», «Палачи Италии» и др.), финансировались с целью создания беспорядков, совершения террористических актов, запугивания и насильственных действий. При этом он организовывал группы поддержки; располагал собственной информационной службой; создавал параллельные военные и гражданские структуры».

Так, агентом Мичели был Торквато Николи, один из ближайших сотрудников Боргезе. Через него, а также по другим каналам, руководитель контрразведки получал всю информацию о деятельности заговорщиков. Уже в сентябре 1974 года Мичели имел досье на многих военных, свя-

занных через Риццато с Боргезе: на подполковника Спянци, генералов Риччи и Нарделлу.

Весьма неприглядную роль сыграл «параллельный СИД» генерала Мичели и в действительности «генуэзской фирмы». Зная о том, что речь идет о провокационной организации, чье ядро составляет «Национальный фронт», и что финансируют ее промышленники, нефтяные и финансовые магнаты, он не сообщил об этом органам полиции.

Более того, сам Мичели отнюдь не был посторонним наблюдателем: заговорщики называли его «генеральным директором». Эта последняя деталь была выяснена совершенно случайно. Причем помог в этом — разумеется, того не желая — бывший секретарь Мичели полковник Федерико Мардзолло.

Вызванный для показаний следователем Тамбурино, он так увлекся беседой, что не заметил, как стал, говоря о своем начальнике, употреблять страшные коммерческо-политические термины. В частности, Мичели он несколько раз назвал именно «генеральным директором».

В конце допроса Тамбурино показал полковнику несколько писем «сотрудников фирмы», в которых были подчеркнуты следующие фразы: «Передайте генеральному директору, что для нашего движения нужны новые средства», «необходимы соответствующие гарантии генерального директора, чтобы облегчить получение средств...»

«О каком же генеральном директоре идет речь?» — в упор спросил Тамбурино. И Мардзолло понял, что проговорился.

Но это все, как говорится, лишь общая картина. «Детали» выглядят еще живописнее.

...По словам Торквато Николи, он по заданию СИД принял участие в международной встрече неофашистов в Лозанне (октябрь 1973 года) и

записал при помощи портативного магнитофона все выступления. Никаких следов этих записей в архивах СИД не было обнаружено.

...В марте 1974 года капитан Ла Бруна (все тот же, который сотрудничал и с Джаннеттини) вместе с Николи отправился в Швейцарию, где встретился со скрывающимся там Ремо Орландини. Последний рассказал все, что знал о «Национальном фронте» и его «филиалах». Пленка с записью этой беседы была передана Мичели, и долгое время о ее существовании никто не знал. Уходя из СИД, генерал приказал «подчистить» ее в наиболее щекотливых моментах.

Исчезла, к примеру, следующая запись:

Ла Бруна. Каким образом вы покинули Италию? Кто сообщил вам о возможном аресте?

Орландини. Это может показаться странным, но все было именно так. Кто-то позвонил мне по телефону и сказал: «Немедленно пойдите в кондитерскую на углу». Когда я попытался выяснить фамилию говорящего, мне было сказано: «Не задавайте вопросов, действуйте быстро. Это очень важно не только для вас».

Когда я пришел в назначенное место, меня уже ждали двое незнакомых мужчин, которые вручили мне в конверте крупную сумму денег. Указав на стоящую неподалеку машину спортивного типа, они сказали: «Встретимся в Швейцарии»...

Нетрудно догадаться, что бегство было организовано СИД, иначе чем объяснить уничтожение данной записи?

Аналогичной обработке подверглись и пленки, содержащие телефонные разговоры Мичели с некоторыми террористами.

Кроме всего этого, имеется целый ряд за протоколированных свидетельств об угрозах Мичели по адресу сотрудников отдела «Д» и его руководителя генерала Малетти. Последний неоднократно спрашивал шефа, почему определенная информация не передается следственным органам. На это Мичели отвечал: «Я повторял тысячу раз и повторяю, что я, и только я, решаю

вопрос о способах использования той или иной информации, тех или иных документов. А потому не надоедайте мне вашими призывами о сотрудничестве с прокуратурой!..»¹

Арест генерала Мичели, публикация материалов, свидетельствующих о причастности бывшего шефа контрразведки к неофашистским заговорам, были положительно оценены печатью. И все же в комментариях не было недостатка в скептических нотках.

Так, миланская газета «Коррьере делла сера», представляющая, как утверждают, интересы крупных промышленников Ломбардии, писала: «Еще за несколько дней до своего ареста Мичели ожидал приказа о назначении его на пост командующего третьим корпусом итальянской армии. На его счет имелись подозрения, но вместо их проверки и наказания генерала ему было обещано новое повышение... В подобной практике заключается главная опасность.

Ведь в этих условиях ответственность политических деятелей оказывается скрытой, а процесс деградации государственных служб постоянно развивается².

Что же изменилось сегодня? Настроения следователей? Политический курс? Если это все так, то приходится лишь надеяться, что республика теперь станет сильнее...»

4. Им не пройти!

Вся история послевоенной Италии, как мы уже достаточно широко показали на предыдущих

---

¹ Позднее выяснилось, что и генерал Малетти не был в этом деле лишь «смирненным ягнцем».

² Портрет генерала Мичели будет неполным, если мы не упомянем, что в июне 1976 года он был избран депутатом парламента от неофашистской партии.—
А. В.

страницах, — это острейшая, ни на один день не затухающая борьба между силами реакции и консерватизма, с чьих позиций неоднократно выступало официальное руководство ХДП, и силами демократии и прогресса во главе с Итальянской коммунистической партией.

Для рабочего движения, для широких масс итальянских трудящихся это был нелегкий период. И все же, несмотря на временные отступления и даже поражения, силы демократии неизменно продвигались вперед. Они нанесли поражение авантюристическим попыткам «мирным путем» уничтожить республиканский строй в 1953 и 1960 годах. Они проявили максимум решительности и стойкости перед лицом возрождения неофашизма, эскалации его насилий в конце 60 — начале 70-х годов.

Сегодня (а мы пишем эти строки в начале 1976 года) за решеткой находятся в ожидании процесса террористы-чернорубашечники Фреда, Вентура, Джаннеттини, десятки других их «коллег». Правосудие свершилось над «анархистами» Бертоли, Ацци, Лоем, Мурелли...

Парламент принял решение о лишении парламентской неприкосновенности многих депутатов и сенаторов от ИСД. Значит, вскоре должно, видимо, начаться расследование преступной деятельности Альмиранте, Раути, Карадонны...

Переданы в суд материалы следствия по делу организаций Боргезе. Среди обвиняемых в попытках переворотов одним из первых назван генерал Мичели, бывший шеф контрразведки. Запрещена организация Делле Кьяйе «Национальный авангард»...

Много все это или мало?

Много, если учесть, что на протяжении долгих лет неофашисты могли действовать практически безнаказанно, уничтожая десятки ни в чем не повинных людей, разжигая на Апенни-

нах обстановка психоза, близкую к гражданской войне.

И все же этого мало для уничтожения нефашизма в целом. Ведь история учит, что места «гитлеров и муссолини» не остаются надолго вакантными, если в стране не искоренена полностью питательная среда, на которой произрастает черная и коричневая чума: засилье монополий, экономическая отсталость огромных районов, безработица, инфляция, глубокий кризис системы образования, медицинского обслуживания, общественного транспорта...

Во всем этом полностью отдают себе отчет итальянские коммунисты. Для них борьба против реакции — это основа основ всего стратегического курса.

Давая отпор нефашистским провокациям, разоблачая на всех уровнях антидемократический характер политики ИСД и ее тайных и явных «резервов», сплачивая массы на борьбу в защиту республиканского строя, демократических прав и свобод, перед лицом попыток реакционных сил перейти в наступление, ИКП вместе с тем указывает: «Фашизм можно победить, лишь уничтожив сами корни этого позорного явления. Путь к достижению этой цели один: глубокие общественно-экономические реформы, задача которых — действительное обновление итальянского общества».

В этом плане демократические силы добились немалых успехов. Изменения в настроениях широчайших слоев итальянского общества ярко проявились на референдуме по вопросу о разводе. Это было вновь блестящим образом подтверждено в ходе выборов в местные органы самоуправления в июне 1975 года.

Особую значимость выборам придал тот факт, что в них впервые приняли участие более 3 миллионов молодых людей в возрасте от 18

до 21 года, получившие право голоса лишь в начале 1975 года в связи с новым законом, за принятие которого демократические силы Италии боролись на протяжении всего послевоенного периода.

Главный итог выборов — повсеместное и весьма значительное улучшение позиций левых сил, в первую очередь компартии, — был отмечен всеми повсюду. По сравнению с аналогичными выборами в 1970 году число голосов, поданных за коммунистов, возросло в среднем по стране более чем на 5 процентов. В целом же за ИКП проголосовали 32,4 процента избирателей¹.

Тем самым почти треть взрослого населения Италии высказала свою поддержку курсу коммунистов — курсу антифашистской борьбы, радикальных общественных перемен.

В то же время потеря голосов неофашистами по сравнению с парламентскими выборами 1972 года составила в некоторых районах 40 и даже 50 процентов. И что особенно показательно, демагогия Альмиранте не достигла своей цели даже на Юге Италии — этом главном форпосте современных чернорубашечников...

Выезжая из Рима через ворота Сан-Себастьяно, вы попадаете на древнюю Аппиеву дорогу. На первом километре она разветвляется. Направо — указатель «Ардеатинские пещеры».

Здесь, в туфовых каменоломнях, 24 марта 1944 года немецкие фашисты расстреляли 335 римлян — заложников, ставших невинными жертвами зверской расправы. Однако они были патриотами, осознавшими свой долг в борьбе за

---

¹ На парламентских выборах в июне 1976 года ИКП добилась еще более внушительной победы. Ей отдали свои голоса 34,4 процента избирателей.

национальное освобождение против захватчиков и их приспешников.

Сегодня Ардеатинские пещеры являются святыней Итальянской Республики, рожденной Сопротивлением. Гигантская глыба туфа закрывает холодные катакомбы, в которых в ряд стоят 336 каменных надгробий. На белом мраморе первого из них написаны следующие слова:

«Этот саркофаг пуст, но он открывает счет тех, в которых покоятся останки жертв Ардеатины. Он — символ. Он — напоминание о жертвах всех тех итальянцев, которые добровольно шли на риск и на смерть и тысячами гибли в борьбе за освобождение родины от ее внутренних и внешних врагов, за то, чтобы вернуть своей земле мир, независимость, труд, высшую справедливость, за свободу и гуманные отношения».

Фашистские провокации, взрывы бомб направлены против свободы, демократии, гуманизма. Однако все эти провокации — выражение отчаяния и злобы людей вчерашнего дня.

Им никогда не пройти. Ни сегодня, ни в будущем!

ОГЛАВЛЕНИЕ

<i>Вступление.</i> В те дни, в декабре	1
<i>Глава I.</i> Начало	12
<i>Глава II.</i> Тактика проникновения и стратегия бомб	54
<i>Глава III.</i> Правда угодна не всем	115
<i>Глава IV.</i> Черные следы ведут в ИСД	157

Афанасий
Александрович
Веселицкий

Совершенно секретно:
заговор против республики
(И т а л ь я н с к и й   н е о ф а ш и з м)

Заведующий редакцией *К. Н. Сванидзе*
Редактор *Н. В. Попов*
Младший редактор *Н. С. Коблякова*
Художник *А. М. Ясинский*
Технический редактор *Н. П. Межерицкая*

Сдано в набор 1 апреля 1976 г. Подписано в печать 3 сентября 1976 г. Формат 75×90¹/₃₂. Бумага типографская № 2. Условн. печ. л. 10,31. Учетно-изд. л. 10,44. Тираж 150 тыс. экз.
А 00140. Заказ № 4504. Цена 45 коп.

Политиздат. 125811, ГСП, Москва, А-47, Миусская пл., 7.
Тип. изд-ва «Звезда», г. Пермь, ул. Дружбы, 34.

Генуя. Июль 1960 г. Полиция на площади Ди Феррарис.

Милан. Улица Беллотти, 6 часов вечера 12 апреля 1973 г.

Очередная провокация.

И снова — «черные следы».

Итальянский неофашизм

Фашизм «означает установление открытой диктатуры самых реакционных и шовинистических групп капитализма с целью сохранить свою власть, уничтожая все демократические свободы, прибегая к насилию и террору и толкая на путь войны. Следовательно, в нынешней фазе глубочайшего кризиса капиталистического строя всегда существует такая опасность и в определенные моменты она становится еще более серьезной».

Пальмиро Тольятти.
Избранные статьи и речи, т. II. М., 1965, стр. 176.

Южноитальянский город Реджо-ди-Калабрия озвачен «бунтом», спровоцированным и направленным крайне правыми силами.

